

**THE PUBLIC PERCEPTION
OF THE CULT OF LENIN
BASED ON ARCHIVAL MATERIALS**

**ОБРАЗ ЛЕНИНА
В МАССОВОМ ВОСПРИЯТИИ СОВЕТСКИХ
ЛЮДЕЙ ПО АРХИВНЫМ МАТЕРИАЛАМ**

Ольга Великанова

**THE PUBLIC PERCEPTION
OF THE CULT OF LENIN
BASED ON ARCHIVAL MATERIALS**

**ОБРАЗ ЛЕНИНА
В МАССОВОМ ВОСПРИЯТИИ СОВЕТСКИХ
ЛЮДЕЙ ПО АРХИВНЫМ МАТЕРИАЛАМ**

Ольга Великанова

Olga Velikanova

Slavic Studies
Volume 6

The Edwin Mellen Press
Lewiston•Queenston•Lampeter

Library of Congress Cataloging-in-Publication Data

Velikanova, Olga, 1954-

The public perception of the cult of Lenin based on archival materials / Olga Velikanova.

p. cm. -- (Slavic studies ; v. 6)

Text is in Russian.

Includes bibliographical references and index.

ISBN 0-7734-7371-8

1. Lenin, Vladimir Il'ich, 1870-1924--Cult. 2. Heads of state--Soviet Union--Biography. 3. Soviet Union--History--1917-1936. I. Series.

DK254.L46 V42817 2001

947.084'1'092--dc21

[B]

2001030560

This is volume 6 in the continuing series Slavic Studies Volume 6 ISBN 0-7734-7371-8 SIS Series ISBN 0-88946-741-2

A CIP catalog record for this book is available from the British Library.

Copyright © 2001 Olga Velikanova

All rights reserved. For information contact

The Edwin Mellen Press
Box 450
Lewiston, New York
USA 14092-0450

The Edwin Mellen Press
Box 67
Queenston, Ontario
CANADA L0S 1L0

The Edwin Mellen Press, Ltd.
Lampeter, Ceredigion, Wales
UNITED KINGDOM SA48 8LT

Printed in the United States of America

Содержание

Список иллюстраций	i
Предисловие	iii
English Preface	ix
От автора. Ленин в моей жизни	1
Источники	9
Культ лидера как результат модернизации и массивификации. Социализм как гражданская религия	41
Глава 1	
Прижизненный период. Политика власти по популяризации вождя	51
Смерть Ленина в реакции властей и в общественном восприятии «Мавзолеизация».	67
Ленинский призыв как политика и как стихийный процесс	89
Пропаганда ленинизма	107
«Если бы Ленин был жив...» Конец 20-х – 30-е годы	117
Позиция Крупской	123
Культ Ленина в музеях.	137
Глава 2	
Религиозный символ. Образ	149
Религиозный символ. Лексика	163
«При Ленине...» «Приручение» времени	175
Имя	183
Национальный символ	191
	205

Родовой символ	215
Политический символ	225
Образец для подражания	229
«Де-ленинизация»	237
Заключение	245
Приложение 1. Спец-сводка № 1 об отношении рабочих, служащих и учащихся г. Петрограда к смерти тов. Ленина. 23 января 1924 г.	255
Приложение 2. Аттракцион «Ленинским путем».	261
Список сокращений	263
Список архивов	265
Библиография	267
Алфавитный указатель	281

Предисловие

1 марта 1924 года в Московском архитектурном обществе под председательством архитектора А. В. Щусева прошла дискуссия о формах увековечения памяти В. И. Ленина. Леонид Красин, образованный и умеренный большевик, наметил направления этой работы: оформление могилы Ленина (речь еще не шла о Мавзолее, проект которого выполнит Щусев – В. И.), создание «большого центрального памятника Ленину» и памятников, «необходимых для удовлетворения спроса всех городов Союза». Так начиналась «ленинизация» всей страны.

С тех пор прошло много лет. Провалился грандиозный эксперимент по построению социализма и коммунизма в одной стране, стоивший советскому народу миллионов жертв. Тем не менее в городе Ульяновске, где родился Ленин, по-прежнему центре Ульяновской области, на территории Ленинского района размещается Ульяновский педагогический институт им. И. Н. Ульянова (отца В. И. Ленина). Его адрес – площадь имени 100-летия со дня рождения В. И. Ленина. Подобные вещи – улицы Ленина, памятники Ильичу и т. п. – и сейчас легко обнаружить в любом городе и поселке огромной России. Таким образом, «бархатная революция» 1991–1993 гг. не ликвидировала в полной мере культ ленинского имени. Почему?

Более 80 лет фигура Ленина остается одним из важнейших символов российской и мировой истории, вызывающим далеко не однозначное к себе отношение. С 1917 года и по сей день одни готовы преклоняться перед этим человеком, другие – столь же самозабвенно его ненавидят. При этом полярность знаков за эти годы нередко менялась как в индивидуальных, так и в коллективных представлениях граждан.

Иосиф Сталин, именовавший себя «верным учеником и продолжателем дела великого Ленина», превратил интернациональную идею Ленина в национал-большевизм, сохранив лишь ее формальную оболочку. Несколько десятилетий спустя бывшие руководители идеологической деятельности КПСС, прилагавшие немало сил и стараний для пропаганды ленинизма, пишут и говорят о Ленине лишь в крайне негативном тоне. В частности, бывший секретарь ЦК и член Политбюро Александр Яковлев называет своего бывшего кумира «фанатиком террора», человеком, который «уничтожил нашу Родину, мать-Россию»¹. Социологические опросы 80-х и 90-х гг. показывают столь же резкие перемены в отношении к Ленину в коллективном сознании: от восторженных отзывов более половины населения к обвинениям его во всех бедах страны за последние 80 лет. Вместе с тем недовольство реформами последнего десятилетия вместе с определенной «ностальгией» по прошлому придают этому «маятнику» более устойчивое положение.

Опрос, проведенный в апреле 2000 года Агентством региональных политических исследований в 90 городских и сельских населенных пунктах 49 регионов, показал, что наиболее выдающимися историческими деятелями XX века в России респонденты считают Иосифа Сталина (11%), Владимира Ленина (10%), Владимира Путина (6%). На четвертом месте оказался прославлявшийся на рубеже 80-х – 90-х годов Петр Столыпин (4%)². Конечно, в этих цифрах немало условного, временного. Но все-таки, если российская глубинка по-прежнему ставит на первые места Иосифа Сталина и Владимира Ленина, возникает законный вопрос: почему это происходит? Является ли это следствием многолетнего «промывания мозгов», тягой к стабильности и «сильной руке», воспринимаемой как символ порядка? Может быть, участники опроса просто называли наиболее известных им руководителей страны или выражали свои политические симпатии? Ведь примерно 20% населения России голосует на выборах за Коммунистическую Партию Российской Федерации и другие левые организации.

¹ Общая газета. 2000. № 3 (337). С. 15.

² Известия, 2000. 21 апреля. С. 2.

В любом случае понятно, что фигуры Ленина и Сталина, как бы мы к ним ни относились, не были случайны для России. По-видимому, они сумели сфокусировать ощущения, переживания миллионов людей и повести их за собой. Еще с большим правом, чем Льва Толстого, самого Ленина можно назвать «зеркалом русской революции» со всеми ее цветами и оттенками: мечтой о справедливом обществе и готовностью уничтожить всех, препятствующих ее осуществлению; лозунгами экономического процветания в будущем и страшным голодом в реальном настоящем; отменой массы феодальных установлений и страшным произволом многочисленных властей. Все это вместе соединялось в стремлении прищипорить Россию и весь мир ради прекрасного будущего.

Феномен Ленина уже в том, что его реальная деятельность во главе государства длилась лишь около пяти лет, до конца 1922 г. Это несравнимо меньше, чем правление крупнейших российских самодержцев: Ивана Грозного, Петра Великого, Екатерины Второй. Намного меньше, чем продолжалось правление Иосифа Сталина, который, по существу, замыкает этот ряд. Само имя Ленина стало известно большинству населения только после 25 октября 1917 г.

Тем не менее, эти годы – с 1917 по 1922 – действительно во многом изменили исторический путь России; стали попыткой грандиозного утопического прорыва в другое измерение. С самого начала имя Ленина, его образ воспринимались большей частью населения весьма эмоционально: или как Сатаны, или как нового Христа. Но в течение многих лет попытки подлинно научного анализа различных аспектов фигуры Ленина, в том числе истории формирования представлений о нем в сознании советских граждан, находились под строжайшим запретом. Ленина можно было лишь славословить по строго разработанным канонам.

С наступлением времени духовной свободы, с конца 80-х годов, русские историки переосмысливают советский опыт. Одни пытались отрицать очевидное, придерживаясь старых догм. Другие бросились собирать так называемые «жареные факты», сбрасывая Ленина и всю историю советской России с «корабля современности». И лишь третьи не только извлекали факты, погребенные в архивах и литературе специального

хранения, но прежде всего пытались осмыслить их с позиций подлинного научного знания.

Последнее означает не замену знака «плюс» на «минус» и наоборот, а желание понять прошлое; стремление создать определенную концепцию, учитывающую многофакторность исторического процесса. Процесса, в котором действуют не маски с навсегда обозначенной характеристикой, а живые люди с их мыслями, поступками, страстями. Процесса, в котором тот же Ленин предстает в освещении его великих прозрений и грандиозных просчетов, губящих дело его жизни.

Именно к таким работам относится предлагаемый труд Ольги Великановой «Феномен Ленина в коллективных представлениях советских людей». Ольга Валентиновна не скрывает от читателя, что ее собственное отношение к Ленину формировалось и менялось на протяжении многих лет. Как всякий советский ребенок 60-х – 70-х годов, она была октябренок, пионеркой, комсомолкой и воспитывалась в уважении к этому человеку. После окончания истфака Ленинградского университета автор стала работать экскурсоводом в музее Октябрьской революции. Казалось бы, избранная профессия не оставляла места для неортодоксальных размышлений.

Но знакомство с неизвестными ранее фактами, осмысление уже известного позволили ей начать исследование нового аспекта ленинской темы, оставаясь внутренне свободной от устарелых догм и модных стереотипов. Уже в своей кандидатской диссертации «Образ В.И.Ленина в государственной идеологии и общественном восприятии в советской России», успешно защищенной в 1993 г., она проанализировала основные составляющие формирования культа Ленина, его изменения и развития вплоть до «де-ленинизации». В последующие годы автор продолжала заниматься этой темой, отыскивая новые аспекты и внося новые краски в эту многоцветную картину. Результатом стала данная книга.

Здесь разрушаются легенды о глубокой и всеобъемлющей популярности Ленина в широких массах при его жизни и в 20-е годы, интересно показана неоднозначная роль самого вождя в популяризации своего образа: резкие возражения против идеи создания музея осенью 1920

года, и одновременно — новая манера одеваться, позирование художникам и фотографам.

Справедливо подчеркивается, что культ Ленина надо рассматривать не только как определенную политику коммунистической партии, но и как воплощение глубинных потенций русской политической культуры, выплеснувшейся в харизме Ленина. Без каких-либо натяжек показана в создании культа Ленина роль жены — Надежды Крупской. На ее примере виден грустный, но реальный процесс — от протестов против возвеличивания Ленина через претензию на исключительное владение его образом к прославлению его имени и даже включению культа Ленина в культ Сталина.

Отношение широких масс населения к Ленину также показано в различных его аспектах: от ненависти до мотива Отца, которому можно было пожаловаться на несовершенство реального социализма с затаенной мечтой о его воскрешении, и анекдотов, отражавших «перекормленность» ленинской темой со стороны официальной пропаганды.

Уверен, что книга будет интересна широкому кругу читателей и полезна для пробуждения и укрепления подлинно исторического мышления.

В. С. Измозик, доктор исторических наук, профессор

English Preface

The leader's cult was an important feature of the new, Soviet civilization. It is studied here as a part of the integral state myth reinforcing soviet society. Socialist myth was personified in a figure of Lenin. His image existed in the collective mind of the people in several forms, which responded to a variety of human needs, including the need for identity, the need for a protector, and the longing for integration. The image of the leader served as a kinship symbol of 'father', as well as a religious, class, political, and national symbol, with a variety of meanings. It even provided a model of behavior, which is so necessary to a society as a means of socialization. The features of the leader's image offered by the authorities, however, often differed from the features generated in the imagination of the masses. For example, contrary to the official international rhetoric, the public interpretation of Lenin was as a national symbol – a genuine Russian in opposition to the Jewish majority in the party leadership. Spontaneous mythology in its relationships to the official myth is the predominant theme of the present study.

This book is the first attempt to approach the cult of Lenin from a socio-anthropological rather than from a political basis. For example, a detailed study of the discussion on embalming Lenin's body in 1924 is placed in the context of Bolshevik's experiments with time. The attempt to make Lenin "immortal" was among other attempts to 'tame time' and to put time to political use. Passion for images of the leader and for renaming is explained by the belief that such symbols, whether names or images, can influence the nature of things or people. Naming of places and children with Lenin's name is interpreted here as the process of creation of a new reality and new men.

The possibility to study the collective representations of soviet people was opened by access to new complex of archival documents. For the first time, secret reports of the soviet political police, reflecting the public moods in the 1920-30s were used as well as the secretly opened by VCHK/OGPU/NKVD private letters. They are supplemented by evidence of folklore – anecdotes and “chastushki”.

This book analyses the development of the cult, from 1917 up to the process of ‘de-Leninization’ of the 1990s. Much of the research concerns the public perception of his death and the campaign called ‘The Lenin Enrolment’, the renaming of Petrograd and the organization of ‘Lenin Corners’. New archival material shows that Lenin’s illness in March 1923 caused real panic among the party leaders, who expected revolts against soviet power. New material devoted to the Lenin museums is presented, and attached archival documents and previously unpublished photographs of items from museum collections illustrate the text.

От автора.

Ленин в моей жизни

Осенью 1998 года, во время прогулки по парку Гарвардского университета с Ниной Тумаркин, мне пришлось объяснять ей, как я пришла к исследованию темы культа Ленина. Рассказ получился довольно длинный, начинать пришлось с детства. Нина слушала заинтересованно и шутя заключила, что эта история может составить введение под названием «Ленин в моей жизни» в будущей книге. Нине Тумаркин я посвящаю эту главу.

Так как тема оказалась политически острой, и исследование проходило в мятежный и захватывающий период русской истории – девяностые годы, мне часто приходилось оправдываться или пояснять, почему я выбрала именно эту тему. Уместно сделать это и сейчас, представляя читателю свой труд.

Так получилось, что тема Ленина, а точнее его культа постоянно пересекала течение моей жизни, начиная еще с детства. Родилась я в Ленинграде и всю жизнь прожила у самого Смольного, гуляла в его сквере под сенью простертой руки памятника вождю. Моя мама была заместителем директора музея Ленина в Ленинграде. Я часто бывала в музее, особенно любила его библиотеку. Хорошо помню кампанию празднования 100-летия со дня рождения Ленина. Мама занималась научными исследованиями, связанными с «Ленинианой». Среди ее книг путеводитель по музею «Ленин в Смольном» и «Ленин в Петербурге-Петрограде. Места жизни и деятельности». Дома у нас сформировалась большая библиотека, на корешках книг блестит золотыми и красными буквами имя героя. Смотрю сейчас на эти книги, как на гербарий из вымершего леса... Ленин был естественным фоном моего детства и юношества.

Мама пробудила во мне вкус к научной работе, интерес к истории, привила представления о научной этике. В 70-е годы, когда я училась в Ленинградском университете, меня привлекали такие темы, как «Борьба с буржуазной идеологией», «Культ личности Сталина». Последнюю тему пришлось оставить из-за отсутствия литературы и недоумения на кафедре. Потом я работала в музее Великой Октябрьской социалистической революции экскурсоводом. Канонические тексты экскурсий меня не удовлетворяли, каждую тему я готовила самостоятельно. Копание в книгах, изучение историографии по советской истории неизбежно привели меня в спецхран. Членство в КПСС открыло мне двери отдела специального хранения не только музея, но и Публичной библиотеки и архивов. Моя настырность обращала на себя внимание. Помню, на мою просьбу выдать мне работу Сталина «Вопросы ленинизма» заведующая библиотекой музея по фамилии Кремень отвлеклась от своих хлопот и неожиданно пригласила присесть к столу. Она села напротив, положила перед собой руки и, внимательно вглядываясь мне в лицо, спросила: «А зачем вам эта работа Сталина?» Мой ответ по существу не удовлетворил Веру Васильевну, она все искала что-то за моими словами. В конце концов, я сама сняла свою просьбу, сказав, что посмотрю эту работу дома – у меня есть собрание сочинений Сталина.

В 1980-е годы музей часто посещали иностранные туристы. Так как я владела английским языком, экскурсии я проводила без посредничества переводчика. После каждой экскурсии разгоралась дискуссия, где гости поднимали вопросы, не освещенные в советской историографии – о роли Троцкого в революции и советской истории, о репрессиях Сталина, о судьбе «ленинского завещания» и т. д. «Буржуазная пропаганда» оказывала на меня свое «тлетворное влияние», и я упорно искала ответы на вопросы, которых избегала официальная историография. Надо сказать, что и посетители-соотечественники тоже очень любили задавать неканонические вопросы, но вполголоса и в стороне от группы – о личной жизни Ленина, о расстреле царской семьи и о том, кто отдал приказ, о Сталине и Троцком... Врезался в память звенящий голосок пионерки: «Зачем расстреляли детей царя?» Старшие коллеги, к которым я обращалась за советом, учили уходить от ответа или отвечали встречным вопросом: «А почему именно вам задают эти вопросы?» Советы и участие научного сотрудника музея Г. А. Калмыкова

очень помогали мне в первых шагах на научном поприще. Если дискуссии с западными туристами толкали к критическому осмыслению официальной концепции истории, то общение с посетителями из российской глубинки, военнослужащими, школьниками предопределило мой интерес к коллективным представлениям и процессам в общественном сознании, к теме влияния пропаганды на мировосприятие простых людей.

Эти научные интересы привели меня в 1989 году в аспирантуру Ленинградского университета. Сформулировать тему исследования помогла случайно услышанная передача западной радиостанции о книге американского историка Нины Тумаркин, посвященной культу Ленина. Однако тему отверг Ученый совет исторического факультета, хранивший традиционные устои, несмотря на ветры Перестройки. Декан тогда недоумевал: «Ольга Валентиновна, вы, наверное, ошиблись: был культ Сталина, а культа Ленина не было. Подумайте над другой темой». И мне пришлось вести исследование полулегально. Только провал путча августа 1991 года, смягчение атмосферы в стране и на факультете, переход на кафедру к профессору К. К. Худолею позволил-таки мне защитить диссертацию. Я храню благодарность моему научному руководителю профессору Н. Я. Олесич за поддержку и веру в меня в те беспокойные годы.

Напряженно работая в партийных архивах, я оказалась непосредственно вовлечена в процесс «освобождения памяти». Начав свои исследования в восьмидесятые годы, я получила опыт и закалку советского историка, вынужденного добывать научную информацию всеми способами – ценой изнурительного труда и хитрости, лавирования между идеологическими запретами, детективного поиска научных книг из-за рубежа, проникновения в спецхраны архивов и библиотек и т.д. Это отдельная история, описанная мной в статье «Sowjetische Historiker bei der Arbeit. Ein persoenlicher Erfahrungsbericht»¹ под псевдонимом G. Grossmann. Идея статьи возникла в беседах с моим немецким коллегой Бенно Эннкером. Он же в письме посоветовал мне опубликовать ее под псевдонимом, так как серьезно отнесся к предупреждению тогдашнего министра иностранных дел Э. Шеварнадзе на заседании Верховного Совета в декабре 1990 года о возможности фашистско-

¹ Osteuropa. 1991. N 6.

го переворота в СССР и беспокоился о моей безопасности. Я задумалась, — как же дать ему знать о своем согласии и псевдониме. В лучших традициях детективов я направила ему телеграмму: «Тетя заболела, я не приеду». И подписалась выбранным псевдонимом «Гранина». Бенно, воспитанный в другой цивилизации, с менталитетом, свободным от внутренней оглядки на КГБ, не разгадал моего хода. Он сам подобрал псевдоним, переведя мою фамилию на немецкий язык.

В сентябре–октябре 1991 года, когда все в стране было кувырком после неудачного путча и ликвидации КПСС, я продолжала просиживать дни в нетопленном читальном зале Ленинградского партийного архива в здании Смольного монастыря. Продолжала заказывать списки архивных дел, часто по почти «слепым» описям, внутренне готовая к возможным отказам в выдаче. И вдруг судьба послала мне подарок — я стала получать документы, значение которых тянуло на научное открытие — секретные сводки ОГПУ о политических настроениях населения. Архивные и научные работники, не дожидаясь ведомственных инструкций и комиссий по рассекречиванию, стали на свой страх и риск выдавать в читальный зал засекреченные ранее документы. Именно мне, годами искавшей источники, позволяющие изучать коллективные представления, шли в руки материалы, составившие базу моего исследования. Я даже не позволяла себе выразить восторг. Молча, боясь спугнуть научное счастье, продолжала заказывать новые и новые пачки дел. Я, наконец, услышала живые голоса людей, которые тщетно искала за официальными историческими документами и пропагандистской прессой. Здесь нельзя не вспомнить добрым словом архивистов Центрального государственного архива историко-политических документов в Санкт-Петербурге: уже ушедшую от нас И. И. Сазонову, Т. П. Бондаревскую и Г. И. Лисовскую.

Главной проблемой советских историков была изолированность от мирового научного сообщества. Первые мои частные визиты за границу 1990–1991 годов в Хельсинки и в Оксфорд были использованы мною для работы в библиотеках. Помню восторг, охвативший меня в библиотеке Хельсинского университета, когда я впервые увидела классические труды по советологии. А месяц работы в Оксфорде, в Bodleian Library был пиром

духа. Меня пригласила и приютила Сара Дэвис, тогда такая же аспирантка, как я, а в дальнейшем коллега.

Я дописывала диссертацию, когда в 1992 году цены стали свободными и чрезмерно высокими для моей семьи. Все время хотелось есть. Я решила, что не имею права далее тешить свое научное любопытство за счет двух моих голодных детей. И пошла устраиваться на работу секретарем в совместную компанию. Был июнь 1992 года. Я ждала результатов интервью. А вместо этого почта принесла мне поздравление с получением стипендии Сороса и научного гранта немецкого фонда Фридриха Эберта для исследования темы культа Ленина. Позже возможность продолжать исследования дали гранты фонда Александра фон Гумбольта и фонда Фольксвагена (Германия). Невозможно переоценить роль этой поддержки в моей научной биографии.

В начале 90-х годов мне было трудно работать над темой культа Ленина, слишком острой и болезненной была тема. Ломка сознания, отказ от прежних официальных ценностей, поиски новой идентичности, новых духовных ориентиров часто фокусировались на фигуре Ленина. Тема моей научной работы создавала конфликт даже в моей семье. Мама, которую я бесконечно люблю и уважаю, человек искренний и честный, не принимала моих научных достижений, стыдилась моих публикаций. Уважая ее взгляды, я тяжело переживала это. Не всегда удавалась конструктивная дискуссия с коллегами-историками. В беседе при упоминании моей темы они могли бросить: «Грязь льёшь?» А поддержку со стороны фонда Сороса кое-кто расценивал так: «Продалась американцам?» Исторические журналы отвергали рукописи на том основании, что стремятся избегать ленинской темы — она конъюнктурна. Тем более я ценила и ценю понимание, добрые советы и критику со стороны тех, кто помогал мне: Б. В. Ананьича, Н. Б. Лебиной, Б. А. Старкова, В. С. Измозика, Н. Н. Козловой, С. В. Ярова, В. И. Старцева. Н. Е. Копосов пробудил во мне интерес к методологии исторической науки и направлял в поисках своего места в научном сообществе, привлек к участию в организации Европейского Университета в Петербурге, где мне удалось реализовать свой преподавательский потенциал. Всем поименованным здесь я искренне признательна, но в первую очередь моя благодарность относится к моему мужу, тоже историку, М. Н. Яковлеву, который был всегда рядом,

когда идеи только зарождались, с ним я обсуждала их в деталях, он был первым читателем всех моих работ и жестким профессиональным критиком. Он брал на себя все бремя домашних забот, когда я работала вдали от дома.

Работа в западных научных центрах и библиотеках – Тюбингенском и Ганноверском университетах в Германии, в Доме Наук о Человеке в Париже, Британской библиотеке – дала мне возможность, редкую тогда для начинающего русского историка, познакомиться с мировой историографией, освоить различные методологические подходы. Идеи этой книги были представлены в семинарах *Maison des Science de l'Homme* в Париже, в Гарвардском, Стенфордском и Колумбийском университетах (США). Эти дискуссии помогли мне убедительно аргументировать мои умозаключения. Многолетнее сотрудничество с Институтом Восточной Европы Тюбингенского университета стало самым творчески насыщенным и счастливым периодом моей научной биографии. Его сотрудники – Бенно Эннкер, Бьянка Петрофф-Эннкер, Ингрид Ширле, Кристоф Мик, Герд Брайтмайер стали не только моими коллегами, помощниками, но и друзьями. Настоящим Учителем для меня стал профессор Д. Гайер. Я благодарна ему за деликатную критику моих докладов и статей, и человеческое участие к ученому из другой страны. Я также благодарна профессору Д. Байрау, возглавившему институт позже, за поддержку моих научных исканий.

Выходом в свет моей первой книги я обязана профессору университета Ганновера Г. Г. Нольте. Я благодарна ему за искреннюю заинтересованность в моей работе, бескорыстное желание помочь конкретным советом, замечанием или рекомендацией. Особенно для меня приятно было его предложение издать мою диссертацию в Германии. Не найдя в России заинтересованного издателя, я с радостью приняла его помощь, и книга «*Making of an Idol: on Uses of Lenin*» (Goettingen, 1996) на такую, казалось бы, русскую тему, увидела свет там на английском языке. Издательство *Muster-Schmidt Verlag* любезно дало согласие на издание данного расширенного варианта.

Но мне всегда хотелось издать книгу для русского читателя, и я с благодарностью согласилась на предложение американского издательства «*Edwin Mellen Press*» вернуться к теме. За последние годы мною были проработаны новые комплексы архивных материалов, появились книги, интер-

претирующие тот же круг источников, я по-новому смотрю на проблему. Изменилась концепция, структура книги, она дополнена новыми документами. В конце девяностых годов притупилась политическая острота проблемы культа Ленина, которая иногда мешала отстраненному взгляду на нее, вызывала болезненные реакции у многих в России. Более спокойный общественный фон вдохновляет на обсуждение важной темы.

Я благодарна Г. Риттерспорну и Б. Колоницкому, которые нашли время прочитать рукопись книги и высказали свои замечания и пожелания. Их критика очень помогла мне при окончательной подготовке текста. За результаты исследования, недоработки и упущения несу ответственность только я сама.

Эта книга, как результат многолетней исследовательской работы, не могла бы появиться без финансовой поддержки в разное время фондом Сороса (Research Support Scheme, фонд Культурная инициатива, гранты No.: 593/91 и 805/1998), фондом Александра фон Гумбольдта (Германия), фондом Дома Наук о Человеке (Франция), Бюро интернациональных исследований и обменов IREX (International Research & Exchange Board, sponsored by the United States Information Agency, США). Средства для подготовки книги в печать предоставил IREX (International Research and Exchange Board, USA) и Бюро Образовательных и Культурных программ (BECA – Bureau of Educational and Cultural Affairs of the United States Department of State).

Источники

Так как культ Ленина пронизал все сферы жизни советского общества, круг источников, отражающих его, необыкновенно широк, и исследователю приходится ограничивать себя. Мною привлекались как официальные материалы, так и неподцензурные, как опубликованные, так и архивные источники, локальные (а именно — ленинградские) материалы, а также и центральных органов.

Политика партии отразилась, прежде всего, в официальных документах. Так, во-первых, были изучены материалы съездов партии и съездов Советов по вопросам увековечения памяти Ленина, материалы, опубликованные Комиссией ЦИК СССР по увековечению памяти В.И.Ленина. Решения же местных партийных органов, например, Ленинградского Губкома ВКП(б) (позже Обкома КПСС) были изучены в бывшем Ленинградском партийном архиве — ныне Центральном государственном архиве историко-политических документов в Санкт-Петербурге. Механизм проведения политики партии по формированию официального образа Ленина позволяют вскрыть материалы ленинских и историко-революционных музеев. Они впервые привлекаются в контексте данной темы, да и вообще не часто используются историками. Я познакомилась с научными архивами Государственного музея политической истории России (бывший Государственный музей Великой Октябрьской социалистической революции) в С.-Петербурге, Ленинградского филиала музея В.И.Ленина, Государственного музея революции СССР в Москве. Научные архивы некоторых музеев не прошли научной обработки и не были систематизированы, что затрудняет их использование. Материалы прессы — газет и журналов, начиная с 1920 года, также дают богатый материал для анализа пропаганды. Публицистические статьи

соратников Ленина о нём, написанные при его жизни Троцким, Зиновьевым, Радеком, Луначарским, Горьким позволяют делать выводы о масштабах прижизненного культа Ленина, а также о роли партийной верхушки в создании атмосферы поклонения в обществе. Воспоминания соратников, родных, ученых, бальзамировавших тело, партийных работников, также как и простых людей, интервью у старых музейных работников, а также у секретаря Н.К.Крупской В.С.Дридзо – все это позволяет подойти к проблеме с разных сторон. Художественные произведения, особенно поэтические, в концентрированном виде запечатлели атмосферу в обществе и используются автором для иллюстрации.

Поскольку данное исследование не ограничивается изучением государственной политики и историей конкретных проявлений культа Ленина, а в большей степени посвящено восприятиям и коллективным представлениям о Ленине – это определило и его источниковую базу. В этой главе автор более подробно охарактеризует те группы источников, которые дают представление о настроениях в обществе, тем более, что эти источники не традиционны для историографии советского периода – сводки советской политической полиции и партийных органов о настроениях в обществе, материалы перлюстрации частных писем советских людей, осуществлявшейся ВЧК/ОГПУ/НКВД, а также фольклор, слухи, сплетни, пересуды. Из этих массовых источников для иллюстрации выбирались наиболее характерные и яркие факты или высказывания.

Реконструировать политические настроения людей прошлого всегда сложно, но трудности возрастают, когда речь идет о тоталитарном обществе с его системой секретности, террора и идеологического давления. До недавнего времени в распоряжении исследователей советской политической культуры были только такие источники, как социологические опросы, проведенные среди эмигрантов, весьма тенденциозные советские социологические данные, сообщения западных журналистов, живших в СССР, художественная литература, пресса и т.д. Эти источники отличает субъективность, принадлежность в большей степени к «официальной политической культуре», чем к массовой и ряд других особенностей. Составить представление о настроениях рядовых людей, о том, как они воспринимали официальную пропаганду, позволяет массив архивных материалов, ставший доступным

совсем недавно. Систематическим сбором информации практически обо всех сторонах жизни страны, в том числе, подробно — о настроениях в обществе, политических мнениях занимались органы ОГПУ-НКВД, а также партийные органы.

Упомянутые документы 20–30-х годов были изучены в Центральном государственном архиве историко-политических документов в Санкт-Петербурге (ЦГАИПД СПб, бывший Ленинградский партийный архив), Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ, бывший Центральный партийный архив, а затем РЦХИДНИ), Центральном государственном архиве Санкт-Петербурга (ЦГА СПб) и Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ).

Секретные материалы о настроениях в советском обществе можно разделить на три группы. Первая — обзоры ОГПУ/НКВД, вторая — сводки перлюстрированной корреспонденции и третья — обзоры партийных органов.

Обзоры ВЧК/ОГПУ/НКВД

Систематическим сбором информации о настроениях, слухах, отношении к власти, начиная с 1918 года, занимались органы ВЧК. Еще при создании местных ЧК в марте 1918 года в их обязанности включалось «доставление информации в местные и центральные органы власти о беспорядках и недовольстве и принятии мер к подавлению их»¹.

Однако практика составления политической полицией докладов о положении в стране и настроениях для верховной власти в России возникла еще в XIX веке. С самого начала организации III Охранного Отделения им составлялись «всепоподданнейшие» доклады и отчеты для царя, в которых освещались важнейшие политические события в российской империи, деятельность революционных организаций, национальное и крестьянское движения, политические направления в литературе. Иногда к отчетам прилагались «Нравственно-политические обозрения», в которых содержались све-

¹ Gerson L. G. The Secret Police in Lenin's Russia. Philadelphia, 1976. P. 41. (Обратный перевод с английского автора). Герзон приводит текст секретного постановления Первой Всероссийской конференции Чрезвычайных Комиссий (11–14 июня 1918 года). «Инструкция о местных Чрезвычайных комиссиях», принятая конференцией, хранится в Гуверовском архиве. (Boris I. Nickolaevsky Collection, box 89, folder 4).

дения о состоянии общественного мнения². По замечанию одного из руководителей III Отделения, графа А. Ф. Орлова, его обязанностью было следить «за общим мнением и толками насчет правительства»³.

Базой информационной службы советской политической полиции был аппарат тайных осведомителей на предприятиях, в воинских частях, учреждениях, который уже к 1920 году был весьма многочисленным. В циркулярном письме ВЧК от 1 июня 1920 года ставилась задача привлечения «всеми мерами новых осведомителей, не стесняясь денежными средствами»⁴. На основе донесений осведомителей в ОГПУ периодически составлялись *обзоры о настроениях*⁵. В них попадали типичные, характерные высказывания, повторявшиеся многократно в донесениях информаторов и агентов ОГПУ⁶. Обычно они составлялись за 10 дней, месяц, квартал, год. Но во время кризисов, как, например, Кронштадтское восстание, смерть Ленина — они составлялись ежедневно. Регулярно составлялись также аналитические тематические обзоры, посвященные отдельным группам населения — интеллигенции, студенчеству, крестьянам, — или кампаниям, например, «чистке не proletарского элемента» в вузах.

В 1918–1920 годах обзоры носят спорадический характер — концентрируются вокруг событий. Например, Кронштадтское восстание освещено подробно, а до этого материалы в архиве — нерегулярные. Это позволяет предположить, что либо сбор сведений о настроениях налаживался постепенно, либо эти сведения поставлялись в партийные органы не регулярно, а в связи с конкретными событиями. Уже следующий кризис, потрясший страну — смерть Ленина — отражен со всей возможной полнотой. Это и материалы перлюстрированной корреспонденции, и донесения с отдельных предприятий, и «сводные данные по городу», составленные по дням. После

² Сидорова М. В. Историки с Фонтанки, 16 // Отечественные архивы. 1993. № 4. С. 40.

³ ГАРФ, ф. 109, оп. 22, д. 1а, С. 2. Цит. по: Зубкова Е. Ю., Куприянов А. И. Ментальное измерение истории: поиски метода // Вопросы истории. 1995. № 7. С. 158.

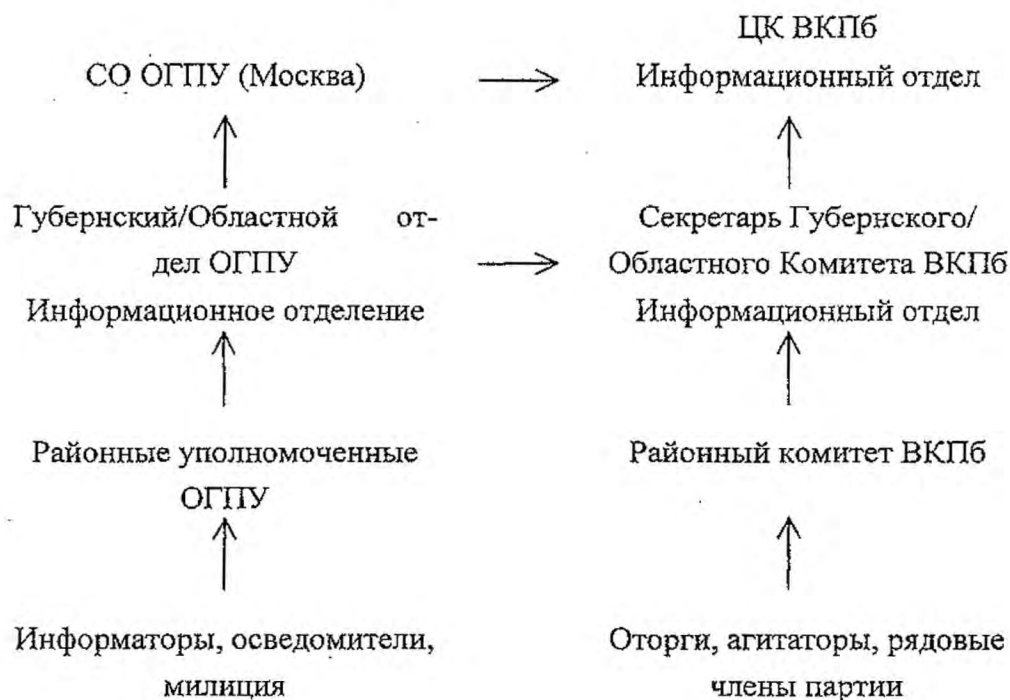
⁴ ВЧК-ГПУ. Документы и материалы / Под ред. Ю. Г. Фельштинского. М., 1995. С. 93.

⁵ В заглавиях документов употребляются слова «сводки» или «обзоры». Автор считает нужным уточнить употребление этих слов в данном исследовании: под сводками автор имеет в виду собрание выдержек, цитат из перлюстрированной корреспонденции, под обзорами — интерпретированное чиновником изложение событий, мнений и т. д.

⁶ На это указывали и другие историки, работавшие с этими массивами документов. См.: Ломагин Н. А. Настроения защитников и населения Ленинграда в период обороны города, 1941–1942 // Ленинградская эпопея. СПб., 1995. С. 202.

смерти Ленина Петроградским ОГПУ было составлено 10 ежедневных сводок об отношении рабочих, служащих и учащихся Петрограда к смерти лидера. Девять из них, начиная со второй, хранятся в ЦГАИПД СПб, а первая – за 23 января – в фондах Музея политической истории России в Петербурге. Она представляет особую ценность, так как рисует самую первую непосредственную реакцию населения, еще не направленную Коммунистической партией в организованное русло (см. приложение 1).

Сводки обычно представляли собой машинописные тексты, часто с рукописными пометками. Некоторые документы оформлены по всем правилам делопроизводства: указаны дата, адресат, количество копий, имеется гриф «секретно» и подписи. Но большинство документов первой половины 20-х годов несут отпечаток неупорядоченности, организационного хаоса, неналаженности делопроизводства. В большинстве случаев вообще отсутствуют выходные данные: нет штампа, адресата, подписей составителей, часто отсутствуют даже заглавие и дата. На протяжении 20-х годов делопроизводство налаживается постепенно, но строгой формы или структуры документа не было.

Информация собиралась, проходила первичную обработку и передавалась «наверх» по иерархической лестнице по двум каналам параллельно: начиная с районного уровня, секретная полиция поставляла сведения и своему руководству, и партийному. Сводки ОГПУ печатались обычно в 5 экземплярах (иногда более) и адресовались в Секретный отдел ОГПУ (СООГПУ), начальнику Губернского отдела ОГПУ, иногда начальнику Секретной оперативной части Губернского отдела ОГПУ (СОЧ ОГПУ), секретарю Губернского комитета партии, ЦК ВКП(б) (см. схему).

Основной темой обзоров в 1920-е годы было отношение населения к власти, Коммунистической партии, ее руководителям, а также реакция на текущие политические события. Вот, например, какие рубрики освещала Информсводка № 44(165) от 20 августа 1927 года:

- «1. Настроение рабочих.
2. Настроение крестьян
3. Отношение рабочих и крестьян к военной опасности
 - а) рабочих,
 - б) крестьян.
3. Антисоветские и кулацкие выступления в связи с угрозой войны
 - а) антисоветские группировки,
 - б) активность кулачества,
 - в) агитация за свержение советской власти,
 - г) оживление деятельности эсеров,
 - д) антисоветские выступления духовенства.
4. Выходы из рядов КСМ и пионеротрядов в связи с опасностью войны.
5. Внутрипартийное положение.
6. Антисемитская агитация и деятельность духовенства»⁷.

Наряду с политическими настроениями обзорами ОГПУ также отражались экономические темы: заработная плата, тарифы, снабжение населения продовольствием и другими товарами. Особое внимание уделялось реакции населения на экономическую политику властей, повышение цен, увольнения, позже – в 30-е годы – на отмену карточной системы. В донесе-

⁷ ГАРФ, ф. 374, оп. 27с, д. 1211, с.2.

ниях ОГПУ упоминаются или приводятся полностью произведения народного фольклора: песни, частушки, анекдоты, легенды⁸.

Для сбора информации о политических настроениях во всех слоях населения страны в марте 1931 года в центральном аппарате ОГПУ и в местных органах были образованы секретно-политические отделы. Они сохранились и в структуре Главного управления государственной безопасности НКВД СССР. На основе обобщения информации отделы подготавливали для партийных органов спецсообщения, сводки, доклады практически по всем проблемам жизни общества⁹.

Перлюстрированные письма

Наравне с обзорами ОГПУ, настроения в обществе запечатлела перлюстрированная ОГПУ частная корреспонденция. В этом советская Россия не была первопроходцем. Практика просмотра (*perlustrare* – лат.) частных писем¹⁰ была установлена еще при Екатерине Великой, и к XX веку эта служба достигла высокой степени мастерства. Она осуществлялась в так называемом «черном кабинете» на главном почтамте. Такая служба, конечно, не была особенностью только России, но нигде в мире, по свидетельству специалистов, «черный кабинет» не работал так отлажено, как в Петрограде¹¹. Тогда выписки из писем, в зависимости от содержания, направлялись министру внутренних или иностранных дел, начальнику Генерального штаба, либо в департамент полиции, дубликат же направлялся лично царю. Эти выписки охотно читали Екатерина Великая, Александр II, Николай II. Исключение составлял Александр III. Последний, когда, по воцарении, ему

⁸ Характеристика обзоров ОГПУ дается по: Измозик В.С. Глаза и уши режима. Государственный политический контроль за населением Советской России в 1918–1928 годах. СПб., 1995. С. 121–130.

⁹ Неизвестная Россия. XX век. Архивы. Письма. Мемуары. М., 1992, 2. С. 281.

¹⁰ Если в западных толковых словарях термин «перлюстрация» отсутствует, то в русское издание энциклопедии Брокгауза и Ефрона (1898) и в Большую Советскую Энциклопедию это понятие включено. В последнем случае его толкование «тайное вскрытие государственными органами пересылаемой по почте корреспонденции» заключается декларацией: «В СССР тайна личной переписки охраняется законом (Конституция СССР, ст. 128)» (БСЭ, 1955. Т. 32. С. 508).

¹¹ Майский С. «Черный кабинет». Из воспоминаний бывшего цензора // Былое. 1918. № 13. Кн. 7. Июль. С. 194.

объяснили цели и значение «черного кабинета» ответил: «Мне этого не нужно».

Практика перлюстрации не прекратилась после Октябрьской революции и постепенно приобрела огромный размах. Каналом преимущественно стал институт военной цензуры. В отличие от общей царской цензуры, которая была уничтожена Февральской революцией 1917 года, Управление военного контроля своей деятельности не прекращало. Если общая цензура осуществляла контроль содержания открытых видов информации, то цензура военная распространяла свою деятельность и на частную переписку¹². Уже в 1918 году она поставляет информацию о перлюстрированной корреспонденции как в ВЧК, так и руководителям РКП(б) и правительства¹³, а 9 августа 1921 года Управление военной цензуры перешло непосредственно в ведение ВЧК¹⁴. Задачей подотдела военной цензуры Информационного отдела ВЧК (позднее отдел политического контроля ОГПУ) была не только и не столько охрана государственной и военной тайны, но контроль над мыслями и настроениями миллионов советских людей, выявление инакомыслия и, в конечном счете, подавление его.

Просматривалась вся международная корреспонденция, вся армейская, и, как свидетельствовали сами цензоры, до 80% обычной переписки¹⁵. На основе прочитанной корреспонденции для начальства и для партийных органов в ОГПУ систематически составлялись сводки выдержек. Эти сводки также отложились в партийных архивах. В сводках письма приводятся не полностью, а только фразы, имеющие отношение к политическим настро-

¹² См.: Цензура военная. // Советская военная энциклопедия, 1980. Т. 8. С. 407–408.

¹³ См. вводную статью «Ленину о Ленине. Письма 1918–1921 годов» // *Неизвестная Россия. XX век. Архивы. Письма. Мемуары.* Москва, 1992. 1. С. 12. В статье В. С. Измозика приводится документ от 22 июня 1918 года. Секретарь СНК Н. Горбунов пишет в Управление Военного Контроля, осуществлявшего просмотр переписки: «Свидетельствуя получение Ваших отношений за номерами 3738 – 3742, имею честь по поручению Председателя Совета Народных комиссаров Владимира Ильича Ульянова просить Вас энергично продолжать Вашу деятельность по содействию в борьбе со спекуляцией, шпионажем и контрреволюцией и доставлять соответствующие сведения секретными пакетами на мое имя, а также широко информировать и завязать сношения с Всероссийской Чрезвычайной Комиссией...» Цит по: Измозик В. С. Перлюстрация в первые годы советской власти // *Вопросы истории.* 1995. № 8. С. 27.

¹⁴ Измозик В. С. Перлюстрация... С. 31.

¹⁵ *Аезегер Л.Я.* вскрывал Ваши письма // *Время и Мы.* Нью-Йорк, 1980. № 55, 56. Перепечатано в «Источник». Приложение к журналу «Родина». 1993. № 0. С. 56.

ниям, высказывания на темы культуры, религии, повседневной жизни. Цитаты из переписки представлялись чаще без комментариев, очень редко с вводными словами, например: «В письме написана контрреволюционного содержания песня». Выдержки часто помечались датами и адресами отправителя и получателя. Их сопровождали сокращенные пометки о дальнейшей судьбе письма.

Как вспоминает один из цензоров, служивший в отделении политического контроля в 40–50-е годы¹⁶, если в прочитанном письме содержалось антисоветское высказывание, текст цитаты переносился на специальный бланк – «меморандум», где указывались адресные данные корреспондентов и номера цензора и переводчика. Последние вместе с начальником отдела политического контроля принимали решение о дальнейшей судьбе письма: либо письмо шло по адресу, либо конфисковывалось. В случае изъятия письма на получателя и отправителя заводились наблюдательные дела, и в таком случае ни одно его письмо в дальнейшем не шло по почте без проверки. Это был самый «невинный» вариант. В более серьезных случаях меморандум направлялся в различные отделы ОГПУ/НКВД – внутренний, международный, контрразведки. О том, что этот порядок сложился еще в 20-е годы, свидетельствуют соответствующие пометки на документах того периода.

В начале 1920-х годов люди, видно, еще не подозревали о перлюстрации и довольно свободно высказывали в письмах свои мысли. В 1921 году предупреждения о цензуре содержались только в письмах красноармейцев: «Новостей много, но писать, к сожалению, нельзя – не дойдет письмо. Следующее письмо буду писать 15-го, которое понимайте в обратном смысле»¹⁷. В 1924 году прошла волна арестов из-за неосторожных высказываний в письмах. Во многих посланиях рядовых граждан появляются просьбы не писать о политике: «Может быть, Вы обижены, что просил Вас в письмах писать только о себе, а о прочем не касаться. Вы должны меня понять, и помнить в какое время мы живем. Вы не знаете, сколько людей пострадало из-за переписки, в которой по незнанию или недомыслию касались лишних

¹⁶ Там же. С. 52.

¹⁷ Сводка военная по Петроградской губернии с 1 по 15 марта 1921 года. (ЦГАИПД СПб, ф. 16, оп. 5, д. 4319, л. 10).

вопросов о здешней жизни. Ради спокойствия письма должны быть безвинны и цензурированы»¹⁸. В начале же 20-х годов письма людей носят такой непосредственный и яркий характер, что по ним очень легко можно восстановить ход событий. Количество политических высказываний в частной переписке начинает несколько сокращаться только во второй половине 20-х годов.

Обилие оппозиционных высказываний в переписке, также как и в пересудах, рассказывание политических анекдотов, что расценивалось властями как антисоветская агитация и жестоко преследовалось, требует психологического объяснения. Часто, но далеко не всегда, это было осознанное противостояние власти, акт мужества и осмысленное действие. Из собственного опыта автор знает, что антисоветские анекдоты, например, рассказывались глубоко преданными советской власти людьми, которые «получили от нее все». Роберт Терстон из функционирования антисоветских пересудов делает следующие психологические заключения.

1. Несмотря на мнения некоторых ученых, что общество распалось к 1939 году, он считает, что люди продолжали доверять друг другу.
2. Существовали группы людей, которые мыслили свободно и не поддавались пропаганде.
3. Анекдоты представляли собой социально приемлемую форму выражения «табуированных» тем¹⁹.

На мой взгляд, важным объяснением распространенности критических высказываний, фольклора и т. д., несмотря на опасность преследования, был слабый рациональный контроль за эмоциональными импульсами, свойственный русской ментальности и, в особенности, простому люду. Спонтанность преобладала над рациональными соображениями и осторожностью. Мгновенное удовольствие от собственной шутки и общего внимания было больше, чем ответственность за собственную судьбу под «всевидящим оком НКВД». Даже когда пишущий или говорящий человек понимал, что идет на опасный шаг, подвергает свою жизнь опасности, рассказывая анекдот или проклиная коммунистов в письме, он чаще всего по русской при-

¹⁸ Обзор корреспонденции за 1–15 июля 1924 г. (ЦГАИПД СПб, ф. 16, оп. 5, д. 5912, л. 145).

¹⁹ *Thurston R. W. Social Dimensions of Stalinist Rule: Humor and Terror in the USSR, 1935–1941 // Journal of Social History. Spring 1991. P. 544.*

вычке действовал «на авось», надеясь, что на этот раз «пронесет». Чаще всего эти высказывания простых людей были спонтанны, импульсивны, не контролируемы рациональным расчетом. Лишь интеллигенция, с более развитым самоконтролем и умением обуздывать свои порывы, в большей степени научалась молчать, что и отмечалось осведомителями. В болтовне же проявляло себя бессознательное, что говорит в пользу искренности источника.

Можно утверждать, что просматривалось огромное количество писем, достаточно репрезентативное для выводов исследователя. За один год, с октября 1923 по октябрь 1924 года, отделом Политконтроля ОГПУ было просмотрено более 5 миллионов писем и 8 миллионов телеграмм²⁰. Это составляло значительную часть от общего количества всей корреспонденции по стране. Данных за 1924 год автору не удалось обнаружить, но за весь 1928 год в СССР было отправлено 522 миллиона писем и 28 миллионов телеграмм²¹.

Иногда в сводках приводятся цифры. Подсчеты цензоров, хотя и произведенные по весьма приблизительным критериям, все же позволяют получить представление о динамике и соотношении положительных и отрицательных оценок. В обзоре за декабрь 1925 года Ленинградского отделения Политконтроля указывалось: «Политическое настроение городского населения в СССР делится на положительное и отрицательное, преобладает последнее (сообщений положительных – 10, отрицательных – 42)»; «работа парторганизаций в городах... ведется неудовлетворительно. Всех сообщений... 25, из них удовлетворительных – всего 3»; относительно деревенских парторганизаций «удовлетворительных сообщений – 4, неудовлетворительных – 53». В начале 1925 года Дзержинский подсчитал соотношение положительных и отрицательных писем из деревни в армию и обратно за время с ноября 1924 по январь 1925 года: «Всех писем из Красной Армии – 502, положительных – 234, отрицательных – 268, из деревни в Красную Армию – 334, положительных – 77, отрицательных – 257»²². За декабрь 1930 года в отделе Политконтроля Ленинграда было просмотрено 182.170 единиц исхо-

²⁰ Измозик В.С. Пишите письма – их прочтут... // Аргументы и факты. № 38(116). 1995. С. 8.

²¹ Транспорт и связь СССР. Статистический сборник. М., 1967. С. 285.

²² Цифры приведены в статье Измозика В.С. Перлюстрация... С. 34.

дящей красноармейской корреспонденции. В сводке анализируется спектр тем, как часто обращались красноармейцы к той или иной теме и их отношение к ней. На этот раз положительные «политнастроения» преобладали: 9163 и 3930 – отрицательных. Однако в оценке политики коллективизации доминировали негативные мнения – 1343 против 946 позитивных²³.

Используя эти подсчеты, историк должен иметь в виду, что армия была под особенно жестким контролем. Кроме того, красноармейцы 1930 года представляли собой первое советское поколение, выросшее при новом режиме; они были более подвержены влиянию пропаганды, лишены информации, знали о цензуре и были более осторожны. Это видно из соотношения позитивных и негативных мнений во встречах потоках писем из армии и в армию. Так, за неуказанный период 1930 года Политконтролем было просмотрено 14.790 писем из деревни в армию. 1.077 из них содержали отрицательные мнения, 338 – положительные. Из 6.305 писем красноармейцев отрицательные оценки содержали лишь 51 послание, а 447 – положительные²⁴. Одним из направлений работы политорганов в армии были систематическое инструктирование, что писать в письмах. «В связи с тем, что часть бойцов в письмах родным проявляла упаднические настроения... политорганы проводили разъяснительную работу о том, "что можно писать родным и знакомым, а что нельзя". Контролировалась деятельность и состав полевых почтовых станций»²⁵. О подобном инструктаже писал и Солженицын применительно к Соловкам, когда начальник лагеря перед строем приказывал: «Письма писать домой так: жив, здоров, всем доволен! точка...».

Партийная информация

Сводки и обзоры секретной полиции дополняются другим источником о частных мнениях людей. Партийные органы сами тоже собирали информацию. Уже 28 октября 1917 года Петроградский Комитет РСДРП(б)

²³ Обзор по Красной Армии, составленный по материалам ИНФО ПК СОЧ за декабрь 1930. Общие цифровые сведения к красноармейской сводке за декабрь 1930 г. (ЦГАИПД СПб, ф. 24, оп. 16, д. 321, л. 55).

²⁴ Обзор красноармейской корреспонденции, 1930 (ЦГАИПД СПб, ф. 24, оп. 16, д. 187, л. 67).

²⁵ Ломагин Н. А. С. 240.

разослал по районам анкеты об отношении масс к перевороту²⁶. В дальнейшем эта практика устоялась и расширилась. В 1919 году при Петроградском комитете РКП(б) было создано Информационное бюро (позднее отдел, см. схему). Также как и сводки по линии ВЧК/ОГПУ, *обзоры по партийной линии* составлялись вначале нерегулярно, лишь в моменты кризисов – подробно и ежедневно. Например, в траурные дни после смерти Ленина Губернский комитет РКП(б) уполномочил райкомы следить за настроениями в городе и 2 раза в сутки «информировать Губком о политическом состоянии района, армии и флота»²⁷. В архиве сохранились телефонограммы с фамилией передававшего и точным временем до минуты. Первичная информация поступала от секретарей коммунистических ячеек на предприятиях, от рядовых коммунистов, специально назначенных информаторов, агитаторов, которым поручалось наблюдать за настроениями на улицах, на предприятиях, вести разъяснительную работу. Сведения из партийных ячеек поступали в райкомы, там обобщались и передавались в Губком. Эти данные, как и информация ВЧК/ОГПУ, имели гриф «секретно».

Кроме того, докладчики и лекторы, выступавшие на предприятиях («пропагандисты») обязаны были обобщать и сообщать вопросы аудитории к ним. Их докладные отложились в партийных архивах.

В архивах можно найти *письма людей в партийные органы, в редакции газет*, в которых люди пытались донести до руководства информацию, которая, как они считали, до него не доходила, свои критические замечания, а также сообщения о злоупотреблениях местных властей. В этих письмах проявилась вера русских людей в «челобитную» и неистребимая надежда найти правду «наверху». Часто такие «челобитные» или жалобы адресовались не в учреждение, а персонально руководителю. Простой человек, в силу традиционной в России неразвитости абстрактных представлений об институтах власти, доверял скорее царю, чем правительству, был предан скорее Богу, чем православной церкви и верил Сталину более, чем Коммунистической партии. Такие письма подписывались полным именем с указа-

²⁶ Яров С. В. Кронштадский мятеж в восприятии Петроградских рабочих // Звенья. № 2. М.—СПб., 1992. С. 539.

²⁷ Протокол № 7 заседания Бюро Петроградского Губкома от 22 января 1924 г. (ЦГАИПД СПб, ф. 16, оп. 1, д. 114, л. 11).

нием адреса и номера партийного или комсомольского билета, однако, также очень часто отправлялись без подписи. Поток анонимных писем возрастал по мере ужесточения режима. Ш. Фитцпатрик пишет, что такие письма были своеобразной формой участия во власти для рядовых граждан. Об интересе власти к таким письмам и, вообще, к настроениям «внизу» свидетельствует обращение Ленина в январе 1922 года к редактору газеты «Беднота» В. А. Карпинскому: «Сколько писем от крестьян в "Бедноту"?

Что важного (особенно важного) и нового в этих письмах?

Настроения?

Злобы дня?

Нельзя ли раз в два месяца получать такие письма (следующее к 15.III.1922)?

а) среднее число писем

б) настроения

с) важнейшие злобы дня»²⁸.

По воспоминаниям Карпинского, после одной из бесед зимой 1920–1921 года Ленин потребовал «представить подробный доклад о положении в деревне с выдержками из крестьянских писем», а в дальнейшем «требовал регулярных докладов "Бедноты"»²⁹. Итак, Ленин и последующие партийные руководители хотели знать о настроениях народа и искали соответствующую информацию. Получив в марте 1922 года обзор писем крестьян в «Бедноту», В.И. Ленин направил его членам Политбюро ЦК РКП(б) со следующей надписью: «т. Молотову к сведению членов Политбюро. 23.III. Ленин. Потом прошу вернуть мне. Ленин (потом Рыкову и Цюрупе)».

В архиве сохранился комплекс читательских писем в «Крестьянскую газету» за период с 1923 по 1939 год (с перерывами), который вошёл в активный научный оборот благодаря публикациям в последние годы сборников документов³⁰. Огромный поток писем в редакцию заставил ее систематизировать их – часть публиковалась в газете, часть передавалась в соответствующие наркоматы для решения конкретных вопросов. С 1925 года стали регулярно собираться межведомственные совещания по вопросам использо-

²⁸ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 54. С. 143–144.

²⁹ Там же. С. 604.

³⁰ Например: Общество и власть. 1930-е годы. М., 1998.

вания крестьянских писем. Сводки писем крестьян по наиболее важным вопросам представлялись в органы власти и иногда использовались для разработки и принятия решений и законов³¹. Вопрос, как партийное руководство использовало эту информацию, и считалось ли оно с мнением народа, требует дальнейшего исследования. Как опосредствованная реакция власти на информацию о недовольстве «внизу» могут рассматриваться такие движения власти, как усиление репрессий, поворот пропаганды накануне войны с социалистических ценностей на националистические, смягчение антирелигиозной кампании перед войной и ряд других наблюдений.

Партийные органы пытались производить *опросы* населения. Члены партии или курсанты военных училищ, отправляющиеся в отпуск в родные деревни, в двадцатые годы получали в райкомах анкеты, правда, очень примитивные, для опросов крестьян. Например, в 1924 году в Ленинградском Губкоме была составлена «сводка ответов курсантов отпускников, как реагировали крестьяне на смерть Ленина и на выборы Председателя СНК т. Рыкова. Отношение бедноты к РКП, Советской власти и РКСМ»³².

Итак, мы имеем возможность изучать и сравнивать три группы секретных материалов о политических настроениях 20–30-х годов, то есть имеем дело с целым комплексом новых источников, дополняющих друг друга. Если сравнивать их по степени достоверности, то непосредственные мнения людей, высказанные в частных письмах, то есть в письмах близким людям, от которых не скрывают политические взгляды, несут отпечаток большой искренности и вызывают доверие. Откровенность высказываний обусловлена была тем, что большинство не догадывалось о перлюстрации и цензуре — на письмах, прошедших руки цензоров, никаких пометок не делалось, в отличие от военной цензуры периода I Мировой или Отечественной войны. Часто это было «наивное письмо», не отягощенное философским или политическим анализом, без претензий самопрезентации, как, например, в письмах «во власть». Однако надо помнить, что сама выборка писем для сводок производилась цензурой в определенных целях — выявления инакомыслия, преследования, наказания. Тем не менее, в сводках встречаются и лояльные к власти послания.

³¹ *Неизвестная Россия*. 3. 1993. С. 200.

³² ЦГАИПД СПб, ф. 16, оп. 5, д. 5335, л. 84.

Другая группа источников – обзоры ОГПУ – требуют очень осторожного отношения. Они составлялись людьми пристрастными, с определенной политической и нравственной позицией. В сводках и обзорах сквозит явно враждебное отношение аппарата ОГПУ к реформам НЭПа, а также к интеллигенции³³. Некоторые обзоры – крайне примитивны, с грамматическими ошибками. Нельзя исключать, что работники ОГПУ не просто излагали услышанные мнения, но и высказывали собственные, выдавая их за общественные. Иногда информаторы пользовались случаем подчеркнуть собственную лояльность, комментируя тем или иным способом приводимые мнения. Обзоры составлялись в определенных целях – выяснить настроения, выявить инакомыслие и т. д. – и непосредственно для руководства. Поэтому на характер интерпретации могло влиять и положение чиновника внутри иерархической пирамиды, его представления, как должен реагировать народ, предположим, на смерть вождя, чего ждет от отчета руководство. Об отборе информации можно предполагать, сравнивая, например, локальные сводки и обобщенные выборочные «Выписки из ежедневных спецсводок информационного отдела ОГПУ о реагировании различных слоев населения на смерть В. И. Ленина», опубликованные в сборнике «Неизвестная Россия»³⁴. Публикаторы, к сожалению, не указали, кому предназначались «Выписки», но, вероятнее всего, для ЦК ВКП(б). Опубликованные «Выписки» состоят из сообщений из различных губерний и республик, представляющих только положительное отношение людей к умершему вождю. Большое количество негативных оценок Ленина, содержащееся в местных сводках³⁵, не нашло места в «Выписках». Таким образом, можно предположить, что мог иметь место целенаправленный подбор и обработка информации для руководства. Вместе с тем, эти обзоры составлялись «для внутреннего пользования», не для печати, а с целью анализа действительного положения дел.

Что касается информации партийных органов, то бросается в глаза ее более лояльный к власти характер, чем сведения секретной полиции. Это

³³ Измозик В. С. Глаза и уши режима. С. 131.

³⁴ Неизвестная Россия... М., 1994. 4. С. 11–24.

³⁵ Анализ документов, раскрывающих общественное восприятие образа Ленина, сделан автором в статье «Образ Ленина в массовом сознании» // Отечественная история. 1994. № 2. С. 177–185.

можно объяснить несколькими причинами. Во-первых, присутствие члена партии часто заставляло людей корректировать свои высказывания: «Табачный трест. В связи со смертью Ленина в конторе наблюдалось злорадное настроение, и только присутствие партийной работницы не давало возможности распустить языки»³⁶. Во-вторых, секретарь партийной организации нес ответственность за «моральное состояние» коллектива. Донося в райком о настроениях рабочих, он невольно или сознательно мог приукрашивать ситуацию. Так как в задачи партийных работников входила и целенаправленная агитация, в их собственных интересах было подтвердить высокую эффективность собственной пропаганды. В дни Кронштадтского мятежа они дружно рапортуют, что «настроения резко улучшились». То же относится и к лекторам-пропагандистам.

Обзоры ОГПУ/НКВД имеют скорее противоположную тенденцию. Секретные службы создавались специально, чтобы выявлять угрожающие режиму настроения — им надо было постоянно доказывать необходимость своего существования. Они были ориентированы и концентрировались, в основном, на негативной для власти информации. При оценке секретных донесений о настроениях необходимо учитывать и характер инструктивных документов по составлению обзоров. Несомненно — целевые установки, сформулированные руководством ОГПУ во внутренних ведомственных инструкциях по сбору информации и составлению сводок влияли на содержание и особенности обзоров. В ходе развернувшейся в 1924 году дискуссии внутри партийного руководства и в органах государственной безопасности об ограничении полномочий [читай — произвола. — О. В.] ОГПУ и применения репрессивных мер, Дзержинский подчеркнул значение информационных сводок в осведомлении руководства о положении и настроениях «внизу». 24 декабря 1924 года, в письме Р. В. Менжинскому, он отмечал широкое недовольство населения советской властью и произволом ОГПУ («обывательство, клонящееся к отрицанию большевизма»), и предлагал принять меры как к завоеванию «популярности» среди широкой публики, так и признания в высших эшелонах власти. «...Надо обратить внимание на наши ин-

³⁶ Спец-сводка № 2 об отношении рабочих, служащих и учащихся г. Петрограда к кончине т. Ленина, 24 января 1924 года. (ЦГ АИПД СПб, ф. 16, оп. 5, д. 5335, л. 25).

формсводки — на то, чтобы они членам ЦК действительно дали картину нашей работы в кратких словах, и представили бы всю конкретность. Наши же сводки таковы, что они дают одностороннюю картину — сплошную черную — без правильной перспективы и без описания реальной нашей роли»³⁷. Тем не менее, есть все основания полагать, что информация ОГПУ пользовалась большим доверием руководства страны, считалась более полной и достоверной по сравнению с партийной информацией³⁸.

Изучая такую тонкую и деликатную материю, как настроения, историк чаще всего не имеет возможности точно измерить или подсчитать распространенность или популярность того или иного мнения. В этом специфика рассматриваемых документов, в отличие от данных социологических опросов. Однако знакомство с большим массивом документов, взятых в комплексе (в данном случае сводки ОГПУ, партийных органов и материалы перлюстрации дополняют друг друга), позволяет исследователю составить представление, получить *впечатление* о наиболее распространенных и доминирующих тенденциях и способах восприятия. В условиях террора, когда свободное выражение мнений, особенно в отношении власти, было ограничено, картина политических настроений может быть воссоздана, опираясь на впечатление историка. Такие «импрессионистские» оценки, несмотря на свою приблизительность и субъективность, имеют право на существование. Во всяком случае, непредвзятый исследователь может и должен выявить на основе этих документов по возможности максимально полную картину общественных настроений, отметить все существующие оттенки, констатировать наличие или отсутствие того или иного мнения, указать господствующие тенденции.

Эти соображения, тем не менее, не могут помешать попыткам контент-анализа, уже предпринятым работавшим с частными письмами В. С. Измозиком³⁹. Иногда все же обзоры ОГПУ позволяют делать количествен-

³⁷ Большевикское руководство. Переписка. 1912–1927. Документы новейшей истории. М., 1996. С. 298. Документ № 184.

³⁸ Измозик В. С. Глаза и уши режима. С. 130.

³⁹ Измозик В. С. Письма российских эмигрантов середины двадцатых годов как исторический источник // Сб. Из истории Российской эмиграции. СПб., 1992. С. 48–51.

ные оценки и даже определять «рейтинг» политических лидеров, подсчитав, например, предположения публики о преемнике Ленина в 1924 году⁴⁰.

Сводки и обзоры ОГПУ, также как и донесения из райкомов, содержат огромный массив негативных высказываний о власти. Позволяют ли эти документы составить хотя бы приблизительное представление о масштабах пассивного недовольства? Я считаю, что – да. Данные секретных донесений о распространенном глубоко критическом отношении к властям не противоречат официальной благополучной картине. Тотальный контроль ОГПУ и террор заставляли одних и тех же людей на виду играть роль послушного гражданина и принимать участие в пропагандистских акциях, а настоящее мнение, противоположное ортодоксальному, скрывать или высказывать шепотом. Осведомителями фиксировалось, например, кто ходил на траурные собрания, манифестации по случаю смерти В. И. Ленина, а кто уклонялся. Как подозрительное отмечалось пассивное поведение. Суждения, противоречащие официальным, приводили в разное время или к немедленному аресту, или к увольнению, или установлению наблюдения за «неблагонадежным»⁴¹. Поэтому часто люди или молчали, или говорили не то, что думают. По свидетельству цензора отдела Политконтроля ОГПУ, «иные из советских граждан были настолько запутаны КГБ [речь идет о начале 50-х годов. – О. В.], что каждое из своих писем буквально сопровождали панегириками партии и советской власти»⁴². Многие агенты сообщали, что «комсостав [ко-

⁴⁰ См. главу «Смерть Ленина в реакции властей и общественном восприятии».

⁴¹ В обзоре ГПУ о настроениях транспортных рабочих и служащих Северо-Западной железной дороги в конце января 1924 года отмечалось, например: «Сообщается, что неоднократно со стороны делопроизводителя... материальной службы гр. Тришкина Н. Я. замечались некоторого рода противоположные к ныне существующему строю взгляды, выражающиеся в осуждении некоторых распоряжений и мероприятий как центральной, так и местной власти... Кроме того, в день 23 сего месяца весть о смерти т. Ленина Тришкиным была встречена с радостью, что возмутило некоторых сотрудников части. Имея в виду, что Тришкин в настоящее время занимает своего рода ответственную работу... крайне нежелателен, как элемент черносотенно настроенный и распространяющий свои антисоветские взгляды среди сослуживцев и, как работник, с производственной точки зрения ничего особенного не представляющий, просьба о разрешении на увольнение делопроизводителя Тришкина от службы или перемещения на должность конторщика. – Тришкин арестован... Зарегистрирован (в Вагонных мастерских) один случай оскорбительного отношения к памяти т. Ленина со стороны рабочего – сына титулярного советника, окончившего юридический факультет Петроградского университета – Ряхина Валериана, выразившегося о смерти т. Ленина при получении известия – «Умер вожьд пролетарской сволочи». – Ряхин арестован» (ЦГАИПД СПб, ф. 16, оп. 5, д. 5335, л. 83).

⁴² Авзегер Л. Там же. С. 51.

мандный состав — офицеры в армии. — *О. В.*] от разговоров о вожде [*о В. И. Ленине. — О.В.*] уклоняется». «Работники оркестра молчат, боясь себя проявить, чтобы не произошли аресты»⁴³. С достаточной долей уверенности можно предположить, что выявленные негативные высказывания — лишь вершина айсберга, и, таким образом, масштабы недовольства режимом были очень велики.

Итак, секретная служба информирования властей о настроениях в обществе налаживается, в основном, в начале 20-х годов. Массивы материалов, хранящиеся в бывших партийных архивах, позволяют судить о господствовавших настроениях среди населения и дают право на обобщения. Данный вид исторических документов следует понимать не только как источник фактической информации, не просто как «окно в прошлое», но воспринимать их как тексты, созданные в определенных системах значений и притом неоднородных. Несмотря на трудности интерпретации, эти источники дают обильный материал для изучения массового восприятия образа Ленина, позволяют составить представление, насколько проникающ и всеобъемлющ был культ Ленина.

Фольклор: частушки, анекдоты

В попытках получить прямой доступ к представлениям и настроениям простого люда историки ищут источники, не прошедшие преломление через сознание образованных элит. Фольклор позволяет подойти непосредственно к устной массовой культуре. На особое место фольклора в развитии национального сознания в Восточной Европе указывал Пьер Нора. Он сравнивал: «В Германии, например, носителями национальной идеи являются, в основном, философы. В Центральной и Восточной Европе гарантом и зародышем ее развития был национальный фольклор. Во Франции роль организатора и руководителя национального сознания всегда принадлежала историкам»⁴⁴. Правда, существуют вопросы селекции материала, — то есть кто, с какой целью собирал, записывал, публиковал фольклор. Не прошли ли про-

⁴³ Особо срочное донесение № 2. Настроение частей дивизии. 24. 01. 1924. (ЦГАИПД СПб, ф. 16, оп. 5, д. 5336, л. 9); Спец-сводка № 10 об отношении рабочих, служащих и учащихся г. Ленинграда к кончине т. Ленина. 6.02.1924 (ЦГАИПД СПб, ф. 16, оп. 5, д. 5335, л. 68).

⁴⁴ Пьер Нора, Мона Озуф, Жерар де Люимез, Мишель Винок. Франция-память. СПб., 1999. С. 5.

изведения народной культуры литературную правку, и в какой мере. Но при отсутствии точных и бесспорных данных о политических настроениях, фольклор является важным источником для изучения представлений простых людей.

В условиях государственного контроля и политики репрессий в советском обществе изучаемого периода люди были лишены нормальных путей получения информации, и человеческая потребность в коммуникации и обмене информацией реализовывалась во всевозможных слухах, легендах, анекдотах, частушках. Устная традиция, свойственная традиционному обществу, процветала в условиях, когда распространенность газет и книг (а чуть позже – радио) была недостаточна, или не все могли их читать в силу неграмотности, но самое главное – этой официальной информации люди не верили. Отсюда – изобилие пересудов и анекдотов. Этот источник позволяет дополнить официальную картину представлением неофициальности. В качестве источника автором привлекается политический фольклор – деревенский и городской – сказки, легенды, частушки, анекдоты о Ленине.

Политические лидеры и, в первую очередь, Ленин – излюбленные герои фольклора советского периода. Согласно теории М. Бахтина о символическом перевертывании образа мироустройства в карнавальной культуре, в развитии его идей Д. Лихачевым и современными исследователями, например, А. С. Ахиезером и А. В. Дмитриевым⁴⁵, смех в культуре выполняет необходимую функцию снятия психологических и социальных напряжений. Политические шутки в форме частушек или анекдотов разрушают иерархические представления об устройстве мира, как бы уравнивают всех, ликвидируя социальные дистанции. Смех противостоит официальной «устрашающей» серьезности, помогает преодолению страха. Однако было бы упрощением искать в политических шутках только протест или оппозиционность человека властям, как это часто делают комментаторы. По Бахтину, в карнавале происходит пародийное иносказание, интерпретация социальных и политических норм и правил, но никто прямо не пытается изменить эти нормы и правила, просто в их серьезный порядок вносится смех и веселье.

⁴⁵ Бахтин М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М., 1965; Лихачев Д. Смех в Древней Руси, 1990; Дмитриев А.В. Социология политического юмора. М., 1998.

Поскольку люди часто не ощущали в себе силы влиять на ход политических событий, психологически оправданным было восприятие политики как зрелища или игры. На пронизывающую советскую политическую действительность, театральность обращали внимание В. Паперный и Дж. Брукс⁴⁶. Для обычных людей политика – развлекательна, как драма или комедия, и политическая сцена часто становится объектом юмора. Часто маленькому человеку ничего другого не оставалось, кроме как смеяться, чтобы снять напряжение, прогнать страх и выжить.

Поскольку насмешкам обычно подвергаются «другие», смех маркирует дихотомию, существующую в обществе – он подразумевает некое противопоставление – «мы» и «они». Исследовательница Кристи Дэвис заметила, что если в постиндустриальных странах понятие «они» чаще подразумевает этническое меньшинство, то в восточно-европейских странах, находившихся под властью тоталитаризма и бюрократии, это понятие гораздо чаще относилось к политической элите и государственной бюрократии, хотя и этнические шутки там также имеют хождение⁴⁷.

Частушки, возникшие как жанр в конце XIX века, в советское время заметно политизировались. Политические темы потеснили любовные и бытовые сюжеты⁴⁸. Частушка, в отличие от городского анекдота, и в советское время оставалась деревенским жанром, но с миграцией крестьянских масс в города приживается и там, на городских окраинах. Как у частушек, так и у анекдотов характерными особенностями были анонимность, неопределенность времени появления и вариативность, то есть частая замена героев или времени действия при сохранении главного сюжета.

Расцвет политического анекдота приходится на советские годы. Несомненно, политический анекдот представлял собой форму критики и протеста, но его нельзя рассматривать только как средство противостояния режиму. Он выполнял функцию и популярного развлечения. Большинство людей не были готовы идти дальше насмешки над властями, они просто нейтрализовали чрезмерное давление идеологии. Анекдот выполняет также и

⁴⁶ Паперный В.З. Культура-2. Adris, 1985; Brooks J. Thank You, Comrade Stalin! Princeton, 2000.

⁴⁷ British Journal of Sociology. 1982. N 3. P. 383–403.

⁴⁸ Дмитриев А. С. С. 49.

функцию «подпольного» средства коммуникации в условиях ограничений на свободный обмен информацией. Политический юмор трансформирует то, что угнетает и то, что угрожает человеку, в смехотворный, то есть в ничтожный объект и таким образом преодолевает тревогу, страх и комплекс неполноценности⁴⁹.

Некоторые исследователи замечают агрессивность анекдота. По мнению А. Чернышева, анекдоты – тонкий механизм актуализации подсознательных импульсов насилия⁵⁰. Но именно через смех, согласно А. Ахиезеру, происходит сублимация агрессии – относительно безопасное высвобождение накопившейся агрессивности по отношению к высшей власти. Б.Шоу приписывается утверждение: «Иногда надо рассмешить людей, чтобы отвлечь их от желания вас повесить». И в этом смысле юмор – форма пассивного сопротивления авторитарным поползновениям власти и способ выживания.

Согласно классификации Л. А. Барского политических анекдотов по сюжетам, самыми распространенными являются сюжеты о политических деятелях⁵¹. Среди последних, исключая политических героев того или иного момента, одним из самых популярных, на мой взгляд, остается Ленин. Чем более его образ поднимался на богоподобную высоту официальной пропагандой, тем безжалостней снижался он в фольклоре. «Чем ближе к нашему времени, тем саркастичнее это развенчание, тем бесцеремоннее это снижение»⁵², отмечала Дора Штурман. Возвеличиванию сопутствовало бессознательное обратное стремление сделать его похожим на человека, снять мифологическую исключительность, оскорбить и осмеять. Нецензурные шутки подчеркивают в герое телесное.

Обобщенный образ Ленина в анекдотах – хитрый, бойкий, иногда желчный мужичок, безжалостный и решительный. Рассказчик всегда имитировал его картавость и манеру речи – быстрый темп и тембр голоса, заимствованные скорее из художественных фильмов о нем, чем из документаль-

⁴⁹ Там же. С. 57.

⁵⁰ Чернышев А. Современная советская мифология. М., 1992.

⁵¹ Барский Л. А. Это просто смешно, 1994.

⁵² Штурман Д., Тиктин С. Советский Союз в зеркале политического анекдота. Тель-Авив, 1985.

ных кадров и граммофонных записей. Героя часто можно было не называть, а лишь обозначить кепкой и картавостью — и этих, репрезентирующих знаков было достаточно. В анекдотах имела место десакрализация не только самого вождя, но и его официального культа. Перевертывались штампы политической пропаганды.

«Учительница выступает в классе:

— Дорогие дети, всем известна доброта Владимира Ильича. Я вам расскажу такой случай. Жестокий царь сослал Ленина в далекое сибирское село Шушенское. И вот в простой крестьянской избе великий вождь пролетариата брился опасной бритвой. Было лето, жара. Окна раскрыты. Тут заглядывает в окно мальчик. Такой светлый и добрый. Ну, такой как ты, Петя. И вот мальчик спрашивает: «Бреестесь, Владимир Ильич?» Ленин был гуманен. Он очень любил детей. Поэтому он ответил просто: «Пошел ты на...». А мог бы и бритвой полоснуть!»

По мере утверждения мифа, в анекдотах чаще снижался не образ собственно Ленина как живого человека, реального политика, а его официальный канонический образ, весьма далекий от прототипа. В этом существенное отличие от частушек 20-х годов, где темами были реальная политика вождя или коллективные представления о нем, далекие от официального образа.

Ленин Троцкому сказал:

— Пойдем, Лева, на базар,
Купим кобылу карюю,
Накормим пролетарию.

Когда Ленин умирал,
Сталину наказывал:

— Много хлеба не давай,
Мяса не показывай⁵³.

⁵³ Неподцензурная русская частушка / Подгот. текста, введение и примечания В. Кабронского. New York, 1978. С. 107.

Ленин Троцкому сказал:
– Я мешок муки достал.
Мне – кулич, тебе – маца.
Ламца-дрица-гоп-ца-ца.

Государственность же видела в смехе разрушительную силу, угрозу священности самой власти. Большая Советская Энциклопедия в издании 1926 года оценивала «политический анекдот... как своеобразное орудие политической борьбы», которое имеет большое «агитационное значение»⁵⁴. Соответственно принимались меры борьбы с «контрреволюционным» фольклором – как репрессии, так и «приручение». Уже в годы Гражданской войны в информсводках о настроениях ВЧК фиксировала существование этого жанра и интерпретировала его как «контрреволюционную или антисоветскую агитацию». В 20–30-е годы пение политических частушек и рассказывание политических анекдотов квалифицировалось как «антисоветская агитация и пропаганда» и наказывалось по статье 58-10 Уголовного Кодекса. Анекдоты повествовали о репрессиях против «анекдотчиков». «Кто строил Беломорско-Балтийский канал?» – «Левый берег – те, кто рассказывал анекдоты, правый – те, кто их слушал». «Кто это сидит и сочиняет анекдоты?» – «Кто сидит, тот и сочиняет»⁵⁵.

Как показывают документы, несмотря на репрессии 30-х годов, политический анекдот не прекращал своего обращения. Некоторые стойкие сюжеты, согласно законам жанра, переходили из одного десятилетия в другое, переживали подмену героя, например, Ленина на действующего вождя – Сталина. Анекдоты о вождях расценивались властями как наиболее святотатственные. И это тоже артикулировалось анекдотами.

«Сталин вызывает Радека и говорит:

– Слушай, Радек, ты любишь анекдоты сочинять, говорят, и про меня сочиняешь. Так вот этого делать не следует, не забывай, я – вождь.

– Ты – вождь? Вот это – не мой анекдот»⁵⁶.

⁵⁴ Большая Советская Энциклопедия / Изд. 1-е. 1926. Т.2.

⁵⁵ Осовцев С. Были и небылицы. // Нева. 1990. № 1. С. 203.

⁵⁶ Там же.

Позднее репрессии ослабили, но риск потерять работу или испортить карьеру оставался вплоть до Перестройки.

Ощущая свое бессилие перед подлинным творчеством народа, власть пытается «приручить» стихию. В тридцатые годы фольклор получает официальный статус как проявление «подлинно народной», и поэтому прогрессивной культуры. Разворачивается кампания по собиранию и изучению народного творчества. На I съезде советских писателей М. Горький призвал собирать и изучать свой фольклор. Исследователи охотились за любым, даже малым произведением народного творчества, которое могло бы продемонстрировать позитивное отношение советского народа к революции и советской власти и таким образом свидетельствовать о социальной поддержке. Такой фольклор широко популяризировался. Американский исследователь Франк Миллер показал, что в тридцатые годы исследователи народного творчества сотрудничали с исполнителями традиционного фольклора и помогали им создавать песни на современные сюжеты⁵⁷. Практика публикаций индивидуального творчества исполнителей и название их произведений фольклором зарождается в 1920-е годы. Исполнителей фольклора собирали в Москве на специальные съезды, где их ориентировали и вдохновляли на создание современных произведений, выдержанных в традиционной манере. Многие исполнители были приняты в члены Союза писателей. Главными героями советского псевдофольклора, как его называет Миллер, конечно, были Ленин и Сталин. Ленин в песнях и новинах – так назывались новые былины – посвятил всю свою жизнь без остатка борьбе за дело революции и умер от перенапряжения. «Благодаря своим деяниям, он будет жить вечно» и зорко следит, как его кровный брат Сталин ведет за собой страну. Сталин в этих произведениях был воплощением мечты народа о добром и мудром правителе. Он был отцом и вождем трудящихся, защитником вдов и сирот.

Уже в конце 30-х годов некоторые фольклористы поднимают вопрос о фальсификации фольклора. Например, в 1938 году критики замечали, что сказительница Марфа Крюкова не могла процитировать и припомнить сюжетной канвы некоторых «своих» сказов, написанных ею недавно. Вероят-

⁵⁷ Miller F. Folklore for Stalin: Russian Folklore and Pseudofolklore of the Stalin Era. M. E. Sharpe, 1990.

но, там не обошлось без помощи литераторов⁵⁸. Для современного историка, привлекающего эти произведения в качестве исторического источника, проблема фальсификации, селекции стоит остро. Автор различает «официальный» фольклор, опубликованный в тридцатые годы, и предпочитает им не пользоваться, так как он более отражает заказ «сверху». С осторожностью привлекается фольклор, опубликованный в двадцатые годы. В основном, для характеристики общественных настроений автор использует «неподцензурный» фольклор, – который вряд ли был инициирован властями – антисоветские частушки и анекдоты, политические шутки про Ленина и других лидеров, не всегда негативные, «нецензурные» шутки. Большей частью эти произведения были почерпнуты из документов ВЧК/ОГПУ/НКВД, преследовавших людей за такое творчество, из специальной литературы, сборников частушек, анекдотов, в том числе и эмигрантских, и из собственного опыта. Динамика фольклора (развитие сюжетов анекдотов и частушек) в различные периоды – довоенные, 1970-е, до и после 1985 года свидетельствует об изменении общественного отношения к Ленину в зависимости от политических событий.

При использовании фольклора как исторического источника приходится иметь в виду, что отношение фольклора к реальности не прямолинейное, а опосредствованное. Фольклор принадлежит к сфере символического, но не отражает реальность зеркально и прямо. Именно благодаря такой пограничной позиции он позволяет подойти к следующей проблеме. Как лидеры, которые несли ответственность за беспрецедентную катастрофу для страны – Гражданскую войну, голод, террор, могли стать положительными героями фольклора и объектами культа? М. Перри показал, что цари Иван Грозный и Петр Великий в русском фольклоре имели репутацию добрых царей. Такую славу они заслужили из-за преследования бояр, обижавших народ. Народный миф о добром, но беспощадном царе имел две версии. 1. Гнев царя был направлен только против злых бояр, обижавших народ и поэтому заслуживших наказания. 2. Репрессии против невинных жертв имели

⁵⁸ Добренко Е. Метафора власти. Литература сталинской эпохи в историческом освещении. Мюнхен, 1993. С. 107.

место только тогда, когда царя вводили в заблуждение его бояре⁵⁹. Обе эти версии обнаруживаются в неофициальных представлениях о советских вождах. Существование позитивных образов тиранов в народном творчестве заставляет думать о глубинных закономерностях развития массового сознания.

Слухи

Слухи являются важной частью культуры и повседневной жизни общества. Изучение слухов помогает объяснить, почему люди ведут себя так, а не иначе. Одной из важных для нас, историков, характеристик пересудов является их искренность, откровенность, импульсивность, отсутствие рационального фильтра. Болтовня не обременяет ответственностью, потому что она анонимна: «Это не я сказал, а "говорят"...» Анонимность обеспечивает относительную безопасность. Сплетничают обычно в отсутствие обсуждаемого — за глаза — и это также побуждает к откровенности. Пересуды психологически выгодны — они приносят облегчение. Они позволяют на минуту отвлечься от тягот своей повседневной жизни и поговорить о лидерах, героях, чужих страстях...⁶⁰ Трансляция слухов обычно приписывается женщинам. Недаром в некоторых традиционных племенах мужчины (господствующая группа) могут запретить женщинам собираться и болтать. Исторiku, изучающему коллективные представления в России, важно подчеркнуть, что пересуды — это средство релаксации и выживания слабых, зависимых групп. Слухи, циркулировавшие в крестьянской среде в СССР — это чаще всего проекция представлений зависимого населения о господствующей группе. Пересуды, доверительность, которая им сопутствует, обеспечивают чувство общности, причастности к некоему сообществу. Это также — средство получения моральной поддержки для слабых. В контексте такой темы, как образ лидера, для нас важно, что слухи не нейтральны, они оценочны, имеют тенденцию выносить приговор, осуждать или восхвалять.

⁵⁹ *Perrie M.* The Image of Ivan the Terrible in Russian Folklore, Cambridge University Press, 1987; *M. Perrie:* The Tsar, the Emperor, the Leader: Ivan the Terrible, Peter the Great and Rybakov's Stalin. // *Stalinism: Its Nature and Aftermath.* N. Lampert and G. T. Rittersporn (ed.), Houndmills, Basingstoke, Hampshire and London, 1992.

⁶⁰ *Levin J., Arlike A.* Gossip. The Inside Scoop. Plenum Press, 1987.

Среди исторических источников слухи – не вполне полноправный член. С легкой руки историков школы *Анналов* слухи, пересуды привлекают внимание и интерес историков в исследованиях ментальной сферы. В советской историографии они никогда не использовались. Как-то автор в начале Перестройки предложила в журнал «Отечественные архивы» статью, кроме других источников привлекавшую для характеристики общественных настроений и слухи. Рецензент отверг ее, а по поводу слухов начертал возмущенно: «Но ведь это неправда!» Позитивистское отношение к историческому документу как источнику фактов исключает использование таких «недостоверных» материалов, как слухи. С выходом в сферу ментальности, коллективных представлений меняется инструментарий историка. В. Паперный отмечал, что легенда недостоверна, но «для исследователя культуры, достоверность не очень важна, как для психоанализа не важно имеют ли переживания основания в реальности. К культуре, по существу, не применимо понятие достоверности, как к области бессознательного – понятие реальности»⁶¹.

Действительно, коллективными представлениями советская историография не занималась. Возможно, в пренебрежении таким источником проявлялось большевистское снисходительное отношение к «мещанской культуре». Возможно, на слухи распространялось подозрительное отношение, заимствованное у органов государственной безопасности – единственных, кто ими интересовался всерьез. Полицейский канал определил и устойчивое употребление словосочетания – со словом «слухи» обычно соседствовало определение «контрреволюционные» или «провокационные». И со слухами, также как и с неофициальным фольклором, государство пыталось бороться. Доходило до абсурда. Например, в кризисных политических ситуациях запрещались традиционные деревенские посиделки, чтобы люди не обменивались мнениями, которые априори полагались антисоветскими. «У нас в глуши только и слышно было, что Ленин умер. Трое суток было запрещено ходить на беседы»⁶². В тридцатые годы за антисоветские высказывания в форме слухов люди попадали в тюрьму. Преследования за распространение

⁶¹ Паперный В. С. 111.

⁶² Краткий обзор прочитанной корреспонденции с 22 по 31 марта 1924 г. (ЦГАИПД СПб, ф. 16, оп. 5, д. 5911, л. 56).

слухов получили законченную юридическую формулу с началом войны, когда применялись самые жесткие меры вплоть до расстрела. Но и эти меры – тюрьма и расстрелы – не могли остановить циркуляции слухов.

Слухи в традиционном обществе, в массе неграмотном и, тем более, в период до охвата населения средствами массовой информации – представляли собой важнейшее средство коммуникации. Поэтому изучение крестьянского общества при игнорировании такого источника, как слухи, грозит непониманием необходимого элемента культуры. Для исследователя крестьянства, по мнению Л. Виола, слухи служат компасом в мир обычно скрытых и неясных коллективных представлений и верований⁶³. Виола называет слухи ментальными проекциями политического мира крестьянина.

Именно в таком обществе, где общественное мнение не имеет возможности звучать открыто, в печати или в тех или иных формах диалога с властями, там оно проявляется не явно, а путем иносказаний и намеков в литературе, не громко – на площадях и на радио, а шепотом – на кухнях или у деревенских колодцев. Декабрист М. С. Лунин предупреждал: «Народ мыслит, несмотря на глубокое молчание. Доказательством, что он мыслит, служат миллионы, тратимые [правительством] с целью подслушать мнения, которые мешают ему выразить»⁶⁴.

Недостаток информации вообще или недоверие к официальной информации, также как и позиция противостояния или враждебности по отношению к источнику информации – все это неизбежно компенсируется тайными пересудами. Слухи как «тайный язык» угнетенного и подавляемого большинства обеспечивают ему своеобразное единство и чувство общности в противостоянии власти⁶⁵. А в условиях гражданской войны слухи превращаются в своеобразное средство массового сопротивления. Недаром в годы коллективизации советская власть определяла слухи как «кулацкий агитпроп», тем самым признавая их функцию контридеологии.

Как в фольклоре, так и в пересудах можно выделить меганарративы – то есть течения, сюжеты, темы, которые дрейфовали в коллективном созна-

⁶³ Viola L. Peasant Rebels under Stalin. Collectivization and the Culture of Peasant Resistance. Oxford University Press, 1996. P. 46.

⁶⁴ Наш современник. 1983. № 6. С. 61.

⁶⁵ Scott J.C. Domination and the Arts of Resistance. New Haven, 1990.

нии из поколения в поколение, повторялись в различных событийных ситуациях. Главной темой пересудов всегда была власть, точнее, ее конкретные представители. Например, в годы I Мировой войны главным персонажем пересудов российских обывателей была императрица, что странным образом перекликается со всеобщим неприятием Раисы Максимовны Горбачевой – супруги Михаила Горбачева – первого советского политика, включившего в государственный ритуал жену. Как перед революцией, так и в 20–30-е годы голод в России объяснялся тем, что хлеб тайно вывозят за границу, или конкретно в Германию. Лексические формулы совпадали дословно. Ожидания конца света или войны в кризисные периоды также пронизывает коллективные представления в разные эпохи. Во все времена, в разных странах существовало представление, что царь / монарх / Ленин / Сталин... добрый и мудрый, но до него «ничего не доходит», его обманывают или утаивают от него действительное положение вещей хитрые и злые бояре / приближенные / министры... Для массового сознания также характерно стремление к сбрасыванию с пьедесталов – резкое снижение официального помпезного образа – скабрзные частушки и рисунки, героем которых были Ленин и Сталин. Мифическое живет по своим законам.

Тексты используемых документов содержат множество грамматических и стилистических ошибок. При воспроизведении этих документов автор избегала исправлений, максимально следуя оригиналу. Ошибки передают ощущение подлинности и ярко характеризуют создателей. Были исправлены только очевидные орфографические ошибки, и расставлены знаки препинания для облегчения понимания смысла.

Квадратные скобки внутри текстов документов [...] обозначают авторские поясняющие включения или пропущенные слова, которые помогают понять содержание документа.

Когда это имеет значение, автор приводит в сносках название документа, обычно же выдержки даются только с архивным номером.

Культ лидера как результат модернизации и массификации.

Социализм как гражданская религия

Предметом рассмотрения этой книги будет не собственно Ленин как историческая личность, как политик, но как некий фантом, продукт как пропаганды, так и массовых представлений и иллюзий. Не Ленин, каким он был, но каким он казался, как его образ воспринимался людьми, иногда, как мы увидим, независимо от конкретной фигуры и даже вопреки ее действительным характеристикам или действиям. Образ Ленина конструировался сознательно, формировался спонтанно и был весьма далек от конкретной личности. Постепенно, в несколько этапов, образ Ленина развивался в миф. Этот мифологический образ, с одной стороны, использовался властью, с другой стороны, выполнял различные функции в общественном сознании. Миф Ленина на протяжении нескольких десятилетий был яркой чертой советского образа жизни, одной из граней восприятия мира советскими людьми, а его формирование — одним из направлений политики партии. Социальная психология показала, что общественное поведение людей определяется не фактами реальной жизни, а образами этой реальности в их сознании, восприятием фактов. Изучение интерпретации образа лидера как советской пропагандой, так и массовым сознанием, возможно, приблизит нас к пониманию того, почему люди действовали так, а не иначе, в тех или иных исторических ситуациях, а, в конечном счете, — что же происходило с российским народом при советской власти.

Кульм вождя как результат модернизации и «массивфикации»

Явление кульма лидера обычно связывается с архаическими обществами, восточными деспотиями или рассматривается как атавистический феномен массового сознания, проявление отсталости или низменных, примитивных человеческих эмоций и инстинктов, не соответствующих природе рационального человека и жизни индустриального общества. Тем не менее, кульм лидера был одной из ярких черт истории XX века и проявился в государствах с различными социальными устройствами, с разной историей и культурой – Германии, СССР, Италии, Китае, США и т. д. С. Московичи отмечал: «Харизматический тип вождя... кажется архаичным по существу. Похоже, он свойствен обществам прошлых лет... Но не видим ли мы, что он сохранился и распространяется вопреки ожиданиям»¹. Религиозное или полурелигиозное поклонение лидеру в форме государственного ритуала имело место в различные периоды истории в перечисленных странах, но именно в первой половине XX века проявилось с неожиданной силой.

Представления эпохи Просвещения о человеке как о существе, развивающемся от дикого состояния к цивилизованному, поддающемся благотворительным воздействиям извне – воспитанию, просвещению, обуздывающему свои инстинкты и порывы, – просветительские представления о государстве как цивилизующем начале оказались поколеблены и поставлены под вопрос трагическими событиями XX века – мировыми войнами, бесчеловечными диктатурами, геноцидом и Холокостом. Поклонение тому или иному тирану в невиданных доселе масштабах и протяженности во времени, что исключает одноразовый взрыв эмоций, требует исследования и объяснения. Попытка понять советские культы – кульм Ленина, возникший сразу после Гражданской войны, и кульм Сталина, нараставший во время массовых репрессий, потребует обращения к процессам социальным, антропологическим и политическим, протекавшим не только в советской России, но и в глобальном масштабе, не только в 20–30-е годы, но и в первой половине XX века. Поразмышляем о некоторых факторах, которые прямо или опосредствованно могут влиять на возникновение кульма в индустриальном обществе.

¹ Московичи С. Век толп. Исторический трактат по психологии масс. М., 1998. С. 351.

XX век был отмечен активизацией энергии коллективного бессознательного, колоссальными выбросами архаики в самой гуще исторической жизни². Возможно, это было одним из проявлений массификации – выхода на политическую арену народных масс как активного агента истории, массовых движений в форме, например, революций. Как указывали Фрейд, Фромм, Лебон, Московичи и др.³, человек массы живет больше в сфере коллективного бессознательного. Это коллективное бессознательное, по Юнгу, существует в форме устойчивых универсальных архетипов. Они проступают иногда в том или ином феномене современной цивилизации – в таком, например, как культ политического лидера.

Культ вождя – устойчивый и распространенный параметр взаимоотношений лидера и массы. XX век, с его средствами массовых коммуникаций, придал этому явлению невиданные ранее массовость, распространенность и интенсивность. С одной стороны, он может активно использоваться властью в целях легитимации, а также в целях манипулирования массами. И эта его функция уже исследовалась в историографии. Но стимуляция культа сверху может иметь успех, только если она отвечает общественной потребности, сложившейся или вновь возникшей предрасположенности. Поэтому заслуживает рассмотрения другая сторона культа лидера. В массовом сознании он может выполнять функцию религии, поскольку он придает осмысленность человеческому существованию; базового мифа, дающего основу видения мира. В этом явлении оживают глубинные слои человеческой психики в форме таких первообразов, архетипов как образ отца, осознание себя в мире – «Я – образ».

Культ вождя можно рассматривать как элемент мифологической картины мира. История XX века показала, что мифологизм не принадлежит лишь ушедшему далекому прошлому, не является чертой только первобытного мышления, но может воскресать в индустриальных обществах и пытаться собой то идею национализма, то идею социализма. Как показали Ю. Лотман и Б. Успенский, мифологическое мышление универсально и мо-

² Козлова Н.Н. Горизонты повседневности советской эпохи. М., 1996. С. 80.

³ George L. Mosse. The Nationalization of the Masses. Political Symbolism and Mass Movements in Germany from the Napoleonic Wars through the Third Reich. Howarg Fertig, New York, 1975; Фромм Э. Бегство от свободы. М., 1990; Moscovici S. The Age of Crowd. A Historical Treatise on Mass Psychology / Translated by J. C. Whitehouse. Cambridge University Press, 1985.

жет уживаться с логико-научным видением мира в одной и той же культуре, не исключая современные культуры⁴. Тот или иной способ мышления может в определенный период доминировать в культуре. Некоторые культуры субъективно ориентированы на мифологическое мышление. Особую «религиозную энергию» русской души, также, как и Ф. Достоевский, отмечали философы С. Франк, Н. Бердяев.

Некоторые полагают, что живучесть или возрождение в XX веке современных отношений и установок является внутренней реакцией человека на модернизацию, которая грозит разрушить ценность и чувство собственного «я». Распад традиционного мира, нарушение общественных и личных связей, темп новой цивилизации, вторжение в жизнь механизмов и машин, приводят к ощущению человеком своей потерянности и одиночества. Харизматические лидеры, апеллирующие к иррациональному, взрыв национализма, религиозный фундаментализм в его многочисленных проявлениях, вера в науку, граничащая с религией, – все это характеризует XX век, несмотря на надежды эпохи Просвещения.

С конца XIX века массы становятся активным участником исторического процесса. Ученым пришлось признать влияние на историю «века толп» инстинктов и бессознательных импульсов массовых движений. Революции в России ознаменовали переход страны к массовому обществу. Советская цивилизация переживала все сопутствующие модернизации и массификации антропологические процессы. Эти процессы здесь были окрашены этническими и историческими особенностями.

Во-первых, изменение традиционного сознания, смена картины мира происходила здесь не эволюционным путем, а катастрофически. В момент резкого рассогласования прежней традиционной картины мира и новой реальности, в условиях недостатка времени для выработки новой культурной модели традиционное сознание лишается своих адаптивных свойств и начинает распадаться. В этот момент смуты этнос поддерживают лишь заложенные в его бессознательном устойчивые базовые универсальные константы. Они, по определению С. В. Лурье⁵, представляют собой структурообразую-

⁴ Лотман Ю.М., Успенский Б. А. Миф-ния-культура // Труды по знаковым системам. 6. Тарту, 1973. С. 283–303.

⁵ Лурье С. Метаморфозы традиционного сознания. СПб., 1994. С. 55.

щий первичный слой психической адаптации человека, куда входят такие парадигмы, как представление о зле (образ врага); представление о добре (образ себя, образ покровителя, образ коллектива), представление о способе действия. В момент катастрофы, чтобы сохранить свою идентичность, этнос должен кристаллизировать вокруг своих универсальных констант новую картину мира.

Во-вторых, революционная попытка модернизации России парадоксальным образом привела здесь к архаизации всех форм общественной жизни. Насильственное разрушение скреп традиционного общества в специфических условиях России, где амальгама цивилизации была более тонкой, привело к упрощению, варваризации, к воспроизводству традиционных структур на новом уровне. Все процессы модерна имели здесь алгоритм «шаг вперед, два — назад». Из-за наводнения города переселенцами из деревни, которых тот не мог «переварить», произошла, по сути, деурбанизация. Коллективизация не привела к культурному прогрессу, воспроизводила отсталых мужиков, а не современных фермеров. Произошло всеобщее окрестьянивание русской жизни. Расширение народного образования происходило за счет качества. Эмиграция, войны, террор подрывали потенциал нации.

Таким образом, исторические особенности процесса модернизации, массивификации общества в России, принявшие здесь форму архаизации общественной жизни, смена картины мира, пережитая народом как катастрофа, обнажили архетипические слои массового сознания, включили глубинные защитные/адаптивные механизмы выживания. Эти процессы в контексте субъективной ориентированности русской культуры на мифологическое мышление сделали обожествление лидера важной чертой новой советской цивилизации.

К такой форме взаимоотношений лидера и народа, как культ, исследователи подходили с разных сторон, обращая внимание на ту или иную составляющую этого сложного исторического, психологического и социального явления. В историографии преобладает подход к культу вождя как к социально-политическому феномену. Автор же попробовала взглянуть на него в антропологическом измерении. Дело в том, что все многообразие общественной жизни не исчерпывается политическим дискурсом, и познание

этого явления затруднено, если оставаться в рамках традиционных подходов. Мы не можем обойти вниманием иррациональный элемент в культе лидера. Поэтому для ответа на вопрос, почему возникает культ и что это такое, продуктивно будет привлечение методов массовой психологии, антропологии, а также изучение представлений, глубоких верований, иллюзий, мифов массового сознания. Благодаря вкладу Фрейда, Лебона, Тарда в науку об обществе, было признано, что не только рациональный расчет двигает людьми в их стремлении к интеграции. В социальной жизни большую роль играют и иррациональные элементы.

Социализм как гражданская религия

Одной из принципиальных черт современного индустриального общества стала секуляризация всех форм социальной жизни. И действительно, традиционные религии теряют прежнее всеохватывающее значение. Однако под оболочкой новых идеологий и политических теорий при пристальном взгляде угадываются формы мифологизированного видения мира. Согласно Э. Дюркгейму, даже на поздних стадиях социо-культурного развития всякое общество нуждается в «функциональном эквиваленте» религиозной системы (называют ее «религией» или нет – имеет в основном семантическое значение). Мифологизированное видение мира может не только реализовываться в форме устоявшихся религий, но в процессе секуляризации принимать иную направленность и иные формы.

На мой взгляд, феномен культа вождя может быть рассмотрен в категориях «гражданской религии». Гражданская или светская религия точно отвечает психологическим нуждам – потребности в определенности, «регрессии индивидов в массу»⁶. Функция светской религии – создать цельную картину мира, гармонизировать противоречивые и необъяснимые явления мира. В XX веке к такому светскому воплощению религиозной системы представлений можно отнести социалистическую идею.

Советская власть, разрушив такие цементирующие социум основы, как религия и монархия, не могла обойтись без новой, сплачивающей общество парадигмы, должна была сконструировать объясняющую мир и указы-

⁶ Москвичи С. Век толп. М., 1998. С. 414.

вающую перспективу альтернативную православной религии систему представлений, предложить пути «спасения». В русском марксизме существовало понимание важности обращения к сфере подсознательного, к эмоциям. «Богостроители» во главе с Луначарским полагали, что социализм нуждается в использовании воодушевляющей силы мифа. Марксизм-ленинизм в советской России стал такой гражданской религией — мировоззрением со своими ритуалами, способом восприятия мира с большой долей веры. На это указывали многие историки — М. Левин, Р. Стайтс, К. Лайн, Н. Лебина и другие. На быденном уровне это отмечали и простые жители. В частном письме из Ленинграда в Англию в 1925 году говорилось: «Теперь здесь новая религия, так называемый Ленинизм. Повсюду видишь портреты этого человека, как в старое время иконы, повсюду видишь его бюсты и слышишь повторяемую его болтовню»⁷.

На религиозный характер восприятия марксистско-ленинской доктрины указывает интерпретация ее как абсолютной истины, данности, существующей независимо от человеческих оценок. Голоса массовых источников характеризуют новый социальный порядок как стихийное бедствие, посланное свыше испытание, неподвластное воле и иногда даже разумению маленького человека. Письма людей в подавляющей массе своей пронизаны покорностью судьбе и пассивным отчаянием даже в страшные годы голода, разрухи, крушения старого мира. Мир виделся в мифологических категориях, безальтернативным сюжетом.

Внутренняя структура сплоченных замкнутых сообществ, мобилизующих своих членов на достижение какой-то универсальной цели (иногда не более и не менее, чем переустройство и спасение мира), настоятельно требует лидера, апеллирующего не только к рассудку, но и к инстинктам; опирающегося на отношения личной преданности. Коммунистическая истина была явлена раз и навсегда в писаниях Маркса и Ленина. Они выдвигают цель — построение совершенного общества, некоей Аркадии. Согласно В. Живову, просвещенческая концепция государства и монарха на русской почве претерпевает трансформацию. В соответствии с традиционным мессианским представлением европейский государственный миф приобретает

⁷ ЦГАИПД СПб, ф. 16, оп. 6, д. 6937, л. 14.

явные черты «Земли обетованной», а правитель «превращался здесь в демиурга, в творца нового царства, которое должно преобразить мир»⁸. Социализм в советской России виделся Землей обетованной, куда Ленин, наподобие Моисея, обещал провести российский народ. Этот образ рисуется М. Томским на траурном заседании съезда Советов СССР после смерти Ленина: «Сумеет ли созданная Владимиром Ильичем партия и советская власть... провести нашу страну дальше, в тот край обетованный, который преподносился духовному взору Владимира Ильича?»⁹. Представление о социализме, как о «рае на земле»¹⁰, путь в который лежал через жертву и страдание, было особенно характерно для традиционного сознания крестьян и уходило корнями в христианство и, глубже, в архетип Золотого Века.

Фигура Ленина встает в центре нового учения в качестве пророка и учителя, который указывает путь к счастливому будущему. С едкой иронией об этом говорилось в рукописной листовке, появившейся в мае 1926 года на железнодорожной станции неподалеку от Ленинграда: «Коммунистическая партия – владыка – долбит всем, что она единственно правильный путь к земному раю, что путь этот указал Гений – Ленин, почитаемый по указке партии также, как раньше велели почитать БОГА и ЦАРЯ... Граждане! Неужели вам нужно иметь предмет высшего поклонения, каким раньше были идола и образа, а теперь ореолом поклонения окружен бессмертный дух Ленина?»¹¹. Роль фигуры Ленина в советской парадигме определялась тем, что он стал той личностью, на которую начинают проецироваться национально-политические надежды, устремления и желания русского народа.

Важным компонентом в культе лидера была вера. К. Ясперс говорил, что иногда обожествление человека служит заменой веры¹². Э. Фромм отно-

⁸ Живов В. М. Государственный миф в эпоху Просвещения и его разрушение в России конца XVIII века // Век Просвещения. Россия и Франция. Випперовские чтения. М., 1989. С. 147.

⁹ У Великой Могилы. М., 1924. С. 101.

¹⁰ «Социализм – это рай на земле». Крестьянские представления о социализме в письмах 20-х годов // Неизвестная Россия. XX век. Архивы. Письма. Мемуары. 3. М., 1993. С. 199. Авторы подборки документов отмечают, что в 1924–1927 годах в письмах, присланных в редакцию «Крестьянской газеты», крестьяне активно обсуждали возможность построения социализма, размышляют о нем. «Социализм – взаимное братство, любовь и святость законов», – писал один из корреспондентов.

¹¹ ЦГАИИД СПб, ф. 16, оп. 1, д. 61, л. 38–39.

¹² Ясперс К. Философская вера // Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1994. С. 485.

сит веру к одной из основных человеческих потребностей, сущностным атрибутом человеческой природы. Иррациональную веру Фромм рассматривает, как веру в человека, или в идею, или символ, которая опирается не на личный опыт, интеллектуальный или эмоциональный, но основывается на эмоциональном подчинении некоему иррациональному авторитету¹³. Вера – такое отношение к идее или фигуре, когда ценность этой идеи или фигуры определяется не ее соответствием реальности, внешнему опыту, а тем, что она удовлетворяет внутренним потребностям, придает смысл и значение жизни. Объект веры сопротивляется критике реальности. «Дорогую» идею человек не подвергает экспертизе фактами, он скорее предпочтет закрыть глаза на эти факты. Факты и вера существуют в разных измерениях. Крушение веры влечет кризис, а затем поиски новой веры. Социальные психологи считают, что власть вождей не может искусственно поддерживаться только силой или законом, если она не связывается с верованием, формирующим поступки, мысли и чувства¹⁴.

В России многие люди обрели в социализме веру, в которой Революция выступала как акт творения нового мира. Они были полны уверенности в возможности и необходимости переделки человека и мира, ощущения своей призванности нести «дух революции». Идею коммунизма они находили достойной, чтобы во имя ее жить и за нее умереть. Это придавало осмысленность их существованию, давало им чувство своей правоты, великий стимул и энтузиазм. Л. Копелев вспоминал о тридцатых годах: «Нас воспитывали фанатическими адептами нового вероучения, единственно правильной религии научного социализма. Партия стала нашей воинствующей церковью, несущей всему человечеству вечное спасение, вечный мир и блаженство земного рая»¹⁵. А вот разочарованный голос «снизу»: «Кому должен верить рабочий: попу или коммунисту? Первый нам обещал "царство небесное", второй – земной рай, а в конце концов не видать ни того, ни другого»¹⁶. Во многих советских людях, включая жертвы, даже террор не поколебал веры в историческую миссию партии и безошибочность лидера. Мы

¹³ Фромм Э. Психоанализ и этика. М., 1993. С. 154, 156.

¹⁴ Московичи С. С. 370.

¹⁵ Копелев Л. Я сотворил себе кумира. Ardis: Ann-Arbor, 1978. P. 271.

¹⁶ Голос народа. Письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918–1932 годов. М., 1998. С. 242.

знаем, что немало заключенных сталинских лагерей писали Сталину письма с уверениями в своей преданности. Знаковое слово «энтузиазм», которое часто сопровождает характеристику сталинизма, очень близко по значению к «вере». Определение «фанатичный» в советской политической лексике было лишено негативной коннотации.

Итак, социализм в советской России приобрел качества светского воплощения религиозной по сути системы представлений, сплачивающих общество. Лидер персонифицировал эту парадигму. Его образ выполнял различные функции в массовом сознании, о которых пойдет речь в этой книге.

ЧАСТЬ 1

Прижизненный период.

Политика власти по популяризации вождя

Уйдя из жизни, Ленин становится объектом государственного культа. Смерть вождя обозначила переход его образа в мифологическое измерение. Однако этому предшествовало определенное движение общественного настроения и государственной пропаганды, которое рассматривается в этой главе.

В дореволюционный период влияние личности Ленина ограничивалось в основном пределами большевистской партии — немногочисленной и подпольной. Завоевав власть и установив диктатуру, партия получила возможность распространять принципы своей организации — иерархическую структуру, централизм, дисциплину и вождизм — на все государственные сферы. В первые годы советской власти значительные усилия партийного руководства направлялись на популяризацию вождя. В пропагандистской кампании сверху можно отметить несколько импульсов: 1918 год — ранение Ленина эсеркой Ф. Каплан, 1920 год — празднование юбилея В. И. Ленина и 1924 год — смерть вождя.

«Короля играет свита»

До весны 1917 года Ленина в России не знали, если не говорить о небольшой группе социал-демократов и полиции. Сами обстоятельства возвращения Ленина на родину из многолетней эмиграции создали ему скандальную известность. Скандал во все времена был и остается самым кратким путем к известности.

Центральный комитет РСДРП организовал массовую, торжественную встречу группы эмигрантов на Финляндском вокзале Петрограда. Переипетии проезда русских социал-демократов через воюющую Европу послужили основанием для обвинения Ленина, возглавлявшего группу, в получении денег от германского правительства на революционную работу и, в частности, на сам переезд. В российской прессе появились карикатуры и изобличающие публикации. Они спровоцировали интерес к личности вождя большевиков. Первая краткая биография Ленина была опубликована газетой «Солдатская правда» в конце весны 1917 года в ответ на запрос группы солдат. Лаконичные сведения о начале революционной деятельности Ленина были написаны Крупской, отредактированы самим главным героем и названы «Страничка из истории партии». Там было указано настоящее имя Ленина, дата его рождения, упоминались казнь его брата, исключение из Казанского университета, первый арест. Биография осталась незаконченной.

После Октябрьского восстания и захвата власти перед большевиками встала задача представления стране своего вождя. Массы узнали имя Ленина из подписи под декретами о мире и о земле. Поводом для настоящей пропагандистской кампании по возвеличиванию вождя в официальной прессе послужило покушение на Ленина. Во время одного из митингов 31 августа 1918 года эсерка Ф. Каплан стреляла в него и ранила. Сюжет был исключительно благоприятен для создания образа героя-мученика, традиционно близкого сердцу простого человека, и он был использован пропагандой в полной мере. В ходе этой кампании тон задавали ближайшие соратники пострадавшего. Руководители партии воспользовались случаем выступить с речами и статьями, прославлявшими руководителя большевиков, «пострадавшего за народ». 6 сентября 1918 года Зиновьев произнес в Петроградском Совете патетическую речь, которая была сразу же издана отдельной брошюрой. Она ярко отражает атмосферу, возникшую после покушения на Ленина и характерна для всей кампании, направленной на популяризацию главы правительства.

Вся речь была пронизана духом раболепного поклонения «величайшему вождю и апостолу социалистической революции, какого когда-либо знал мир». Говоря о Ленине, Зиновьев часто обращается к религиозным категориям. Как основателя новой религии, автор называет его апостолом,

пророком, а книгу «Что делать» — Евангелием. Зиновьев рассказывает о телеграммах рабочих, приветствовавших выздоровление вождя после покушения: «Много нежных слов нашли рабочие, чтобы выразить свои чувства к Ленину. Какими только нежными словами они его ни называли в телеграммах: и "солнце наше", и "дорогой светоч", но чаще всего в телеграммах встречается ясное, твердое, даже немножко жесткое слово "вождь". Это поистине избранник миллионов, это вождь божьей милостью... рождающийся раз в 500 лет в жизни человечества». Характеризуя особые свойства натуры вождя, автор отмечает: «Везде, когда и где бы Ленин ни работал, в кружках ли, в редакциях ли, в Центральном Комитете, или, наконец, теперь в Совете Народных Комиссаров — к данной организации неизбежно приклеивался ярлык "ленинский"». Зиновьев признается в своем отношении к учителю: «Я не могу представить себе, что было бы, если бы у нас не было тогда товарища Ленина»¹. Эти высказывания раскрывают отношения между вождем и его соратниками, характерные для харизматического союза. Зиновьев же представляет Ленина как воплощение партии: «говорить о Ленине, значит говорить о партии»².

Внес свою лепту и Троцкий. Интересно сравнить его статьи о Ленине 1918, 1920, 1923 и 1924 годов. Для речей Троцкого характерным сюжетом являлось представление Ленина как конкретного воплощения неких общих понятий — революционного духа рабочего класса (1918), или — национально-го воплощения социалистической революции, старой и новой России (1920). Троцкий, который сам пользовался огромным влиянием и популярностью, участвует в хоре восхвалений, создавая тем самым общую атмосферу в партийных кругах. «Никогда собственная жизнь каждого из нас не казалась нам такой второстепенной и третьестепенной вещью, как в тот момент, когда жизнь самого большого человека нашего времени подвергается смертельной опасности»³. Такие параллели проводил Троцкий в 1918 году, а в 1923 году о больном он говорил: «Маркс — пророк со скрижалями, а Ленин — величай-

¹ Зиновьев Г. Н. Ленин. Петроград, 1918. С. 63, 46.

² Правда. 1920. 23 апреля.

³ Луначарский А., Радек К., Троцкий Л. Силуэты: политические портреты. М., 1991. С. 117; Правда. 1920. 23 апреля.

ший исполнитель заветов...»⁴ — намечая, таким образом, мотив преемственности.

Воистину, «короля играет свита».

Празднование 50-летнего юбилея В. И. Ленина в 1920 году было организовано как важнейшее государственное мероприятие. Моссовет издал юбилейную книгу, посвященную жизни Ленина. Юбиляр получил ее 23 апреля, просмотрел и сделал в ней пометки. Альбом рисунков художника Н. Альтмана «В. И. Ленин» был издан специально к этой дате тиражом 5 тысяч экземпляров.

В Петрограде подготовка к юбилею началась незадолго перед датой. 12 апреля Бюро ПК наметило на пятницу, 23 апреля, проведение докладов в райкомах и на предприятиях⁵. Более подробно вопрос обсуждался 19 апреля — всего за два дня до юбилея. Спешка с организацией привела к накладкам. Оказалось, что на 22 апреля уже назначен общегородской «антипольский» митинг, который должен был поднять патриотический дух питерцев в ходе советско-польской войны. Этот митинг пришлось срочно отменить и перенести на другой день, чтобы не отвлекать публику, а 23 апреля было решено провести митинг-концерт в честь дня рождения Ленина. Там выступили М. И. Калинин, Н. И. Бухарин, К. Б. Радек, А. М. Коллонтай. Губком поручил райкомам привлечь рабочих, встречавшихся с Лениным, к написанию статей и воспоминаний и опубликовать их в прессе.

Московский Горком РКП(б) организовал торжественное собрание по случаю юбилея, против которого Ленин протестовал, но, в конце концов, вынужден был присутствовать. Он приезжает в Московский комитет вечером, уже к концу заседания, выступает с речью, в которой благодарит за поздравления и еще больше за то, что его «избавили от выслушивания юбилейных речей», а потом обращается к вопросам текущей политики. Вечер завершает небольшой концерт.

Выступления на этом собрании характеризуют особенности отношения к Ленину этого периода. Сам жанр юбилейной речи предопределил высокопарную тональность многих выступлений. Многие подчеркивали масштабы фигуры Ленина: «колоссальная фигура», «когда произносят имя Ле-

⁴ Там же. С. 118.

⁵ ЦГАИПД СПб, ф. 1, оп. 1, д. 738, л. 97.

нина, передо мной встает что-то внечеловеческое, огромное, всемирное» (Кириллов). «В нем есть что-то внечеловеческое. Я удивлялся, какой вокруг него веет ветер, ветер вершин» (Луначарский). «...Мне становится жутко. Делается страшно от вида этого великого человека» (Горький). «Пророк пролетариата» (Бонч-Бруевич).

Тем не менее, в текст многих выступлений, несмотря на торжественность момента, были вплетены и критические оценки. М. С. Ольминский напоминал о периоде создания большевистской партии: «О Ленине была тогда (18 лет назад) слава как о человеке очень самовластном, стремящемся к самодержавию, отрекающемся от старейших, лучших вождей социал-демократии, всех ругающем и со всеми воюющем... Он был прав, — продолжал Ольминский, — выдвигая организационный принцип недемократический, принцип военной организации»⁶. В выступлении он признавал все же целесообразным применение «недемократических методов Ленина в организационном строительстве партии как на ранних этапах, так и в современных условиях экономической разрухи...»⁷.

Сталин позволил себе построить свою речь на напоминании об ошибках Ленина в решающий момент революции: «И, несмотря на все требования Ильича, мы не послушались его, пошли дальше по пути укрепления Советов и довели дело до съезда Советов 25 октября, до успешного восстания. Ильич был уже тогда в Петрограде. Улыбаясь и хитро глядя на нас, он сказал: «Да, вы, пожалуй, были правы». Ленин не боялся признавать свои ошибки»⁸.

В юбилейных речах мы слышим отголоски внутрипартийной борьбы и разногласий. Материалы торжественного вечера сразу же были изданы отдельным сборником.

Динамику изменений оценки Ленина от проклятий до панегириков позволяет выявить сравнение работ А. М. Горького 1917–1918 годов, 1920, 1924 и 1930 годов — серия статей, объединенных под общим названием «Несвоевременные мысли», выступление Горького на юбилейном вечере и три редакции очерка «В. И. Ленин».

⁶ 50-летие Владимира Ильича Ульянова-Ленина. М., 1920. С. 23.

⁷ Там же.

⁸ Там же. С. 27.

В «Несвоевременных мыслях» Горький, отдавая дань величию фигуры Ленина, дает однозначно отрицательную оценку его деятельности. «Сам Ленин, конечно, человек исключительной силы... Он обладает всеми свойствами "вождя". А каждому вождю, — с горечью замечает писатель, — присуще так же и необходимое для этой роли отсутствие морали и чисто барское отношение к жизни народных масс»⁹. Он обвиняет Ленина в «нечаевщине», в «бесовщине»: «Владимир Ленин вводит в России социалистический строй по методу Нечаева — "на всех парах через болото"»¹⁰.

Проходит два года. В статье «В. И. Ленин» 1920 года Горький повторяет свое обвинение, что «для Ленина Россия — только материал опыта, начатого в рамках всемирных, планетарных»¹¹. Но это обвинение смягчается тезисом «ошибки — если надо говорить о них — не преступления. Ошибки Ленина — ошибки честного человека, и в мире не было еще ни одного реформатора, который действовал бы безошибочно»¹².

Видимо, под влиянием одноименных работ русского классика 1924 и 1930 года не только советская историография¹³, но и западные исследователи¹⁴ истолковывают этот очерк 1920 года как панегирик, что, на мой взгляд, по меньшей мере, неточно. Употребление в отношении вождя таких оценок как "фанатик", «безумец» и других резких суждений, по-видимому, было возможно в подцензурной советской прессе только благодаря высокому авторитету Горького. Как летом 1918 года по указанию Ленина¹⁵ была закрыта газета «Новая жизнь», где печатались «Несвоевременные мысли», также летом 1920 года реакцией Ленина на критику Горького было запрещение. После выхода номера «Коммунистического Интернационала» со статьей Горького в свет Ленин потребовал официального запрещения печатать впредь подобные «антикоммунистические» вещи: «Предлагаю сбором подписей в

⁹ Горький М. Несвоевременные мысли. Заметки о революции и культуре. М., 1990. С. 43.

¹⁰ С. Г. Нечаев (1847-1882) — организатор тайного революционного общества «Народная расправа», выдвинувший принцип «для торжества революции все средства хороши». В 1869 году в Москве убит по подозрению в предательстве студента И. И. Иванова.

¹¹ Коммунистический Интернационал. 1920. № 12, столб. 1927.

¹² Там же.

¹³ Горький М. Собрание сочинений в 18 тт. Т. 18. С. 380.

¹⁴ Эннкер Б. Начало становления культа Ленина // Отечественная история. 1992. № 5. С. 195; Tumarkin N. Lenin Lives! The Lenin Cult in Soviet Russia. 1983. P. 106.

¹⁵ В. И. Ленин и А. М. Горький. М., 1969. С. 423.

Политбюро: Политбюро ЦК признает крайне неуместным помещение в № 12 "Коммунистического Интернационала" статей Горького, особенно передовой, ибо в этих статьях не только нет *ничего* коммунистического, но много *антикоммунистического*. Впредь никоим образом *подобных* статей в "Коммунистическом Интернационале" *не* помещать. Ленин»¹⁶. Партийная оценка статьи 1920 года и причин ее запрета, была дана в примечаниях полного собрания сочинений Ленина: «Статья... А.М. Горького, проникнутая чувством искренней любви к Ленину и восхищения его деятельностью, была, однако, написана с ошибочных позиций культа личности и содержала ряд политически вредных положений. Горький давал в ней крайне субъективные, по сути дела идеалистические оценки роли Ленина, русского народа, характера революции в России»¹⁷. На мой взгляд, нелестные слова, обвинения в «нечаевщине», в жестоком экспериментаторстве на людях, а вовсе не «нетерпимость Ленина ко всяким восхвалениям»¹⁸, как отмечал официальный комментарий, послужили причиной для возмущения Ленина.

В очерке 1920 года Горький отметил существовавшую тенденцию к обожествлению вождя: «Ленин постепенно становится легендарной личностью... В эпоху преобладания религиозных настроений Ленина сочли бы святым»¹⁹. Этот же мотив развивался в статье 1924 года, где Горький пытался разобраться в отношениях людей к Ленину: «Не знаю, чего больше вызывал он: любви или ненависти. Но я боюсь, что и любовь к Ленину у многих только темная вера измученных и отчаявшихся в чудотворца, та любовь, которая ждет чуда, но ничего не делает...»²⁰.

Резко отличается по тональности патетический очерк Горького 1930 года под названием «В. И. Ленин». Не будем касаться метаморфозы взглядов самого автора, отметим только интересующие нас новые сюжеты. В новой политической атмосфере появляется принципиально новый тезис об «учениках и наследниках Ленина», которые «все более уверенно, крепче,

¹⁶ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 54. С. 429. На постановлении, кроме подписи самого Ленина, имеются также подписи Троцкого, Крестинского и Калинина.

¹⁷ Там же. С. 714–715.

¹⁸ Горький М. Собрание сочинений в 18 тт. Т. 18. С. 380.

¹⁹ Коммунистический Интернационал. 1920. № 12, столб. 1931.

²⁰ Русский современник. 1924. № 1. С. 239.

успешней делают его великое дело»²¹. Этот тезис, получивший огромное распространение, перекидывал мостик преемственности, переносил отблеск божественности на нового лидера, укреплявшего свой пьедестал. Эти произведения Горького опосредствованно отражают палитру общественных настроений в новой элите в отношении Ленина, нарастание пиетета.

Итак, уже при жизни Ленина возникают первые признаки экзальтированного почитания революционного вождя, но они локализируются в партийной элите. Для этого периода характерна была целенаправленная политика Коммунистической партии по популяризации вождя «сверху» и немногочисленные отклики на нее «снизу».

В первые годы советской власти рядовые граждане часто имели смутные представления о тех, кто отдавал приказы и подписывал декреты. Об этом говорят архивные документы, позволяющие как бы проникнуть в мысли людей той поры. В подслушанных агентами ОГПУ разговорах, во вскрытых ими частных письмах имена вождей упоминаются редко. Новобранцы Красной Армии из Сибири даже после смерти Ленина не знали, кто это такой²². В письмах и разговорах люди обсуждали, в основном, бытовые вопросы, повседневные трудности, экономическое положение, голод, увольнение.

Объем материалов ОГПУ 1918 года о настроениях недостаточен для обобщений о неформальных реакциях публики на покушение в августе 1918 года. Пресса и Зиновьев сообщали о пожеланиях выздоровления раненому Ленину от простых людей. В музее Ленина в Москве когда-то демонстрировалась Библия, присланная больному вождю неким крестьянином. В дни пятидесятилетия Ленин получал телеграммы с поздравлениями от рабочих и красноармейцев. Их публиковали бесчисленные культовые издания юбилейных семидесятых годов. «Красноармейцы, комсомольцы, комиссары воздушной обороны Петросовета приветствуют своего великого учителя и вождя в 50-й день рождения. Полвека Вашей жизни, отданной трудящимся, привели нас к победе над угнетателями и к торжеству Третьего Интернационала и навсегда указали нам путь истинного служения трудовому наро-

²¹ Горький А.М. В. И. Ленин. М., 1976. С. 76.

²² ЦГАИПД СПб, ф. 16, оп. 5, д. 5259, л. 89.

ду»²³. Однако из сводок о настроениях первых лет советской власти следует, что имена вождей, в том числе и Ленина, упоминаются в письмах и разговорах только в феврале-марте 1921 года в дни восстания в Кронштадте и Петрограде, вспыхнувшего на почве острого недовольства экономической практикой и политикой большевистского режима. Единодушные проклятия посылались тогда как в адрес коммунистов вообще, так и в адрес вождей: «Долой Ленина! Долой Троцкого!»²⁴.

Скромность Ленина против культа

Долгое время советская историография из всех факторов, препятствовавших популярности Ленина при его жизни, настоятельно подчеркивала только один – личное недовольство вождя восхвалениями. Об этом стали часто упоминать в литературе в 60–70 годы, когда скромность Ленина особенно подчеркивалась.

Так, после выстрела Каплан в Ленина 31 августа 1918 года, когда он лежал раненый, газеты были заполнены множеством статей о нем: «Вождь пролетариата», «О раненом», «Дорогому товарищу Ленину», «Удар в сердце», «Мировому вождю пролетариата» и т. д. В 1969 году были опубликованы воспоминания В. Д. Бонч-Бруевича, где он сообщал, что это вызвало недовольство Ленина: «Куда ни глянешь, везде пишут обо мне. Я считаю крайне вредным это совершенно немарксистское выпячивание личности... Это нехорошо – это совершенно недопустимо и ни к чему не нужно. А эти портреты? Смотрите, везде и всюду... Да от них деваться некуда! Зачем все это? Я понимаю, – продолжал он, – что это все товарищи делают от доброго чувства ко мне, но не надо этим злоупотреблять и отвлекать внимание масс к событиям, касающимся одной личности»²⁵. В 1973 году были опубликованы воспоминания М. С. Ольминского о том, как в 1920 году инициатива Истпарта по собиранию материалов для музея Ленина²⁶ встретила категорическое возражение самого вождя²⁷. Так же решительно возражал Ленин и

²³ Дорогой товарищ Ленин. Телеграммы и письма трудящихся Петрограда и Петроградской губернии Владимиру Ильичу Ленину. 1917–1924. Л., 1969. С. 91.

²⁴ ЦГАИПД СПб, ф. 16, оп. 5, д. 4319, л. 9.

²⁵ Бонч-Бруевич В. Д. Воспоминания о Ленине. М., 1969. С. 362.

²⁶ Об этом см. далее в главе, посвященной музеям Ленина.

²⁷ Лежасва О, Нелидов Н. М. С. Ольминский. Жизнь и деятельность. М., 1973. С. 203.

против празднования его 50-летия²⁸. Личная скромность вождя называется основным фактором, сдерживавшим проявления народной любви и популярности при жизни Ленина, в статье Е. Витенберга «Ленин против культа Ленина», посвященной этому вопросу²⁹. Это подразумевается и в других советских изданиях.

Однако, допуская, что Ленину, как человеку, претили восхваления, можно предположить, что они представлялись ему полезными для укрепления престижа власти, или, во всяком случае, неприятными, но необходимыми элементами политической игры. В марте 1919 года, в речи, посвященной памяти Я. М. Свердлова, он заявлял: «В эпоху резкой борьбы, осуществляя рабочую диктатуру, надо выдвигать принцип личного авторитета, морального авторитета отдельного человека, решениям которого все подчиняются без долгих обсуждений». К тому же, как и всякий политик, он не мог быть совершенно независим от своей роли главы правительства и был вынужден уделять внимание строительству своего образа. Позируя для фотопортретов, он играл роль, которую выбрал в написанной им самим драме. Его личное недовольство имело мало значения — приходилось подчиняться правилам игры. Система централизованной власти требовала главной фигуры и создавала ритуал независимо от воли самого героя.

В создании атмосферы почитания новых вождей и революционных героев свою роль сыграл план монументальной пропаганды, разработанный Лениным. Он сам не включил себя в список героев прошлого и революции, кому, по его мнению, необходимо было поставить памятники, но он считал необходимой такую форму пропаганды вождей и настаивал на ней. В 1918 году он объявил выговор наркому просвещения А. В. Луначарскому: «Бюста Маркса для улицы нет, для пропаганды надписями ничего не сделано... Требую присылки мне имен всех ответственных лиц для предания их суду. Позор саботажникам и ротозеям»³⁰.

²⁸ Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. М., 1977. Т. 8. С. 444.

²⁹ Наука и жизнь. 1989, № 4, С. 12.

³⁰ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 50. С. 182.

Агиография. Архив. Издание трудов

Все попытки написания биографии Ленина, начиная с самых первых изданий, предпринятых еще при его жизни, носили чисто пропагандистский характер. Статьи и речи, написанные по поводу покушения на вождя в 1918 году или празднования его 50-летия, не ставили своей целью систематического изложения жизненного пути человека. Названия говорят об их стиле: Митрофанов Л. «Вождь деревенской бедноты В. И. Ульянов-Ленин» (1918); Ходоровский И. «В. И. Ленин – великий вождь пролетарской революции. Речь, произнесенная в торжественном заседании Казанского Совета 22 апреля 1920 года в ознаменование 50-летия со дня рождения т. Ленина», Казань, 1920; Каменев Л. Б. «История партии коммунистов в России и В. И. Ленин», Москва, 1919; Зиновьев Г. «Ленин – вождь трудящихся», 1918. Инструментальная функция этих изданий определяла их жанр. Это был агитационный материал, средство политической борьбы. Первые издания о Ленине рисовали мифологический образ вождя. «Руками товарищей по партии – в книгах, а потом из уст в уста по всей республике творится миф о вожде партии тов. Ленине (В. И. Ульянове). Еще больше, даже государственные учреждения РСФСР принимают участие в этом творении мифа. Это Государственное издательство и ВЦИК...», – писал в 1922 году работник Петроградского Истпарта Г. Шидловский в журнале «Пролетарская революция».

В этих изданиях высказывались различные предположения о «социальном происхождении» Ленина. Тогда это был животрепещущий вопрос. Официальной пропагандой пролетариат был объявлен носителем абсолютной истины – то есть социализма, в то время как буржуазия и интеллигенция – паразитическими классами. Рабочие в «государстве рабочих и крестьян», а также выходцы из рабочей среды были в привилегированном положении, а представители старой интеллигенции, а тем более буржуазии, подвергались жестоким преследованиям. «Социальное происхождение» определяло судьбу человека. Дворянский титул, унаследованный В. И. Лениным от отца, никак не вписывался в «демократический» облик главы рабоче-крестьянского правительства и в кампанию травли представителей аристократии, проводившейся советской властью. Поэтому первые издания о жизни Ленина умалчивали или умышленно затемняли эту страничку биографии. Зиновьев шел на прямую фальсификацию, утверждая, что «отец тов. Лени-

на, родом крестьянин, работал на Волге директором народных училищ...»³¹. «Мужицкую подоплеку», «мужицкую сметку», «мужицкую деловитость» в натуре Ленина настойчиво подчеркивал и Троцкий в статье 1920 года «Национальное в Ленине». Противопоставляя стиль Маркса – богатый, прекрасный и изысканный, литературному и ораторскому стилю Ленина – простому, утилитарному и аскетичному, Троцкий был более озабочен классовыми категориями, нежели национальными. Как видно, в советской России интеллигенция не могла претендовать на репрезентацию нации. Средоточием национального считался мужик, и его идеализированные черты Троцкий хотел видеть не только в литературном стиле Ленина, но и во внешности и даже в костюме: «Маркс... в черном сюртуке... но Ленина даже мысленно не оденешь в черный сюртук»³². Как и Зиновьев, Троцкий, начав с интернационального и национального в Ленине, повернул к классовым характеристикам в образе Ленина, маркируя, таким образом, фарватер официального дискурса.

Тем не менее, вопрос «Так кто же был по происхождению отец тов. Ленина?» интересовал партийных агитаторов, отражая, возможно, любопытство публики. Шидловский в упомянутой статье в журнале «Пролетарская революция» повторял: «Еще при жизни самого тов. Ленина вокруг его биографии уже сплетается клубок мифа, сумбура головы трудящимся массам и сбивая с панталыку рядовых партийных массовиков-агитаторов»³³. В ответе, опубликованном в этом же номере журнала, сестра Ленина А. И. Ульянова-Елизарова сообщает, что по происхождению отец Ленина «интеллигент-разночинец». Затем все же признает, что он получил титул потомственного дворянина за выдающиеся заслуги в области народного образования. На последнем она делает упор, и подчеркивает скромный образ жизни и любовь к народу Ильи Николаевича³⁴. Несмотря на эти предосторожности, после смерти вождя люди судачили: «Ленин – сын буржуа, и за крестьян и рабочих он не шёл». За такие суждения грозили преследования ОГПУ. Сводка отмечает, что за говорившим был установлен надзор³⁵. Такая реак-

³¹ Зиновьев Г. Ленин – вождь всех трудящихся. 1918. С. 1.

³² Троцкий Л. Национальное в Ленине // Родина. 1989. № 7. С. 33.

³³ Шидловский Г. Ленин – мифическое лицо. // Пролетарская революция. 1922. № 3. С. 333.

³⁴ Там же. С. 334.

³⁵ ЦГАИПД СПб, ф. 16, оп. 5, д. 5336, л. 22.

ция публики подтверждает, что социальное происхождение вождя имело для нее большое значение. В 20-е годы миф еще только складывался, и возможны были отступления от канонического образа пролетарского вождя. Несколько раз с комментариями об отце выступала А. И. Ульянова-Елизарова. В тридцатые же годы, как мы увидим позже, любая попытка исторической реконструкции канонического «жития» строго пресекалась.

Процесс возвеличивания Ленина усиливается во время его болезни в 1922 – 1923 годах. В этот период, когда сам Ленин был уже не властен над своим образом, тот становится важным инструментом в борьбе за власть, обострившейся осенью 1923 года. Этим образом манипулировал и Сталин, с одной стороны, и Троцкий, с другой стороны, чтобы доказать свое законное право на наследование. Об этом прямо свидетельствует выступление Сталина на XIII конференции РКП(б) 19 января 1924 года. Критикуя выступление оппозиции по вопросу о внутрипартийной демократии, он сказал: «Оппозиция взяла себе за правило превозносить тов. Ленина гениальнейшим из гениальных людей. Боюсь, что похвала эта неискренняя, и тут тоже кроется стратегическая хитрость: хотят шумом о гениальности тов. Ленина прикрыть свой отход от Ленина и подчеркнуть одновременно слабость его учеников»³⁶. К ученикам Ленина Сталин, по-видимому, причислял себя. Отказывая противникам в праве использовать это средство политической борьбы, он сам его активно применял, особенно в более поздний период.

Уже в начале двадцатых годов начинают увековечивать места, где Ленин жил и работал. В Симбирске в 1923 году в доме, где прошло детство Володи Ульянова, был открыт историко-революционный музей. Частью музея стал отдел, рассказывающий о его детстве и юности. В Москве в августе 1923 года на Всероссийской сельскохозяйственной выставке был открыт «Уголок Ленина», где были представлены материалы о Ленине, собранные Истпартом. У входа на выставку была разбита огромная клумба, на ней из цветов был составлен портрет Ленина, рядом – статуя вождя. В ноябре 1923 года в Петрограде на Широкой улице, на доме, где Ленин жил весной-летом 1917 года, была прикреплена памятная доска, а улица была названа в честь Ленина. Один из первых мемориальных комплексов был создан осенью

³⁶ Сталин И. В. Сочинения. Т. 6. С. 34.

1923 года в бывшем особняке балерины Кшесинской, где в 1917 году размещался ЦК РСДРП(б), а потом до 1923 года – дом политического просвещения им. Троцкого. В комнате, где Ленин работал, была восстановлена обстановка: «Ковер, что был тогда, письменный стол, 7 стульев, на столе бумаги, импровизированная вешалка на раме окна, на ней пальто...» – сообщала «Красная газета»³⁷.

Еще при жизни В. И. Ленина начинается собирание его архива. 25 сентября 1920 года постановлением СНК была учреждена Комиссия при Государственном издательстве для собирания и изучения материалов по истории Октябрьской революции и истории Российской Коммунистической партии (Истпарт). Тогда же по постановлению IX съезда РКП(б) было начато издание первого собрания сочинений В. И. Ленина, в которое вошли опубликованные в свое время в различных изданиях работы.

Первоначально Истпарт не имел собственного архива. Его документальной базой был Центральный государственный архив Октябрьской революции. На начальном этапе историей партии занимались государственные организации, а фигура Ленина еще не рассматривалась отдельно от истории партии. Но постепенно начинается процесс концентрации партийных документов в партийных структурах и вычленение из них особняком ленинских материалов. В декабре 1921 года по постановлению ЦК РКП(б), Истпарт переходит в ведение ЦК партии на правах его отдела. В рамках Истпарта был образован его собственный архив.

Специальное учреждение по собиранию, изучению, хранению и изданию ленинских документов – Институт В. И. Ленина – было создано по предложению Московской партийной конференции 31 марта 1923 года, то есть сразу после того, как стало ясно, что Ленин из-за своей болезни надолго отошел от политической деятельности. С октября 1923 года Институт находился в ведении ЦК партии. Постановлением Политбюро от 29 ноября 1923 года Институт В. И. Ленина признавался единственным законным хранилищем всех документов Ленина. А по постановлению XIII съезда РКП(б), уже после смерти Ленина, партия претендовала на еще более широкий круг материалов: «Сосредоточить в Институте Ленина все, что относится к жизни и

³⁷ Красная газета. 1923. 7 ноября.

деятельности В. И. Ленина». Завершает этот процесс постановление ЦК РКП(б) от 4 апреля 1925 года, в соответствии с которым ни один документ Ленина не мог быть опубликован без разрешения этого Института³⁸. Таким образом, партия заявляла свое монопольное право на общественный образ Ленина, на его наследие и толкование его учения, которое в это время получает название «ленинизм».

Итак, в прижизненный период становления культа Ленина преобладали настойчивые усилия партийного руководства по популяризации вождя – распространение фотографий, граммофонных записей, киносъемка, предпринятая, например, после ранения, организованное празднование юбилея, с одной стороны, и слабые отклики широких масс на внедрение образа Ленина «сверху», с другой стороны. Протесты самого Ленина против шумихи вокруг его имени, если достоверны свидетельства мемуаристов, не предавались широкой огласке, так как не соответствовали официальной политике. Они были опубликованы только в 1960–1970 годах, когда, в противопоставлении культу Сталина, особенно подчеркивалась скромность вождя. Но все же нельзя не заметить и участия самого Ленина в строительстве своего имиджа народного трибуна и его усилий по созданию нового советского пантеона – настойчивому проведению плана монументальной пропаганды.

О росте авторитета Ленина можно говорить только после перехода к НЭПу и относительной стабилизации советской власти, то есть с 1922–23 годов. Всплеск народной любви к вождю, проявившейся в дни после смерти Ленина, был подготовлен этой стабилизацией и партийной пропагандой. Введение НЭПа вызвало некоторый поворот в отношении к Ленину, но материалы, свидетельствующие о глубоком проникновении этого образа в массовое сознание, отсутствуют.

Смерть Ленина произошла в условиях относительной, в сравнении с Гражданской войной, стабилизации режима, что объясняет в некоторой степени изменения в настроениях: постепенно с именем Ленина начинает связываться все положительное.

³⁸ Правда. 1925. 4 апреля.

Смерть Ленина в реакции властей и общественном восприятии

Внешняя, официальная канва событий, последовавших за смертью Ленина, хорошо известна и описана во множестве исторических работ, а также в пропагандистских и публицистических материалах. В этой главе автор попытается заглянуть за кулисы событий и формальных реакций.

Кончина Ленина 22 января 1924 года была финалом его тяжелой болезни длиной около года. Резкое ухудшение здоровья и паралич, который разбил председателя СНК 10 марта 1923 года, вызвали во властных структурах реакцию, которую можно назвать паникой. Документы, обнаруженные в архиве, свидетельствуют, что в марте 1923, а затем в январе 1924 года власти приняли меры, аналогичные введению полувоенного положения. Не только тон секретных постановлений Политбюро, но и сообщения о реакциях рядовых коммунистов позволяют ощутить атмосферу страха внутри «осиротевшей» коммунистической партии перед лицом народа. Руководство страны чувствовало шаткость своего положения, ожидало народных восстаний против советской власти и готовилось к их отражению. В начале марта 1923 года, в течение нескольких дней не публикуя сообщений об ухудшении здоровья Ленина, руководство мобилизовало все ресурсы по линии партии, ОГПУ и армии. 11 марта 1923 года Сталин как секретарь ЦК направил совершенно секретную зашифрованную телеграмму членам ЦК и секретарям областных, губернских комитетов ВКП(б), национальных ЦК, в которой извещал о наступившем серьезном ухудшении состояния Ленина. «С декабря прошлого года Ленин потерял трудоспособность... В тревожные для партии и революции дни ЦК твердо рассчитывает на величайшую выдержку и сплоченность всех руководящих органов и организаций партии. Более чем

когда-либо губкомы должны быть в курсе настроений массы, чтобы не допустить никакого замешательства»¹. Сталин настоятельно подчеркивал необходимость партийным органам следить за политическими настроениями людей. В тот же день заместитель Председателя ОГПУ И. С. Уншлихт и начальник Секретного Оперативного управления Менжинский направляют в структуры ОГПУ телеграмму, где не указывают истинную причину тревоги, а ссылаются на ухудшение международного положения и усиление активности контрреволюционных организаций. Они приказывали: «2. В корне пресекать всякие контрреволюционные выступления... 3. Усилить до максимума наблюдение в армии и флоте, в частности, [настроения] по отношению к комсоставу и техническим частям. 4. Установить строгое наблюдение за всеми средствами связи (радио, телеграф, телефон, ж.д.) 5. Усилить охрану огнебаз [складов оружия и боеприпасов], военных складов и важнейших государственных сооружений... 7. О всех важнейших событиях немедленно доносить ГПУ...»². Рабочая запись рукой Дзержинского «с перечнем мероприятий в связи с ухудшением здоровья и похоронами Ленина и возможностью активизации контрреволюции внутри страны» сделана также 11 марта 1923 года. Помимо информирования местных партийных, военных органов и органов ОГПУ намечались меры оборонительного характера: «...6. Наблюдение за армией, очень осторожное изъятие [контрреволюционного элемента]. 7. Чистка Кремля, курсов, усиление охраны Кремля. 8. В случае движения [т.е. открытого выступления] – коммунисты – на улицы, в массы... 14. Охрана членов Политбюро и Цюрупы, членов ЦК»³. Отдельно разрабатывались мобилизационные меры в армии. Предреввоенсовета Троцкий направил телеграмму военному руководству на местах: «Положение здоровья тов. Ленина критическое. Возможен роковой исход. Немедленно составьте секретную тройку для принятия всех необходимых мер для предотвращения

¹ РГАСПИ, ф. 76, оп. 3, д. 287, л. 6. В тексте обращает на себя внимание указание на отход Ленина от работы уже в декабре 1922 года, когда в действительности тот диктовал свои последние статьи и «Письмо к съезду». Сталин не мог заблуждаться, т. к. записи ленинских диктовок ему передавала секретарь Л. А. Фотиева. Об этом см. в главе «Если бы Ленин был жив...». Образ Ленина в конце 20-х – 30-е годы.

² РГАСПИ, ф. 76, оп. 3, д. 287, л. 7.

³ Там же, л. 1.

антисоветских выступлений и для поддержания революционного порядка и твердого духа в войсках...»⁴.

На следующий день 12 марта Сталин направляет за своей подписью зашифрованную телеграмму областным, губернским комитетам, национальным ЦК, а также членам ЦК и Дзержинскому: «Нынешнее состояние здоровья тов. Ленина влечет за собой, по усмотрению врачей, более или менее длительное неучастие в руководящей работе. Временный уход тов. Ленина может создать в стране осложнения, серьезность которых должна быть учтена партией со всей тщательностью. Возможно, что контрреволюционеры постараются использовать постигший партию удар, для того чтобы сеять панику и всякие провокационные слухи среди населения. Особо широкий характер могут принять таковые среди крестьянских масс. Могут быть пущены слухи о перемене политики партии в отношении крестьян и прочее. Возможно также, что авантюристы и бандиты вроде Савинкова поднимут голову и сделают попытку активного выступления на границах республики или внутри страны. Учитывая все это, Политбюро предлагает партийным организациям

1. Дать решительный отпор всем и всяким тенденциям в партии, способным ослабить сплоченность ее рядов, понизить ее боевую готовность.

2. Разъяснить всем членам партии, что тяжкое испытание, постигшее партию, требует от нее не уныния и отчаяния, а удвоения энергии и упорства в работе.

3. Держать теснейшую связь с широкими массами рабочих и крестьян, внимательно следить за их настроениями и активно противодействовать всякого рода ложным слухам, открыто разоблачая их, преследуя злостных сеятелей таких слухов гласно и быстро действующим судом. Проявить максимум выдержки и спокойствия»⁵.

Лишь 14 марта, после проведенных мобилизационных мероприятий, в газетах было опубликовано правительственное сообщение о состоянии здоровья Ленина и медицинские бюллетени, которые приуменьшали тяжесть его болезни.

⁴ Там же. л. 13.

⁵ Там же. л. 5.

Из документов явствует, что власти расценивали спонтанные противоправительственные выступления масс как очень вероятные, ожидали их со страхом и принимали все возможные меры — как военные, так и по линии партии и ОГПУ — для их предотвращения. Под эвфемизмом «ложные слухи» обычно подразумевались антисоветские разговоры, недовольство людей политикой властей. Призывы к сохранению спокойствия расшифровываются как обращение к коммунистам не поддаваться панике перед угрозой народного гнева. Правительство действительно чувствовало себя в Кремле, как в осажденной крепости посреди враждебного населения. Дважды в записке Дзержинского повторялся пункт «усиление охраны Кремля». Опыт «репетиции» тревоги в 1923 году и отсутствие контрреволюционных выступлений в стране обусловили реакцию верхов в момент свершившейся кончины вождя в январе 1924 года — она была более спокойной и продуманной.

Тем не менее, военных руководителей смерть Ленина повергла в состояние паники. Они опасались выступлений недовольных крестьян и «империалистического» нападения⁶. О панических настроениях в войсках откровенно рапортовал Лашевич в срочном политдонесении Политуправления Петроградского военного округа от 25 января 1924 года: «Известие о смерти тов. Ленина принеслось в 4 Кавалерийскую дивизию 22 января вечером. Действие эта печальная весть, явившаяся полной неожиданностью, произвела ошеломляющее. Паническое настроение мгновенно воцарилось как в войсковых частях, так и по всему району Петергофа. Политработники растерялись и, вместо широкого разъяснения красноармейцам о скорбном сообщении, делали тщетные попытки его конспирировать. А между тем эта печальная весть облетела все крестьянские массы. Лишь прибывший представитель ПУОКРА сумел внести бодрость и способность должного на событие реагирования... По непроверенным данным не меньшая паника в момент получения горестного сообщения была и в гражданских организациях [партии]». Такие реакции среди коммунистов действительно были распространены. О паническом настроении в коллективе РКП доносили, например, из Электротехнического института в Петрограде, о том же упоминают и другие источники⁷.

⁶ Mark von Hagen, *Soldiers in the Proletarian Dictatorship*. Cornell University Press, 1990. P. 291.

⁷ ЦГАИПД СПб, ф. 16, оп. 5, д. 5336, д. 16; ф. 16, оп. 9, д. 9765, л. 2.

Одним из первых откликнулось на смерть главы советского правительства ОГПУ. По уже отработанной схеме оно берет под свой контроль реакцию населения. 22 января Председатель ОГПУ Ф.Э. Дзержинский направляет всем подчиненным подразделениям шифрованную телеграмму. Он сообщает о смерти Ленина и требует: «[Первое] Наши органы должны первые смобилизоваться. Второе. Сохранить полное спокойствие и предотвратить панику, не давая ей поводов внешними проявлениями и необоснованными массовыми арестами. Третье. Выявлять настроение масс и улиц. Четвертое. Обратить главное внимание на поведение черносотенцев, монархистов, белогвардейцев. ...О всем важном держать нас в курсе. 22 января 1924 г. 14 часов»⁸.

Чекисты реагировали по-военному быстро. Уже в 17 часов 22 января они рапортовали о принятых мерах. Начальник оперативной части Московского городского отдела ОГПУ Михайлов доносил заместителю Председателя ОГПУ Г. Г. Ягоде об организации Оперативной тройки и непрерывного дежурства в Информационном отделении. «2. В 6 часов утра 22/1 отдано распоряжение всем Уездным Уполномоченным на предмет приведения местных информационных аппаратов в боевую готовность, установить непрерывное дежурство и связь с соответственными партийными работниками, взять под строгий контроль лиц, состоящих на учете, обязать уполномоченных информировать Оперативную тройку о настроении в уезде регулярно два раза в сутки – в 12 и в 24 часа.

3. В 11 часов были вызваны для инструктирования районные и чрезвычайные уполномоченные, коим дано задание...

б) Использовать через секретаря Райкома рядовых членов партии для наблюдения по улицам и площадям на предмет выявления подозрительных лиц и определения настроений.

в) Мобилизовать информаторов на предмет выявления настроений рабочих и в случае надобности вливать таковых в гущу массы.

г) Обязать районных уполномоченных обслужить все собрания, назначенные на 22 января, для чего в помощь им предоставить по 15 человек из центра...

⁸ РГАСПИ, ф. 16, оп. 1, д. 98, л. 1.

е) Никаких арестов без санкции секретарей Райкомов и опертройки не производить...

7) Сообщать сводкой через каждые 3 часа о настроении населения Пред[седателю] ОГПУ т. Дзержинскому...»⁹.

Первое, что обращает на себя внимание – тон документа. Правители чувствовали себя неуверенно, как захватчики на оккупированной территории. В кризисный момент они ощущают непрочность своего положения и пристально следят за настроениями отнюдь не для того, чтобы пойти навстречу публике, а чтобы нанести упреждающий удар в случае бунта. Массовые (профилактические?) аресты, по-видимому, понимались как естественная практика в опасный для власти момент, того же самого опасалась и публика. Поэтому в тексте содержится предупреждение о воздержании от таких «профилактических» мер без санкции партийных органов и ОГПУ, чтобы не озлоблять население без крайней необходимости и не давать конкретного повода к вспышке недовольства. Профессиональный или корпоративный язык этого документа затрудняет его понимание и требует комментариев. Под «информационными аппаратами» подразумевалась сеть осведомителей. Из текста следует, что ОГПУ распоряжалось рядовыми членами партии как собственными сотрудниками, призывая их доносить о «подозрительных» лицах и настроениях. Перед секретными информаторами ОГПУ ставилась задача не только фиксировать настроения, но и влиять на них – в этих целях они призваны были внедряться в «гущу массы». Можно предполагать, что в этом же заключалось и «обслуживание» чекистами траурных собраний. Вероятно, они не ограничивались пассивным наблюдением, но могли и активно участвовать в направлении реакции собравшихся.

Власти принимали «превентивные» меры, чтобы предотвратить выражение недовольства и попытки организации масс, которых так боялись. Взрыва народного возмущения смерть Ленина не спровоцировала. Несовпадение опасений верхов и фактической реакции населения еще раз подтверждает существование разрыва и отчуждения между «низами» и «верхами».

Власти не в силах были запретить людям выражать свои мнения, но они старались лишить их возможности собираться вместе. В качестве не-

⁹ РГАСПИ, ф. 16, оп. 1, д. 99, л. 1, 2.

обычной превентивной меры в конце января 1924 года в деревнях иногда запрещались посиделки или «беседы» – зимние вечеринки молодежи. «У нас в глуши только и слышно было, что Ленин умер. Трое суток было запрещено ходить на беседы...»¹⁰ – сообщалось в частном письме. В городе также принимались меры по предотвращению скопления публики.

Там самым естественным местом для циркулирования слухов были очереди. Стоять в очередях было скучно, и болтовня скрашивала пустоту времяпрепровождения. Женщины, которых в очередях было большинство, более склонны к эмоциональным всплескам и излияниям. К тому же толпа обеспечивала анонимность, а та, в свою очередь, провоцировала большую откровенность. В очереди были представлены разные слои населения, и поэтому часты были столкновения мнений и дискуссии. В очередях начиналась и Февральская революция. По-видимому, учитывая уроки истории, власти после смерти Ленина во избежание скопления народа в очередях и опасных разговоров в момент слабости верхов поступили остроумно – закрыли магазины и рынки. В Петрограде вся торговля замерла на пять дней. Официально обосновывалось это трауром. Частные торговцы просили власти разрешения открыть пекарни, но им было в этом отказано. В конце концов, рабочие начали высказывать недовольство: «Есть заявление с [фабрики] "Знамя труда", что рабочие остаются без хлеба, раз все закрыто и просят открыть хотя бы хлебные лавки»¹¹. Лишь под угрозой нарастания протеста 28 января местные власти разрешили торговлю съестными припасами. Вероятно, такая «чрезвычайная» форма траура, как отказ от еды, была инициативой властей на местном уровне, но едва ли можно объяснить ее иначе, чем страхом перед собственным народом, его мнением и единением.

Исследованные документы показывают, что реакция населения на смерть вождя не была пущена на «самотек». Уже в телеграмме ЦК с извещением о смерти, направленной ночью 22 января всем Губкомам, Обкомам, национальным ЦК предписывалось проведение траурных митингов и демонстраций. «В речах подчеркивайте верность заветам т. Ленина об укреплении союза рабочих и крестьян и необходимость наибольшего сплочения вокруг партии и советской власти». Центральный комитет комсомола пред-

¹⁰ ЦГАИПД СПб, ф. 16, оп. 5, д. 5911, л. 56.

¹¹ ЦГАИПД СПб, ф. 16, оп. 5, д. 5335, л. 38 – 39.

лагал местным комитетам «мобилизовать все силы для разьяснения происшедшего»¹².

Делегат II съезда Советов СССР М. В. Росляков вспоминал: «II съезд Советов, ЦК дал указание часть делегатов отправить из Москвы на места для проведения разьяснительной работы, предупреждения возможных вылазок враждебных сил и т. д. Главное – обеспечить правильную реакцию населения на смерть вождя, не допустить депрессию и растерянность»¹³. Нельзя приуменьшать возможности партийных органов, например, Петрогубкома, влиять на резолюции митингов трудящихся. Сообщения о смерти Ленина везде на собраниях делались «оторгами», ими же составлялись тексты резолюций. Парработники на местах, политработники в армии получали конкретные задания влиять на настроения и направлять их в нужное русло. «Политработники разьясняют красноармейцам сущность вопроса [о смерти Ленина. – О. В.] и рекомендуют посылку писем домой о том, что фактически управляет страной коммунистическая партия – ленинская семья, поэтому отчаиваться не следует». «Работа, со смертью Ленина, вокруг его имени принимает длительный пропагандистский характер»¹⁴. Как видим, оказывалось мощное идеологическое воздействие, поэтому невозможно четко определить, насколько стихийны были проявления народной скорби, о которых сообщали газеты, а насколько они были инспирированы пропагандой.

Документы о событиях января 1924 года свидетельствуют о направляющей работе партийных органов и политической полиции по проведению траурных мероприятий как в Москве, так и в провинции. Большевики подходили к организации толпы по-деловому. Достаточно вспомнить сценарии революционных праздников, мистерий на Дворцовой площади в первые послереволюционные годы. В 1921 году Луначарский инструктировал «культурных работников», как организовывать и стимулировать настроение демонстрантов во время революционных праздников. Обученные агенты внедрялись в толпу с тем, чтобы воодушевлять окружающих и создавать нужное настроение, подавая пример для подражания¹⁵.

¹² Известия ЦК КПСС. 1989. № 1. С. 219.

¹³ Фонды ГМ ПИР СПб, ф. 6, д. М. В. Рослякова, л. 13.

¹⁴ ЦГАИПД СПб, ф. 16, оп. 5, д. 5336, л. 9, 15.

¹⁵ Луначарский А. В. Организация массовых народных празднеств // Речи и беседы пропагандиста. 1921. № 16. С. 4 – 5.

Церемония похорон четко обозначала место культа вождя в складывающейся системе советских ценностей. В день похорон Ленина во всех крупных городах России прошли траурные демонстрации, в которых участвовали тысячи и тысячи граждан. Размах этих шествий подчеркивался официальной прессой и трактовался как выражение всенародной любви к Ленину и поддержки режима. Действительно, все сводки ОГПУ и партийных органов отмечали небывало активное участие населения Петрограда в траурной демонстрации, несмотря на сильный мороз. Например, на заводе имени К. Маркса вышли на улицы не только рабочие, но также служащие и администрация, которые обычно в манифестациях не участвовали. Демонстрировали даже те заводы и институты, которые из-за дальности расположения на обычные манифестации не выходили, — например, Охтинский пороховой завод и Политехнический институт. Информаторы отмечали присоединение к организованному шествию также обывателей и интеллигентов. Информаторы в этот день были особенно внимательны и бдительны. Они подробно сообщали о разговорах в рядах демонстрантов. Отмечали тех, кто отказался участвовать или ушел из рядов, называя это «дезертирством». А многие уходили по естественным причинам, не выдержав мороза, из-за убогой одежды и обуви. Многие понимали, что отказ от участия в демонстрации выглядел, как политический вызов и мог навлечь подозрения в нелояльности к властям. Н.Валентинов вспоминал: «Пошла туда и наша редакция "Торгово-промышленной газеты", получившая от комиссии по организации похорон возможность пройти к гробу без долгих часов стояния в очереди... Отправился и я вместе с другими моими сотрудниками. Не идти я и не смог бы. В глазах мне подчиненных людей и моего начальства в ВСНХ это было бы большой и немедленно всеми замеченной демонстрацией»¹⁶. Власти принимали меры по вовлечению как можно большего числа граждан в траурную демонстрацию. Советская власть создавала новую систему государственных ритуалов, которые нужно было наполнить смыслом. Ритуал демонстрации имел целью обозначить новое социальное отношение между властью в лице Ленина и народом, укрепить связующие узы, до тех пор непрочные, обозначить приемлемую форму для выражения эмоций, указать на образец, кото-

¹⁶ Валентинов Н. Указ. соч. С. 145.

рый полагался совершенным и позитивным, и которому предлагалось следовать и даже поклоняться.

Газеты и журналы, вся официальная пресса 1924 года рисовала картину всеобщего поклонения мертвому вождю. Памятником официальной кампании в прессе в связи со смертью вождя стало монументальное издание «У великой могилы», где были собраны траурные публикации газет, журналов, письма, стихотворения, фотографии. Материалы располагались в хронологической последовательности, по дням траурной недели. Позже фоліант разделил судьбу многих книг конца двадцатых годов – был заперт на десятилетия в спецхран, так как имена партийных лидеров, которые активно участвовали в политике в 1924 году, были в тридцатые годы вычеркнуты из истории и из библиографии. Культовое издание «У великой могилы», как зеркало прессы, отражало только одну сторону восприятия смерти Ленина широкой публикой – те мнения, которые соответствовали официальному сценарию. Сводки ОГПУ представляют другую сторону – неформальное впечатление от ухода вождя. Сопоставление тех и других источников позволяют составить более полную картину.

Смерть Ленина повлекла самые разнообразные оценки этой исторической фигуры: «Общего одного настроения всей массы рабочих по отношению к смерти товарища Ленина нет. Некоторые рабочие сожалеют о смерти Ильича, некоторые же умалчивают об этом». Сочувствие и скорбь были очень распространены, и официальные материалы газет находят подтверждение в секретных донесениях. Люди говорили: «Ленин был единственной светлой личностью среди правительства. Смерть его ускорили враги, а заболел он от огорчения, узнав о массовых расстрелах без его ведома». Здесь мы видим вариации на тему «добрый царь – злые бояре», характерную для представлений о вожде у многих народов и в разные времена. «Со смертью Ильича некому будет строго защищать рабочие интересы и помнить об их нуждах». «При жизни товарища Ленина все разногласия, раздоры, и пр. быстро ликвидировались, в период работы – его веским словом, в период болезни – имя т. Ленина всех умиротворяло»¹⁷. Сочувствие принимало традиционную форму – верующие молились за него, но о таких проявлениях

¹⁷ ЦГАИПД СПб, ф. 16, оп. 5, л. 5335, л. 23, 63, 55, 86.

сочувствия сводки упоминают как о «подозрительных». По-видимому, эта форма не считалась приемлемой. Иногда в донесениях с предприятий сообщалось, что скорбь объединила коммунистов и беспартийных и даже (!) «несколько изменила отношение беспартийной массы к коллективу [РКП(б)] в лучшую сторону»¹⁸.

Много сообщений о безразличном и спокойном отношении: «Найдутся еще лучше со свежей головой». «К смерти Ленина большинство относятся равнодушно и говорят, что умер он уже духовно год назад и жили без него, и, значит, опять жить будем». Многие предполагали, что он умер уже давно, но от народа это скрывали. Газетам не верили: «Как газеты ни врал, что ему лучше, и что на охоту ездит, а все-таки пришлось сознаться, что он умер»¹⁹.

Несмотря на слащавый и патетический стиль газет, как бы уравнивая официально канонизированный образ, в 1923–1924 годах по Москве ходили совершенно «богохульные» слухи, что у Ленина был паралич, явившийся следствием сифилиса²⁰. Эти кривотолки, также как и слух о просьбе Ленина дать ему яду, снова вспыхнули в связи с его смертью. Военная сводка сообщала: «М/м [младший матрос] Ковалев среди команды вел разговор, что "Ленин умер от сифилиса, который был в мозгу". Он был на курсах ВЦИКа и все знает»²¹. Хотя никаких других оснований эти слухи не имели, кроме распространенности этой болезни в России, но слухи были настолько вездесущи, что в ходе вскрытия тела покойного было проведено медицинское исследование. Заключение было подписано лечащими врачами: «Ввиду циркулировавших слухов в России и за границей о специфическом характере заболевания покойного В. И. Ульянова (Ленина) врачи, пользовавшие покойного, заявляют, что никаких указаний на lues (сифилис) нет ни в его анамнезе, ни в результатах исследования крови и черепно-мозговой жидкости, ни в данных произведенного вскрытия тела»²². Чтобы прекратить разго-

¹⁸ ЦГАИПД СПб, ф. 16, оп. 5, д. 5335, л. 51; д. 5908, л. 31.

¹⁹ Там же, л. 19, 67, 25, 59. Перед нами – реакция на опубликованное в газетах «Сообщение врачей, профессора Ферстера и других о болезни и кончине В. И. Ульянова-Ленина», где говорилось: «...С наступлением солнечных зимних дней Владимир Ильич нередко ездил в саях в лес в сопровождении охотников. Во время этих прогулок был оживлен и весел».

²⁰ Валентинов Н. Указ. соч. С. 88.

²¹ ЦГАИПД СПб, ф. 16, оп. 5, д. 5336, л. 37.

²² Болезнь и смерть В. И. Ленина. // Кентавр. 1992. Ноябрь-декабрь. С. 127.

воры о сифилисе, Н. А. Семашко официально заявил в «Известиях», что вскрытие подтвердило, что основой болезни был артериосклероз. «Этим констатированием протокол кладет конец всем предположениям (да и болтовне), которые делались при жизни Владимира Ильича – и у нас, и за границей – относительно характера заболевания»²³. Через несколько дней Зиновьев в своей речи в Ленинградском совете также подчеркнул: «Вы знаете, товарищи, гнуснейшие легенды, которые наши враги пытались пустить в ход, чтобы "объяснить" причину болезни Ильича. Лучшие представители науки не оставили камня на камне от этих сплетен, лучшие светила науки сказали: этот человек сгорел, он свой мозг, свою кровь отдал рабочему классу без остатка»²⁴. Руководство питерского комсомола в плане пропагандистской кампании памяти В. И. Ленина среди молодежи специально обращало внимание на необходимость «борьбы с различными кривотолками, с контрреволюционными слухами и выступлениями, широко разъясняя действительную сложность болезни Ильича и его скоропостижной смерти»²⁵. Однако, несмотря на официальные заверения, слухи о сифилисе продолжали циркулировать вплоть до 90-х годов. И об этом свидетельствовали вопросы экскурсантов в историко-революционных и ленинских музеях. Медицинские факты и коллективные представления существуют в разных измерениях. Тем не менее, неистребимая «богохульная» молва о «дурной» болезни отражала неосознанное стремление снизить официальный помпезный образ, добавить перца в слащавое блюдо коммунистической пропаганды, сократить иерархическую дистанцию. О неслучайности такого способа низвержения официального образа лидера свидетельствуют буквально повторяющиеся толки о сифилисе как причине смерти императора Петра I. И в отношении Петра медицинские опровержения в течение столетий также не убили молву, живущую по своим собственным законам. Одним из таких законов функционирования массового сознания, по-видимому, является тенденция к опрокидыванию иерархии, что подтверждает нецензурный политический фольклор – срамные частушки и анекдоты, сплетни о вождях и т.д. Живучесть вековых сплетен – другая закономерность этого жанра.

²³ Известия. 1924. 25 января.

²⁴ Ленинградская правда. 1924. 10 февраля.

²⁵ ЦГАИПД СПб, ф. К-601, оп. 1, д. 531, л. 10.

Среди упорно циркулировавших сплетен был сюжет о насильственной смерти Ленина. Утверждали, что его отравили, но власти это скрывают. Неоднократно в документах повторяется история, что «Ленин перед своею смертью пошел к Троцкому в гости и стал спорить с ним о партийной дискуссии. В пылу спора Троцкий двумя выстрелами из револьвера убил Ленина. Троцкий был арестован и расстрелян на месте»²⁶. Можно предположить, что слух родился из всеобщего недоверия властям, да и официальная информация газет не доходила до публики, традиционно люди полагались на устные источники новостей. Массовое сознание героизировало лидера, приписывая ему мученическую смерть. Обычная смерть в постели не соответствовала статусу вождя. С другой стороны, в этих пересудах ясно прочитывается традиционное для мифологического сознания стремление найти виноватого – самым близким и понятным объектом был Троцкий, против которого совсем недавно была проведена пропагандистская кампания. К тому же он был еврей. А евреи всегда объявлялись виновными в любых бедах.

Наверное, ожиданиям насильственной смерти отвечала формула, предложенная в те дни пропагандой – «Убийцы тов. Ленина – партия эсеров», «Позор убийцам товарища Ленина – партии эсеров!». Ненависть, разлитую в обществе, можно было направить в нужное властям русло, указать объект ненависти. Смерть Ленина осознанно пытались связать с покушением на него в 1918 году. В сводке о реакции на смерть Ленина в Окружном отделе ГПУ говорилось: «Смерть Ленина – следствие выстрела изменников рабочего класса... не должна остаться не отомщенной... Мы око за око, зуб за зуб должны ответить, и мы требуем не амнистии заключенным вдохновителям террористического акта над Владимиром Ильичем, а вечного заключения»²⁷.

Версия об убийстве Ленина сигнализирует о существовании в коллективных представлениях нарратива насильственной гибели по образцу святых мучеников. Возможно, возникновение этих предположений было отблеском пропагандистской кампании 1918 года, представлявшей раненого Ленина жертвой за народ. Кампания эксплуатировала старую русскую тра-

²⁶ В различных документах расхождений в количестве выстрелов нет, всегда точно указывалось на два выстрела (ЦГАИПД СПб, ф. 16, оп. 5, д. 5336, л. 16, 16 об, 23, 28).

²⁷ Там же. Л. 24, 23; ф. 16, оп. 9, д. 9765, л. 1.

дицию мученичества, воплощенную в образах популярных святых Бориса и Глеба, святого Игоря, Андрея Боголюбского, Михаила и других князей-страстотерпцев²⁸. По-видимому, чрезмерно подробное описание мозга Ленина в широко опубликованном посмертном медицинском заключении отражало осознанное стремление власти представить вождя, пожертвовавшим своей жизнью для блага народа. Это неоднократно было вербализировано в выступлениях соратников. Ассоциации с искупительной жертвой Христа – прямые. Таким образом, можно заключить, что власти апеллировали к существовавшим в массовом восприятии нарративам. Оригинальная форма нарратива – слухи об убийстве Ленина – не имевшая основания ни в реальности, ни в пропаганде, говорит об относительной самостоятельности процессов в массовом сознании.

Помимо сочувствия, амбивалентности, сводки также фиксируют огромный потенциал ненависти к вождю революции: «Туда ему и дорога», «Таких собак много», «Сколько народу погибло по его милости»²⁹, и так далее. И это несмотря на то, что в России о покойниках не принято говорить плохо. Публику занимал вопрос, куда попадет Ленин после смерти – в рай или в ад. Вариантом этих пересудов звучит анекдот: «Ленин после смерти отправился в рай, но его не пустили. Возвратясь на землю, Ленин обратился к Троцкому, и последний взялся провести его в рай, уложив в мешок. Троцкий спросил у сторожа, в раю ли Маркс, ему ответили, что да, в раю. На то Троцкий сказал, что он принес кое-какое барахло [в другой редакции – капитал] Маркса, и под этим предлогом Ленин был передан по назначению»³⁰.

Недовольство вызывала политика партии по созданию культа. Практически любое подобное мероприятие находило отражение в негативной реакции населения. Критиковали переименования: «Теперь всюду пойдет Ленинград, Ленинстрой... и т. д. В конце концов, сами запутаются»³¹. Недовольство публики официальными мерами по увековечению памяти Ленина расценивалось властью как контрреволюционные настроения. Отчасти это соответствовало истине, но часто в ворчании прорывалось раздражение на

²⁸ Cherniavsky M. *Tsar and People. Studies in Russian Myths*. Yale University Press, 1961. P. 9 – 17.

²⁹ ЦГАИПД СПб, ф. 16, оп. 5, д. 5335, л. 25, а также л. 64, 78, 76, 83.

³⁰ ЦГАИПД СПб, ф. 16, оп. 5, д. 5908, л. 33, также д. 5336, л. 48.

³¹ ЦГАИПД СПб, ф. 16, оп. 5, д. 5336, л. 36.

резкие перемены или соображения экономных хозяев, которым жалко было средств и усилий на памятники и украшение улиц посреди всеобщей нищеты, разрухи и голодного существования. Например, на отчетных собраниях 1927 года в Петрограде, посвященных 10-летию Октябрьской революции, часто звучала критика мер по увековечению вождей в названиях, в бронзе и в кумаче. Ткачи Прядильно-ниточной фабрики им. Степана Халтурина считали, что «вместо расходов на украшения к Октябрьским торжествам, следовало бы отдать деньги на бесплатные обеды». Рабочие задавали вопрос: «Чем объясняется большое количество памятников вновь построенных Ленину? Не думаете ли, что мы без памятников позабудем нашего дорогого учителя?»³². Беспокойство рачительных хозяев проявлялось в недовольстве бесчисленными памятниками. «Воззвание. Товарищи! Скоро Первое Мая. Праздник трудящихся (это праздник гуляк-коммунистов), которые окружили себя красивыми торжествами, запрудили все улицы дорогостоящими памятниками. На празднества и на никому не нужные памятники льются десятки миллионов рублей. Спрашивается, зачем все это? ...Они [коммунисты] не окружали бы себя сотнями праздников, не тратили денег на полотно, не строили ненужных памятников, а употребили бы деньги на поднятие культуры сельского хозяйства»³³.

В траурные дни 1924 года на предприятиях проводились сборы пожертвований на памятник. Многие вносили свои средства — кто от чистого сердца, кто по старой печальной традиции общинной помощи семье умершего, кто из боязни вызвать подозрения в «нелояльности» к власти. Многие, впрочем, отказывались от пожертвований. Распространена была агитация против сборов. Руководство питерского комсомола указывало, что «проводя сборы (денег) на увековечение памяти Ильича, учитывая взгляды самого Ленина и письмо Крупской о создании школ по ликвидации неграмотности, коллективы РКСМ должны выступать перед рабочими с предложениями о нецелесообразности использования средств на памятник». Обращение Крупской нашло широкую поддержку: «Красноармейцы решили твердо держаться призывов Крупской, ввиду чего уже отчислили двухдневный за-

³² ЦГА СПб, ф. 1000, оп. 11, л. 558, л. 73.

³³ ГАРФ, ф. 374, оп. 27, л. 2079, л. 45.

работок для детских домов»³⁴. Воспользовавшись моментом и кампанией в прессе, появились жулики, которые обходили в вечернее время квартиры, собирая деньги, якобы, на памятник или венок Ленину.

Публикой обсуждался и странный ритуал похорон. «В связи с устройством Мавзолея над могилой Ленина, делопроизводитель Антипов подшучивал, что Ленин будет лежать в гробу как "спящая красавица"»³⁵. Вообще, факт сохранения тела Ленина нашел множество откликов в фольклоре: в частушках, легендах, стихах, анекдотах, сказках. В середине 20-х годов по Москве ходило предание, что Ленин по ночам встает из гроба, выходит из Мавзолея и прогуливается по Кремлю. Этот сюжет нашел подробное воплощение в вятской сказке 1925 года.

«Вот сидит раз Ленин у себя в комнатке после обеда и разные книжки и газетки почитывает. Только в какую газету ни заглянет, какую книжку ни раскроет, все про себя чтение находит... Чудно стало Ленину... Вызвал он доктора и говорит:

— Можешь сделать так, чтобы я умер, но не совсем, а так для виду?

— Могу, Владимир Ильич, только зачем же это?

— А так, — говорит, — хочу испытать, как без меня дела пойдут. Чтой-то все на меня сваливают, во всяком деле мной загораживаются.

— Что ж, — отвечает доктор, — это можно. Положим тебя не в могилу, а в такую комнату просторную, а для прилику стеклом накроем, чтоб пальцем никто не тыкал, а то затычут.

— Только вот что, доктор, чтобы это было в пребольшом промежду нас секрете. Ты будешь знать, я, да еще Надежде Константиновне скажем.

И скоро объявили всему народу, что Ленин умер. Народ заохал, застонал, коммунисты тоже не выдержали — в слезы... Положили Ленина в амбаришко, марзолей называется, и стражу у дверей приставили...». Далее рассказывается о том, как Ленин просыпается по ночам и посещает Кремль, ходит на заводы, по деревням, беседует с людьми, проверяет, как идут дела. «В марзолей лег успокоенный... Теперь уже, наверно, скоро проснется. Вот

³⁴ ЦГАИПД СПб, ф. К-601, оп. 1, д. 531, л. 10. Содержание обращения Крупской в связи со смертью Ленина приводится в главе «Крупская и культ Ленина» (ф. 16, оп. 5, д. 5336, л. 44).

³⁵ ЦГАИПД СПб, ф. 16, оп. 5, д. 5336, л. 45.

радость-то будет»³⁶. В сюжете этой сказки воплотился базовый концепт, свойственный фольклору. В XIX веке бытовали крестьянские рассказы о «хождении Иисуса Христа по земле русской». Одним из вариантов этого нарратива были также легенды о тайно странствующем среди своего народа царе. Например, после неожиданной смерти Александра I в 1825 году бытовала легенда, что его узнавали в страннике-старце Иване Кузьмиче. Таким образом, мифологический Ленин, странствующий по городам и весям советской России, занимал место в ряду Иисуса Христа и царя.

Мотив воскрешения повторяется в узбекской песне.

Ленин ли умер? Нет. Умерло его тело.
А сам он не мог умереть. Пророки не умирают...
...Он не умер. Это видно из того, что его тело
До сих пор цело. А тело всякого другого
Давно бы стало прахом.
Он спит, и иногда он открывает глаза,
И они горят радостно,
Потому что он видит,
Что у него есть достойные заместители
В лице Рыкова и Калинина.
Он видит, что они не допустили смуты
И исполнили все его приказания.
Пусть спит спокойно. Он может быть уверенным,
Что ни одного его слова не переиначат³⁷.

Попытки истолкования массовым сознанием факта сохранения тела в сказках о воскрешении, легендах о привидении, в анекдотах и т. д. свидетельствуют о том, что этот ритуал казался странным, необычным, требовал

³⁶ Пяковский А. В. Ленин в русской народной сказке и восточной легенде. М., 1930. Подлинность фольклора, собранного Пяковским, подвергалась сомнению в статье М. К. Азадовского «Ленин в фольклоре», вошедшей в сборник «Памяти Ленина» 1934 года. Автор обвиняет Пяковского в фальсификации на основании того, что некоторые сюжеты (например, «навели на Ленина лучевую волну и с той поры занемог Ленин-батюшка») чужды фольклорной традиции. Азадовский указывал также, что формы неопределенного наклонения на «-ти» не свойственны живой крестьянской речи, это древнерусский говор.

³⁷ Там же.

объяснения и вызывал острое любопытство. Чаще всего сохранение тела связывалось с грядущим воскрешением.

В траурные дни в Петрограде было составлено 10 сводок о реакции населения на смерть Ленина. Они дополняются сводками из воинских частей, из райкомов и т. д. Комплексность, полнота и репрезентативное количество донесений ОГПУ и партии, изученных автором, позволяют выделить доминирующие сюжеты в подслушанных разговорах и произвести подсчеты. Когда публика обсуждала формы увековечения памяти умершего вождя, то в рассмотренных сводках 67 раз встречается требование похоронить Ленина в Петрограде, 35 раз сообщается о сборе пожертвований на венок или памятник, 31 раз звучит предложение переименовать город и 29 раз упоминается о стремлении вступить в партию, чтобы «восполнить потерю».

В траурные дни публику волновал вопрос о преемнике вождя. Высказывались различные предположения. Если их суммировать, то список предполагаемых наследников выглядел бы так:

	Москва	Петроград	Всего
Калинин	5	23	28
Каменев	15	13	28
Троцкий	11	16	27
Рыков	12	15	27
Зиновьев	4	12	16
Бухарин	—	10	10
Сталин	2	5	7
Дзержинский	—	3	3
Цюрупа	2	3	5
Чичерин	2	2	4
Преображенский	—	1	1
Пятаков	—	1	1
	53	104	157

Подсчеты основывались на московских и петроградских документах. Автору удалось просмотреть меньшее количество московских материалов

по сравнению с петроградскими. Если сравнить данные, то видно, что состав группы лидеров и группы отстающих примерно одинаков в том и другом городе. Можно заметить, что Каменев назывался кандидатом чаще в Москве, а Зиновьев — в Петрограде, поскольку они возглавляли городские Советы в соответствующих центрах.

В отношении к власти очень сильны были антисемитские настроения. Гадая о будущем Председателя СНК, в публике на все лады повторялись пожелания, что «необходимо назначить русского человека, так как такому больше доверия»³⁸. Многие лидеры вызвали возражения только из-за еврейской национальности. Калинин лидировал в значительной степени потому, что был русским: «Высказывается общее пожелание, чтобы на пост Председателя СНК вступил не Каменев, происходящий из евреев, а кто-нибудь из русских, лучше всего Калинин»³⁹.

В среде интеллигенции высказывали предположение, что Председателем СНК назначат «какую-либо безличную особу», чтобы легче было справиться с нею и «вертеть ею, как пешкой». Так многие оценивали и Калинина, и Рыкова, за спиной которых будет стоять Троцкий или, по другим высказываниям — Политбюро, в которое войдут Зиновьев, Каменев и другие⁴⁰.

Особое место в массовом сознании занимал Троцкий. Тот факт, что он уступал лидерство в списке Калинину, объяснялся еврейской национальностью и кампанией 1923 года, направленной против него: «Рабочие сожалели, что как раз перед этим Троцкий не выдержал, пойдя с оппозицией, а так бы, пожалуй, он был [Председателем СНК]»⁴¹. «Мог бы его заменить Троцкий, но он, как еврей, в такой еще отсталой стране, как Россия, с большинством крестьянского населения не будет пользоваться таким авторитетом, как Ленин»⁴². Часто он оценивался позитивно как продолжатель последовательной нэповской политики. Иногда его опасались как возможного «военного диктатора». Так же как и Ленин, в тот момент он находился в центре общественного внимания. Публика недоумевала, почему он отсутст-

³⁸ ЦГАИПД СПб, ф. 16, оп. 5, д. 5335, л. 53.

³⁹ Там же. Л. 65. Подробнее об этом см. в главе «Национальный символ».

⁴⁰ Там же. Л. 65, 56.

⁴¹ Там же. Л. 51.

⁴² РГАСПИ, ф. 16, оп. 1, д. 98, л. 9.

вовал на похоронах. Ходили слухи, что Троцкий арестован, выслан, вышел или исключен из партии, ранен, бежал за границу и т. д. Сообщениям газет о его болезни не верили и выказывали недовольство «неизвестностью его положения».

Несмотря на антисемитизм, иногда Троцкого признавали достойным ленинского наследства. «Белорусская сказка о Ленине» была опубликована в 1926 году. «...Тогда Ленин поехал в Кремль оглашать советскую власть, а Троцкий царю голову отсёк. Все бы хорошо, да большевики чуть дела не сгладили: заборонили торговлю и такой порядок хотели завести, кабы народ ел по билетам. У кого нет билета, помирай с голоду. Ленин доведася об этом и зараз приказал, кабы этого злочинства не было... Теперь большевики стали заветы Ленина проводить, но только не все. Потому что последний завет Ленин нигде не записал, а только на ухо сказал Троцкому. Коли Троцкий помирать будет, он этот завет выскажет, и тогда большевики весь мир завоюют»⁴³.

В разговорах рефреном повторялось: «Лучше бы умер Троцкий, чем Ленин»⁴⁴. Как ни парадоксально это звучит, это подтверждает, что в массовых представлениях единственным сопоставимым с Лениным по значимости вождем был именно Троцкий.

В этом сыграла свою роль пропаганда. Анализ агитационной иконографии подтверждает это. Хотя на плакатах и фарфоре начала 20-х годов появлялись изображения и других большевистских вождей, но «только визуальный статус Троцкого соперничал с ленинским», утверждает Боннелл. Она описывает плакат Дени начала 1920-х годов, где Троцкий изображен в образе Георгия Победоносца, поражающего «гидру контрреволюции», а также плакат Ю.Анненкова 1923 года с фигурой Троцкого со всеми военными регалиями и простертой рукой — жестом, уже тогда характерным для плакатных изображений Ленина⁴⁵. Некоторые исследователи говорят о культе Троцкого в 1923 году, когда его портреты помещались в официаль-

⁴³ Цит. по: *Петренко Н.* Ленин в Горках — болезнь и смерть. (Источниковедческие заметки) // *Минувшее. Исторический альманах*, Т. 2, Москва, Atheneum, 1990, С. 260. Петренко ссылается на газету «Звезда». Минск. 1926. 21 января.

⁴⁴ ЦГАИПД СПб, ф. 16, оп. 5, д. 5335, л. 25; д. 5336, л. 48.

⁴⁵ *Bonnell V. E.* Iconography of Power. Soviet Political Posters under Lenin and Stalin. Berkeley. 1997. P. 151.

ных учреждениях. Подогрела интерес к его фигуре и внутрипартийная дискуссия 1923 года.

Надо подчеркнуть, что вопрос о наследнике Ленина публика обсуждала совершенно отстранённо, даже обречённо. Например, предположение о Дзержинском звучит так: «Говорят, что Председателем СНК будет назначен Дзержинский, как человек почти без сердца, прошедший всю школу в ГПУ»⁴⁶. Это назначение совершенно не зависело от общественного мнения, и народ хорошо понимал невозможность своего влияния на решение вопроса.

Сводки сообщали о настроениях всех слоев общества. Согласно донесениям, критическое отношение к Ленину и Коммунистической партии было характерно для интеллигенции, студенчества, служащих. Свидетельства звучат убедительно, но все же нельзя не учитывать, что через личность доносителя сводки могли отражать распространённую тогда в обществе подозрительность и враждебность к людям умственного труда.

Отклики крестьянства на смерть Ленина были самыми разнообразными, но, обобщая, можно заключить, что все же преобладало негативное отношение к Ленину. В частных письмах, надо полагать, искренне люди писали: «Известие о смерти Ленина встретили не одинаково, некоторые с сожалением, а некоторые с радостью. Больно было, когда какой-нибудь несознательный бедняк говорил: «Это один сдох, хорошо, если бы все сдохли». Это говорил не один, а многие. В общем, крестьяне не сознали еще того, что для них сделал Владимир Ильич». «...Большинство народу радовалось, что Ленин умер...»⁴⁷ Распространение антисоветских настроений среди крестьянства в связи со смертью Ленина в некоторых губерниях Северо-запада обсуждалось на заседании Северо-западного бюро ЦК РКП(б) 20 февраля 1924 года. Было решено «усилить борьбу с таковыми органами ГПУ». Партийные сводки обобщали: «Кончина т. Ленина вызвала в крестьянской массе самое глубокое сочувствие. Крестьяне сожалеют о смерти Ленина, называя его справедливым человеком (Гдов). Во многих деревнях крестьянские поэты составляют стихи о постигшей утрате... В кулацких кругах кончина Ленина вызвала некоторые надежды на раскрепощение от «большевистского гнета»

⁴⁶ ЦГАИПД СПб, ф. 16, оп. 5, д. 5335, л. 75.

⁴⁷ ЦГАИПД СПб, ф. 16, оп. 5, д. 5911, л. 23, 56; д. 5259, л. 27, 40.

(Троцкий уезд), в этой среде идут разговоры, что умер “большевистский царь” (Гдов). В наиболее глухих волостях, где коммунистическое влияние совсем ничтожно, среди зажиточного элемента наблюдалось откровенное выражение чувств радости: «Слава Богу, одним меньше». «В связи со смертью т. Ленина наблюдается недоброжелательное отношение к партии и власти даже среди бедных слоев населения (Людейнопольский уезд)»⁴⁸.

Обобщая впечатление от документов, характеризующих реакцию публики на смерть Ленина, можно сделать вывод, что популярность Ленина была выше в тех слоях, чье мнение легче поддается манипуляции, или среди тех, кто с установлением советской власти получил новые возможности – в армии, среди членов партии, молодежи, отчасти среди рабочих. В январе-феврале 1924 года отчетливо проявилось восприятие Ленина как олицетворения большевистской партии. Обобщенное понятие «партия» персонифицировалось в имени вождя. Для массового сознания вообще характерно ориентироваться не на абстрактные программные установки той или иной партии, не на институты, а на личности. Это восприятие заметно в ожиданиях или опасениях смены власти и режима в связи со смертью Ленина⁴⁹. На укрепление связи имени Ленина с партией были направлены сознательные и целеустремленные усилия партийного руководства, что нашло выражение в ленинском призыве и в целом в раздувании культа. Так как партия внутренне скреплялась харизмой Ленина, его болезнь и уход из политики вызвали опасения ослабления партии и ее и без того непрочной социальной поддержки. Отсюда секретность вокруг болезни в 1923 году и заполнение образовавшейся пустоты в политической структуре искусственно гальванизированным образом. Образ искусственно стимулировался – создаются первые ленинские уголки, мемориальные доски. Сюда же относятся и первые переименования. Траурные мероприятия были максимально использованы партией, чтобы распространить персональную харизму Ленина на партию, на личности соратников, которые соревновались в доказательствах своей верности и любви. Причастность к харизме Ленина, близость к нему была средством легитимации для нового руководства.

⁴⁸ ЦГАИПД СПб, ф. 16, оп. 1, д. 531, л. 7.

⁴⁹ ЦГАИПД СПб, ф. 16, оп. 9, д. 9765, л. 6 об; ф. 16, оп. 5, д. 5335, л. 25.

«Мавзолеизация»

Центральное место в складывающейся системе советских ритуалов заняли Мавзолей и мумия Ленина, открытая для всеобщего обозрения. Позже вокруг этого центра концентрировались и складывались другие ритуалы: выступления правительства с трибуны на гробнице, демонстрации и парады перед ней, почетный караул, охраняющий вход, возложение венков иностранными гостями и цветов молодоженами, клятвы пионеров и почетные захоронения. Обстоятельства создания этого ритуала автор обозначает термином «мавзолеизация». Похороны Ленина были использованы властями для сплочения людей на новой политической базе, которую тот олицетворял. Когда вождь умер, конструкция ритуала вокруг его могилы, сооружение мавзолея — отражали стремление «обессмертить» фигуру лидера, продлить во времени функции, выполнявшиеся им, как-то: интеграция, социализация новых поколений, а также стремление наследников обеспечить преемственность власти.

Одной из функций всякого ритуала является социальная интеграция, создание чувства единства между индивидуумами, формирование и сохранение общности. Посредством ритуала общество направляет индивидуальные переживания в единое русло, одновременно и стимулирует, и трансформирует их. Например, проявление скорби не обязательно является спонтанной внутренней реакцией индивидуума. Люди далеко не всегда ощущают потерю лидера, как личную. Однако ритуал вызывает в них печаль, провоцирует скорбь, создает чувство единства. Таким образом, ритуал может контролировать поведение людей.

Исследуя феномен «мавзолеизации», можно поддаться соблазну, объяснить его каким-то одним мотивом, например, капризом, фантазией

Сталина, который навязал свою причуду Политбюро, или объяснить этот исторический факт «требованием трудящихся», что было распространенным пропагандистским штампом. Однако в каждом явлении коллективной жизни людей взаимодействуют, по крайней мере, несколько различных тенденций или факторов. Поэтому попробуем рассмотреть факт «мавзолеизации» в широком историческом контексте.

В любой системе ритуалов похороны занимают важное место. В русских традициях в течение многих веков устоялась церемония погребения на кладбищах или, например, царей и важных духовных лиц – в храмах. Обычно хоронили спустя трое суток после смерти, но для царствующих особ допускались отступления от обычая. Согласно Православному Богословскому словарю начала века, «лица русской императорской фамилии хоронятся по Высочайшему усмотрению иногда спустя несколько месяцев. Тела их обязательно бальзамируются»¹.

В устройстве склепа для установки гроба нет ничего необычного. Не только на Востоке, но и в Европе устраивали мавзолеи для выдающихся личностей, например, мавзолее Бисмарка в Германии. Бальзамирование также часто применяется как временная мера в виду особых обстоятельств, когда захоронение необходимо отсрочить.

В данном контексте особо нужно отметить распространенное религиозное представление, что сохранение тела усопшего нетленным было признаком святости. Вспомним потрясение Алеши Карамазова, когда он почувствовал запах тлена у гроба старца Зосимы, которого он считал святым². В 1903 году, в ходе церемонии канонизации Серафима Саровского, его останки были эксгумированы. Тот факт, что они оказались тленны, разочаровал присутствовавших. Это, впрочем, не помешало канонизации.

После смерти властителя его наследники испытывают потребность продемонстрировать неуничтожимость субстанции власти, прежде воплощавшейся в личности правителя³. В средневековой Европе существовал обычай создавать статую умершего короля со всеми регалиями власти, ко-

¹ Полный Православный Богословский энциклопедический словарь. СПб. Т. II. Ст. 1818.

² Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы. Собрание сочинений в 10 т. Т. 9. С. 411-414.

³ Kantorowicz E. H. The King's Two Bodies. A Study in Medieval Political Theology. Princeton University Press, 1970.

торую помещали на гроб, в то время как брненное тело было сокрыто в гробу. Такое изображение (effigy) символизировало нетленность власти во время междуцарствия.

Для данной темы важно подчеркнуть свойственный большевикам осознанный отказ от традиционных ритуалов и поиски новых ритуальных форм, в том числе и погребения. Советская власть, действуя в соответствии с принципом равенства всех граждан, отменяет в 1918 году «деление на ряды как мест погребения, так и похорон» и устанавливает для всех граждан одинаковые похороны⁴. Однако на героев и вождей революции эти законы не распространялись. В марте 1917 года жертвы Февральской революции были похоронены не на кладбищах, а на одной из центральных площадей Петрограда – Марсовом поле – в братской могиле. Захоронения продолжались там до 1933 года. Павшие во время Октябрьского восстания в Москве в 1917 году были погребены на Красной площади у Кремлевской стены. Там стали хоронить и политических лидеров. Одним из первых там похоронили Я. М. Свердлова в 1919 году. Постепенно складывался новый погребальный ритуал.

Одним из новшеств была кремация. На Западе кремация получает все большее распространение с конца XIX века. Индустриализация, рост городов, развитие научных представлений об общественной гигиене и санитарии диктовали необходимость поиска новых форм погребения. Кладбища в мегаполисах стали представлять угрозу для общественного здоровья из-за возможного отравления подземных вод. Таким образом, похоронный ритуал в рамках общемировых модернизационных процессов переживал период трансформации с элементами рационализации и секуляризации. В России этот способ погребения также обсуждался и вызывал интерес. Как и другие модернизационные процессы, изменение погребального ритуала здесь проходило болезненно и медленно. Законопроект о постройке крематория, внесенный в Государственную Думу накануне I Мировой войны, несмотря на оговорку, что сжиганию могли подвергаться лишь умершие, чье вероисповедание допускало подобный метод, не был принят из-за сопротивления

⁴ Судебное уложение. 1918. П. 90. С. 921.

Синода⁵. После революции идею кремации настоятельно популяризировали большевики. 26 января 1919 года Совет комиссаров Союза коммун Северной области издал декрет о кремации покойников. Троцкий выступил со статьей, где призывал лидеров большевиков быть примером в нововведении и завещать сжечь свои тела после смерти. В 1920 году в Петрограде действовал импровизированный крематорий в переоборудованном здании бани⁶. Как отмечает Н.Б.Лебина, внедрение новой погребальной практики большевиками проводилось не столько как рациональная санитарно-гигиеническая мера, но в рамках государственной антирелигиозной кампании, прежде всего как антирелигиозный вызов. И это обусловило недоверие публики к новому ритуалу кремации. Первый советский крематорий начал действовать в октябре 1927 года.

Когда в ноябре 1922 года в Египте при археологических раскопках было обнаружено нетронутым захоронение фараона Тутанхамона, внимание публики было привлечено к возможности сохранения человеческого тела на тысячелетия. Все эти обстоятельства оказывали в 1924 году влияние на умонастроения людей. Надо добавить, что в начале XX века русское общество было воодушевлено многообещающими научными открытиями. Казалось, что наука всемогуща и может творить чудеса. Например, Л.Б.Красин, вошедший в исполнительную комиссию по похоронам Ленина, в свое время заявлял: «Я убежден, что придет время, когда наука станет всемогущей, что она сможет воспроизвести умерший организм... И я убежден, что придет время, когда освобожденное человечество... будет способно воскрешать великие исторические фигуры...»⁷ Вера в науку звучит в письме рабочего с предложением балъзамировать тело Ленина: «Жаль. Наука, творящая — на страницах газет — чудеса, не смогла сохранить жизнь любимого вождя пролетариата»⁸.

⁵ Лебина Н. Б. Повседневная жизнь советского города: нормы и аномалии. 1920–1930 годы. СПб., 1999. С. 100.

⁶ Там же. С. 102.

⁷ Цит. по: Геллер М. Машина и винтики. История формирования советского человека. Лондон, 1985. С. 78.

⁸ ЦГАИПД СПб, ф. 16, оп. 1, д. 534, л. 93.

Все это надо принимать во внимание, обращаясь к событиям 1924 года — похоронам Ленина, которые неизбежно должны были стать важной политической акцией.

Существует одно свидетельство, что похороны Ленина обсуждались еще до его смерти в октябре 1923 года. Журналист, а затем работник ВСНХ И. Валентинов (Вольский), ссылаясь на Н. И. Бухарина, вспоминал в 1956 году, что тогда на совещании шести высших советских руководителей обсуждался вопрос о будущих похоронах. И вот тогда Сталин и Калинин высказали идею о бальзамировании. Валентинов, отличавшийся великолепной памятью, воспроизводит выступление Сталина: «Нужно действительно все обдумать заранее, чтобы не было никакой растерянности, незнания, что делать в часы великой скорби. Этот вопрос, как мне стало известно, очень волнует и некоторых наших товарищей в провинции. Они говорят, что Ленин русский человек и соответственно тому и должен быть похоронен. Они, например, категорически против кремации, сжигания тела Ленина. По их мнению, сожжение тела совершенно не согласуется с русским пониманием любви и преклонения перед усопшим. Оно может показаться даже оскорбительным для памяти его... Некоторые товарищи полагают, что современная наука имеет возможность с помощью бальзамирования надолго сохранить тело усопшего, во всяком случае, достаточно долгое время, чтобы позволить нашему сознанию привыкнуть к мысли, что Ленина среди нас все-таки нет»⁹. Уловив, куда клонит Сталин, некоторые присутствовавшие руководители начали решительно возражать. Троцкий подчеркнул, что бальзамировать останки Ленина — это значит под коммунистическим флагом воскресить практику Русской Православной Церкви поклонения мощам святых угодников. Далее он заявил, что неназванные товарищи из провинции с наукой марксизма не имеют абсолютно ничего общего¹⁰. Бухарин указывал, что превращение в бальзамированную мумию останков Ленина до такой степени оскорбительно для его памяти, до такой степени противоречит, не вяжется со всем его материалистическим, диалектическим мировоззрением,

⁹ Валентинов (Вольский) И. Новая экономическая политика и кризис партии после смерти Ленина. Годы работы в ВСНХ во время НЭП. Воспоминания. М., 1991. С. 147.

¹⁰ Там же. С. 148.

что об этом не может быть и речи»¹¹. Каменев выступал в том же духе. Он сказал, что существует предложение (его особенно поддерживает Зиновьев) переименовать Петроград в Ленинград. Такой акт, отмечающий грандиозное значение Ленина в истории Октябрьской революции, вместе с изданием в десятках миллионов экземпляров его сочинений, явится действительным почитанием памяти Ленина. Что касается сохранения тела Ленина, он, Каменев, видит в этом своеобразный и странный отголосок того «поповства», которое бичевал Ленин в своей философской книге¹².

Это единственное упоминание совещания, о котором Валентинов узнал в передаче некоторых посредников, требует критического, осторожного отношения. Представляется маловероятным, чтобы «товарищи из провинции» осмелились вносить предложения о похоронах в то время, когда Ленин был еще жив. К тому же сомнительно, чтобы в провинции были так хорошо осведомлены о состоянии его здоровья. Как мы увидим позже, «товарищи из провинции» действительно обращались в ЦК с таким предложением, но после смерти Ленина. Возможно, беседа о предстоящих похоронах имела место в октябре 1923 года, но также весьма вероятно, что в марте 1923 года, когда Ленина разбил паралич. Реакцию верхов 11–13 марта можно охарактеризовать как панику, угроза кончины вождя ощущалась как реальная, ее ожидали. (Подробнее см. главу «Смерть Ленина»). Можно сомневаться в дате упомянутого совещания, но принципиальные позиции участников выглядят весьма правдоподобно и подтверждаются другими источниками.

В. И. Ленин умер вечером 21 января 1924 года. На экстренном заседании Пленума ЦК РКП, состоявшемся в 2 часа ночи 22 января, была создана Комиссия по организации похорон в следующем составе: Ф. Э. Держинский (председатель), В. Д. Бонч-Бруевич, К. Е. Ворошилов, А. С. Енукидзе, В. М. Молотов, А. И. Муралов, М. М. Лашевич, Зеленский¹³. По воспомина-

¹¹ Там же.

¹² Там же. Каменев имел в виду книгу «Материализм и эмпириокритицизм».

¹³ РГАСПИ, ф. 16, оп. 2с, д. 45, л. 1. Впоследствии Комиссия пополнилась В. А. Аванесовым, Л. Б. Красиным, Т. В. Сапроновым. Для более быстрого разрешения вопросов 7 раз собиралась исполнительная тройка (Молотов, Енукидзе, Красин). Были созданы также несколько подкомиссий: агитационная, оперативная, по склепу и др. 28 марта 1924 года Президиум ЦИК СССР переименовал Комиссию ЦИК по организации похорон в Комиссию по увековечению памяти Ленина. Комиссия была ликвидирована 19 мая 1926 года, и ее функции были переданы Институту В. И. Ленина.

ниям, среди вопросов, обсуждавшихся в ЦК в ту ночь, были: «...о вскрытии тела Владимира Ильича, о бальзамировании его, сооружении мавзолея...»¹⁴. Первое бальзамирование тела Ленина было произведено обычным способом в первую же ночь после смерти, 22 января по заданию правительства патологоанатомом А. И. Абрикосовым, как тот вспоминал, «с целью предохранения его от всяких внешних изменений на несколько дней до предания его земле»¹⁵.

На первых двух заседаниях Комиссии, состоявшихся 22 января, обсуждались обычные вопросы: заказать цинковый гроб, могилу вырыть перед могилой Я. Свердлова на Красной площади, доступ к телу для прощания¹⁶.

В тот же день, по-видимому, состоялось совещание высшего партийного руководства по вопросу о ритуале похорон. Вероятно, оно носило неформальный характер, так как протокола в архиве не выявлено. При обсуждении, последовавшем за этим, члены Комиссии по похоронам ссылаются то на постановление Политбюро, то на постановление ЦК¹⁷. Возможно, тогда и произошла упомянутая Валентиновым дискуссия. Отражением разногласий в Политбюро стало обсуждение вопроса 23 января на заседании Комиссии, стенограмма которого сохранилась. Основным обсуждавшимся вопросом — ставить ли гроб в склеп закрытым или же открытым, и в этом случае принимать меры к сохранению тела Ленина на возможно долгий срок. Эта проблема рассматривалась с двух сторон: с физической — возможно ли сохранение тела без изменений, и с политической. «Что касается того, чтобы оставлять гроб открытым, это вопрос очень большой. Политбюро этот вопрос не решало, был разговор только о склепе»¹⁸, — говорил Бонч-Бруевич. Одним из аргументов сторонников открытого гроба был тот, что «выгодно, когда будут приезжать массы и поклоняться праху Ильича»¹⁹. Возражая им, Ворошилов говорил, что «нельзя нам прибегать к канонизированию... Крестьяне это поймут по-своему — они, мол, наших богов разрушали, посылали

¹⁴ Чуцаев С. Е. Незабываемое // Тихоокеанская звезда. 1928. 21 января; цит. по: Петренко Н. Ленин в Горках... С.265.

¹⁵ Известия. 1940. 21 января.

¹⁶ РГАСПИ, ф. 16, оп. 1, д. 17, л. 1; ф. 16, оп. 1, д. 18, л. 2.

¹⁷ РГАСПИ, ф. 16, оп. 2с, д. 49, л. 3, л. 37.

¹⁸ Там же, л. 3.

¹⁹ Там же, л. 2.

работников ЦК, чтобы разбивать мощи, а свои мощи создали. Кроме политического вреда от этого ничего не получится. Я оставляю за собой право заявить Политбюро свое мнение»²⁰. Этические соображения, что сам Ленин протестовал бы против этого, были отодвинуты Дзержинским, как несущественные. Он говорил: «Если наука может действительно сохранить его тело на долгие годы, то почему бы это не сделать. Царей бальзамировали просто потому, что они цари. Мы это сделаем потому, что это был великий человек, подобного которому нет»²¹. В результате горячей дискуссии было решено обратиться в Политбюро с запросом «делать ли склеп открытый или закрытый»²². Политбюро был представлен проект устройства склепа в 2 вариантах – на закрытый гроб и на открытый. Решено было довести до сведения Политбюро стенограмму обмена мнениями членов Комиссии²³.

На заседании Политбюро 24 января был заслушан доклад Дзержинского, по которому было принято постановление «...в связи с предложениями, вносимыми Комиссией»²⁴. Подробного текста этого постановления в архиве не выявлено, но, по косвенным данным, там, вероятно, шла речь о возможности оставления тела Ленина в открытом гробу для прощания в течение месяца. Этот срок указывался в решении Политбюро от 24 января: «Поручить гг. Зиновьеву и Бухарину переговорить с Надеждой Константиновной, не согласится ли она настаивать на принятии ее предложения с тем, чтобы по истечении месяца вопрос будет опять обсужден»²⁵. В стенограмме вечернего заседания Комиссии ЦИК по похоронам от 24 января зафиксированы слова Молотова: «У нас есть постановление Центрального Комитета, что будет склеп и что там будет стоять гроб в течение по крайней мере месяца. А очень вероятно, что он будет стоять и больше времени»²⁶. Этот же срок указывал и секретарь ЦК Дальневосточной республики Н.А.Кубяк в телеграмме в Читту: «Ильич будет доступен для прощания около месяца в склепе»²⁷.

²⁰ Там же.

²¹ Там же, л. 4.

²² Там же.

²³ РГАСПИ, ф. 16, оп. 2с, д. 48, л. 12.

²⁴ РГАСПИ, ф. 17, оп. 3, д. 412, л. 1.

²⁵ Там же.

²⁶ РГАСПИ, ф. 16, оп. 2с, д. 49, л. 37.

²⁷ Известия ЦК КПСС. 1989. № 1. С. 221.

Итак, в этом вопросе появилась некоторая определенность, и об этом необходимо было оповестить население, чтобы делегации с мест не торопились с выездом, так как возникло много трудностей с приемом и размещением приезжающих. На вечернем заседании Комиссии 24 января Молотов предлагает внести в Политбюро предложение об уведомлении населения и подчеркивает, что «оформить» это нужно от имени Президиума Съезда Советов. «Сделать это от имени Комиссии нельзя, от имени ЦК РКП тоже нельзя»²⁸. По-видимому, это казалось не демократичным. 25 января Политбюро поручило текст постановления выработать т. Каменеву и опубликовать от имени Президиума ЦИК СССР²⁹.

Апелляция к голосу народа была предметом забот Политбюро. Оно предписало Комиссии «при опубликовании перенесения похорон с субботы на воскресенье указать, что это было сделано ввиду настоятельных просьб об этом различных рабочих организаций провинции, что было вызвано желанием проститься с В. И.»³⁰. Это было обычным демагогическим приемом, так как в действительности причиной переноса была неготовность склепа.

Текст постановления о склепе был напечатан в «Правде» 26 января неброско, в уголке: «Идя навстречу желанию, заявленному многочисленными делегациями и обращениями в ЦИК Союза ССР, и в целях предоставления всем желающим, которые не успеют прибыть в Москву ко дню похорон, возможности проститься с любимым вождем, Президиум постановляет: 1. Гроб с телом Владимира Ильича Ленина сохранить в склепе, сделав последний доступным для посещения; 2. Склеп соорудить у Кремлевской стены на Красной площади среди братских могил Октябрьской революции»³¹.

Итак, что же следует из рассмотренных документов в комплексе с материалами прессы и воспоминаниями? Предложение о сооружении склепа исходило от Политбюро, и оно своей неясной формулировкой дало основания для дискуссии в Комиссии ЦИК 23 января о судьбе тела усопшего. В партийном руководстве существовали следующие мнения: 1. Попытаться сохранить тело Ленина на возможно долгий срок и поместить его в склепе

²⁸ РГАСПИ, ф. 16, оп. 2с, д. 49, л. 37.

²⁹ РГАСПИ, ф. 16, оп. 2с, д. 47, л. 2.

³⁰ РГАСПИ, ф. 16, оп. 1, д. 24, л. 15.

³¹ Правда. 1924. 26 января. С. 4.

для обозрения; 2. Обычное захоронение в склепе (в закрытом гробу); 3. Кремация. Документы показывают, что последовательным проводником первого плана был Ф. Э. Дзержинский, этой позиции придерживался Муралов. Валентинов считает, что вдохновителем идеи был Сталин, которого в Политбюро поддерживал Калинин. На начальном этапе обсуждения это, пожалуй, было и все. Против такого плана категорически возражали члены Комиссии ЦИК – Ворошилов, Аванесов, Бонч-Бруевич, члены ЦК – Троцкий, Бухарин, Каменев, а также Н. К. Крупская и родные Ленина. Как видим, группа противников «мавзолеизации» была весьма сильная. В ходе обсуждения, правда, мнения иногда менялись. Позиция Ворошилова в корне изменилась к 5 марта, когда он с той же категоричностью, с какой выступал против канонизации мощей, сетует, что «псевдоученые» не могут придумать способа сохранения тела на сотни лет³². Вряд ли очень решительно возражал и Каменев, которому 25 января было поручено выработать постановление о склепе. Троцкий отсутствовал, находясь в Сухуми на лечении. Противнику «мавзолеизации» Бухарину (вместе с Зиновьевым) было поручено уговорить Н. К. Крупскую отказаться от ее предложения, возможно, связанного с захоронением Ленина.

В ходе дискуссии многие были согласны на компромисс: временное оставление в склепе для прощания, чтобы затем предать тело земле (или кремировать). Отголоском этой дискуссии в верхах звучит мнение народного комиссара здравоохранения Н. А. Семашко, высказанное в петроградской «Красной газете» 26 января: «По вопросу о погребении тела Владимира Ильича Н. А. Семашко считает необходимым его сожжение. Он считает возможным сохранение тела в бальзамированном состоянии до постройки спецкрематория, в котором можно будет сжечь тело»³³.

Позиция вдовы Ленина имела особое значение в данном вопросе. Ведь обычно родственникам принадлежит решающее слово. Правда, коммунистическая система ценностей ставила общественные интересы выше личных. Советская историография обходит ее позицию молчанием, что дало основания для предположений и слухов о ее возражениях против «мавзолеизации». Протокол № 64 заседания Политбюро от 24 января, на котором

³² Известия. 1993. 9 ноября.

³³ Красная газета. 1924. 26 января.

обсуждались похороны и меры по увековечению памяти Ленина, свидетельствует, что тогда Н. К. Крупская внесла некое предложение, которое не было принято³⁴. Она настаивала на нем. Уговорить ее поручили Бухарину и Зиновьеву, с которыми ее связывали дружеские отношения. Ей обещали обсудить вопрос еще раз месяц спустя. Есть все основания полагать, что ее предложение касалось захоронения Ленина.

В воскресенье 27 января состоялась траурная многочасовая церемония. Гроб с телом Ленина был торжественно перенесен в деревянный склеп на Красной площади и установлен там. В крышку гроба было вставлено стекло, чтобы можно было видеть тело.

28 января Крупская пишет в частном письме: «Схоронили мы Владимира Ильича вчера... Сейчас гроб еще не заделали, и можно будет поглядеть на Ильича еще. Лицо у него спокойное, спокойное»³⁵. Слово «еще» свидетельствует об ее отношении к открытому гробу, как к временной мере. День спустя она сочла необходимым высказать свою принципиальную позицию в открытом письме в «Правду»: «Не давайте своей печали по Ильичу уходить во внешнее почитание его личности. Не устраивайте ему памятников, дворцов его имени, пышных торжеств в его память и т. д., всему этому он придавал при жизни так мало значения, так тяготился всем этим»³⁶.

О протестах семьи вспоминал В. Д. Бонч-Бруевич, близкий к Ленину человек, член Комиссии по похоронам. Его воспоминания были опубликованы только в 1965 году: «Временный Мавзолей, как он был задуман ранее, превращался в постоянный, так как в эти дни было решено бальзамировать тело Владимира Ильича [повторно. — О. В.]. Идея эта быстро охватила всех, всеми была одобрена, и лишь я один, подумав, как бы сам Владимир Ильич отнесся к этому, высказался отрицательно, будучи совершенно убежден, что он был бы против такого обращения с собой и с кем бы то ни было: он всегда высказывался за обыкновенное захоронение или за сожжение, нередко говоря, что необходимо и у нас построить крематорий. Надежда Константиновна, с которой я интимно беседовал по этому вопросу, была против мумификации Владимира Ильича. Так же высказывались и его сестры Анна

³⁴ РГАСПИ, ф. 17, оп. 3, д. 412, л. 1. Текст постановления смотри ранее.

³⁵ Дридзе В. Н. К. Крупская. М., 1959. С. 62

³⁶ Правда. 1924. 30 января.

Ильинична и Мария Ильинична. То же говорил и его брат Дмитрий Ильич. Но идея сохранения облика Владимира Ильича столь захватила всех, что была признана крайне необходимой, нужной для миллионов пролетариата, и всем стало казаться, что всякие личные соображения, всякие сомнения нужно оставить и присоединиться к общему желанию. Ну что же! – подумалось мне, Такова его счастливая и великая судьба! Пускай и после смерти, как и при жизни, послужит он пролетарскому делу, делу рабочего класса»³⁷. О протестах семьи писала и А.М.Ларина, жена Бухарина, ссылаясь на мужа, в своих воспоминаниях, опубликованных в 1988 году³⁸.

Какие соображения, мотивы перевесили протесты родных и многих соратников Ленина? В официальном отчете Комиссии ЦИК по похоронам, опубликованном в 1925 году, говорится о том, что пожелание сохранить тело Ленина навечно было заявлено в письмах и телеграммах трудящихся, полученных Комиссией. Долгие годы эти пожелания оставались только декларированными в помпезных изданиях, посвященных истории Мавзолея, которых, если судить по «листу использования» в архиве, не видели авторы этих изданий.

Первая телеграмма от волостного комитета РКП Оренбургской губернии с просьбой «не зарывать труп Ленина в землю... а оставить забальзамированным» была получена в Москве в 18 часов 23 января. К этому моменту, как мы это видели, уже было принято постановление Политбюро о сооружении склепа, и в Комиссии ЦИК прошла дискуссия о сохранении тела. Всего комиссией было получено 9 писем и телеграмм, с предложениями сохранить тело Ленина или «оставить его поверх земли на Красной площади – как неиссякаемый источник вдохновения идей ленинизма»³⁹. Одно из них было опубликовано 25 января в газете «Рабочая Москва» (№ 29/584). Однако, другие, хотя и адресовались в газеты, не были напечатаны, а переданы в Комиссию. Например, рабочий Окуловских писчебумажных мастерских под Новгородом Владимир Павлов писал в ЦК и в «Московскую правду»: «Нет товарища Ильича – эта тяжелая весть громовым внезапным ударом отразилась в наших сердцах... По моему мнению, будущие поколения должны

³⁷ Бонч-Бруевич В. Д. Воспоминания о Ленине. М., 1965. С. 435.

³⁸ Ларина А.М. Незабываемое // Знамя. 1988. № 12. С. 96.

³⁹ РГАСПИ, ф. 16, оп. 1, д. 100, л. 4, 7.

увидеть величайшего человеческого гения своими глазами. Будущим научным деятелям необходимо будет изучать строение черепа великого человека, а поэтому предлагаю труп Ильича не предавать земле, а забальмизировать [Так в тексте. — О. В.] по способу египетских мумий и поместить в центральный музей. Этим самым рабочие будущих веков всегда будут иметь возможность своими собственными глазами увидеть труп (забальмизированный) великого человека.

Р.С. [Так в тексте. — О. В.] Если найдете возможным, то предложите комиссии по погребению Ильича обсудить этот вопрос»⁴⁰.

В архиве хранится также и записка Дзержинскому с неразборчивой подписью: «Фел. Эдм. Я сейчас подслушал разговор 3-горцев [имеются в виду рабочие московской фабрики «Трехгорная мануфактура»]: «Обязательно хоронить в склепе! Рабочие у нас говорят: ударишься в оппозицию, пойдешь к склепу Ленина и сразу станешь на верный путь»⁴¹.

Итак, документы подтверждают ссылки апокрифических изданий, что предложения сохранить тело Ленина поступали снизу — от рабочих. Но их было совсем немного. Они — лишь незначительная часть потока других предложений по захоронению и увековечению памяти Ленина, поступавших от партийных организаций, с фабрик, из воинских частей: переименовать месяц октябрь или январь в «Ленин», переименовать Россию, Москву, Петроград, ввести в стране новое летосчисление, построить новый город и т.д. Одно из предложений звучало так: «Я предлагаю благостный прах Ильича испепелить и драгоценный пепел собрать в урну. Крематория нет. Мы сделаем это на вагранке... В урну бережно собрать его, дорогого нашего, останки. Урне придать форму снаряда (гранаты). Этот снаряд с этим испытанным динамитом поставить в ЦК РКП(б)»⁴². Таким образом, экстравагантных предложений было более чем достаточно, среди них пожелания сохранения тела Ленина на десятилетия были лишь одними из многих и очень немногочисленными по сравнению, например, с массовыми требованиями питерцев похоронить Ленина в Петрограде. Партийные лидеры, принимая одни пред-

⁴⁰ ЦГАИПД СПб, ф. 16, оп. 1, д. 534, л. 93.

⁴¹ РГАСПИ, ф. 16, оп. 1, д. 100, л. 1.

⁴² РГАСПИ, ф. 16, оп. 1, д. 100, л. 2.

ложения и не замечая другие, руководствовались собственными политическими интересами.

В феврале вокруг мавзолея постепенно складывался своеобразный ритуал. Склеп был некоторое время открыт для посещения. Правда, он часто закрывался из-за продолжения отделочных работ. Доступ к Ильичу организовывался как мера поощрения для передовиков или особая привилегия для женщин 8 Марта. Преображалась Красная площадь – убрали трамвайные пути и столбы для проводов, вокруг мавзолея возвели небольшое ограждение, был установлен пост охраны. Однако, как указывалось в Отчете Комиссии ЦИК, «первоначальное бальзамирование не имело в виду столь продолжительного срока» и, когда ослабли морозы, на теле появились признаки разложения. Об этом предупредил Комиссию академик А. И. Абрикосов. Вопрос встал ребром и именно в марте 1924 года был решен окончательно.

Биохимик Б. И. Збарский, привлеченный среди других специалистов к решению проблемы, вспоминал: «По указанию т. Сталина Комиссией по увековечению памяти В. И. Ленина устроено было совещание с выдающимися учеными нашей страны»⁴³. Б. И. Збарский в своей книге «Мавзолей Ленина», трижды изданной Политиздатом в 1944, 1945 и 1946 годах, неоднократно подчеркивал: «Мы знали, что совещание с учеными для окончательного решения этого вопроса созвано по указанию т. Сталина». Вполне возможно, что Сталин сыграл особую роль в истории мавзолеизации. Правда, исследователь С. М. Гаряев⁴⁴ считает, что Збарский был вынужден писать о руководстве Сталина всем делом увековечения памяти Ленина, потому что без хвалы «гениальному Сталину» книгу просто не опубликовали бы в 1946 году. Тем не менее, когда в 1952 году Збарского арестовали, одним из обвинений было недостаточное отражение в книге роли Сталина⁴⁵.

На совещании в Кремле Сталин сообщил, что партия и правительство решили удовлетворить просьбу народа о сохранении тела Владимира Ильича, и Комиссия просит ученых высказаться о возможности этого. Большинство ученых такой возможности не видели. Взялся за эту работу харьков-

⁴³ Збарский Б. И. Мавзолей Ленина. М., 1946. С. 38.

⁴⁴ Гаряев С. М. Из истории Мавзолея Ленина // Знание. № 3. 1990. С. 19.

⁴⁵ Збарский И. Б. «Жизнь» мумии и судьба человека. Из воспоминаний хранителя тела Ленина // Отечественная история. 1993. № 5. С. 163.

ский анатом профессор В. П. Воробьев, вызванный Комиссией. 5 марта Комиссия специально собралась, чтобы обсудить различные способы сохранения тела⁴⁶. Предложение Воробьева погрузить тело в консервирующую жидкость было вынесено на заседание Политбюро на следующий день. Однако оно не было одобрено Политбюро, так как не соответствовало главной идее сохранения тела – вдохновлять посетителей мавзолея неизменным обликом вождя. 6 и 13 марта Политбюро предложило Комиссии принять меры к замораживанию тела⁴⁷. Были закуплены холодильные установки и начался их монтаж. Но три дня спустя Политбюро отменяет свое прежнее решение и принимает предложенный профессором Воробьевым третий способ сохранения тела⁴⁸. Он заключался в бальзамировании путем «канализирования» всего тела Владимира Ильича, и таким образом получалась возможность дать доступ [консервирующей] жидкости к самым отдаленным и глубоко лежащим частям [тела]⁴⁹. 17 марта Политбюро утвердило профессора В. П. Воробьева руководителем работ. 25 марта газеты сообщали: «Идя навстречу желаниям широких масс Союза ССР и других стран видеть облик покойного вождя, Комиссия по похоронам В. И. Ульянова (Ленина) решила принять меры, имеющиеся в распоряжении современной науки, для возможно длительного сохранения тела...»⁵⁰ 26 марта тело Ленина было отправлено в Харьков⁵¹, где группа Воробьева, в том числе и Збарский, приступила к бальзамированию, которое продолжалось 4 месяца.

26 июля 1924 года Комиссия заслушала отчет профессора Воробьева о результатах работы, и эксперты признали, что примененный метод «дает право на продолжительное, в течение нескольких десятилетий, сохранение тела Владимира Ильича, позволяющее обозревание его в закрытом стеклянном гробе»⁵².

«Ленин и из гроба продолжает служить делу социальной революции» — этот мотив повторялся в газетах тех дней как бы объясняя, что во имя

⁴⁶ РГАСПИ, ф. 16, оп. 2с, д. 48, л. 48.

⁴⁷ РГАСПИ, ф. 17, оп. 3, д. 424, л. 4.

⁴⁸ РГАСПИ, ф. 17, оп. 3, д. 426, л. 4.

⁴⁹ РГАСПИ, ф. 16, оп. 2с, д. 48, л. 63.

⁵⁰ Известия. 1924. 25 марта.

⁵¹ Почему тело Ленина не предали земле // Известия. 1993. 9 ноября.

⁵² РГАСПИ, ф. 16, оп. 2с, д. 48, л. 77.

высшей цели — создания новых коммунистических идеалов допустимо пренебречь тонкими этическими соображениями, протестами родных и близких, принципиальной позицией покойного.

Сразу же после смерти Ленина было принято и решение о сооружении мавзолея над его могилой. Оно было утверждено решением II съезда Советов от 25 января. Задание правительства о создании проекта склепа архитектор А.В.Щусев получил 23 января⁵³. Первый склеп был построен в течение нескольких дней к похоронам 27 января. Когда же в марте было принято окончательное решение о длительном сохранении тела, начинается сооружение второго деревянного мавзолея, так же как и склеп по проекту А. В. Щусева⁵⁴. Его пирамидальный силуэт символизировал идею вечности. На боковых уступах были размещены правительственные трибуны, но они пока располагались не над самим гробом, а по бокам усыпальницы, как бы оставляя вход к Ленину открытым для выражения верноподданныческих чувств демонстрантов, проходивших перед Мавзолеем в дни революционных праздников. Когда стал очевиден успех уникального эксперимента с мумификацией тела, в 1929-1930 годах был сооружен третий, уже каменный Мавзолей. Он должен был быть символом бессмертия ленинских идей, местом захоронения и одновременно трибуной. Идея придать гробнице функции трибуны, с которой будут произноситься речи, принадлежала члену Комиссии по похоронам Л. Б. Красину⁵⁵. Таким образом, выступающие в буквальном смысле «опирались» на авторитет Ленина. Первоначально каменный Мавзолей, так же как и предыдущие, имел две боковые трибуны. Они были размещены сравнительно низко и были недостаточно вместительны. В 1944 году была произведена реконструкция Мавзолея. В результате правительственная трибуна заняла центральное место со словом «Ленин» на ее парапете, непосредственно над саркофагом. Это изменило объемные соотношения между нижней и верхней частью Мавзолея. Он стал более массивным и приземистым. Символ «Ленин» и власть, выступающая с трибуны, сливались,

⁵³ РГАСПИ, ф. 16, оп. 2с, д. 49, л. 6.

⁵⁴ Первое время слово «мавзолей» печаталось с маленькой буквы, но уже с весны 1924 года стало все чаще и чаще писаться с заглавной, тем самым, превратившись в имя собственное и обозначив неповторимый и особый смысл, придаваемый явлению.

⁵⁵ Красин Л. Архитектурное увековечение Ленина // Известия. 1924. 3 февраля.

таким образом, в одно нераздельное целое. В превращении гробницы в трибуну отчетливо проявился пропагандистский смысл ленинского культа в поддержании власти.

Факт мавзолеизации на протяжении семидесяти лет будоражил общественное мнение, вызывал острое любопытство, что проявлялось в бесконечных анекдотах⁵⁶. Наследники добились своего – Ленин продолжал существовать в сознании советских граждан, возбуждая те или иные чувства. Правда, совсем не всегда он играл ту роль, которая соответствовала официальному сценарию. На протяжении многих лет в обществе ходили «свято-татственные» слухи, что мумия давно хранится в холодильнике, а в стеклянном саркофаге выставлена восковая фигура. Американский исследователь Л. Фишер в своей книге «Жизнь Ленина» пишет, что когда в 30-е годы в западной прессе появились такие предположения, группе иностранных журналистов, в том числе и ему, была предоставлена возможность убедиться в подлинности мумии. «...Профессор Б. И. Збарский... открыл герметично запечатанную стеклянную витрину, содержащую мощи, ущипнул Ленина за нос и повернул его голову направо и налево. Это был не воск. Это был Ленин»⁵⁷.

Подозревая власть в обмане, публика не была далека от истины. Во время знаменитого парада войск на Красной площади 7 ноября 1941 года, когда полки прямо с площади направлялись на фронт, проходя перед Мавзолеем, воины давали клятву отстоять Москву. Красноармейцы не подозревали, что свою клятву они давали перед пустой усыпальницей. В обстановке строжайшей секретности в июле 1941 года тело Ленина «как бесценная реликвия Коммунистической партии, всего советского народа» было эвакуировано из Москвы в Тюмень⁵⁸. Однако все годы войны на «посту № 1» у входа в Мавзолей оставались стоять солдаты специальной роты, создавая видимость того, что святыня на месте.

Публика не только проходила с благоговейным трепетом мимо саркофага, но и покушалась на эту реликвию. Во все годы существования ее

⁵⁶ Например, анекдот двадцатых годов: «Доктор выходит из Мавзолея. Говорит устало: «Будет жить вечно».

⁵⁷ Фишер Л. Жизнь Ленина. Лондон, 1970. С. 972. (Русское издание «Жизнь Ленина» в 2 тт. Москва, 1997. Т. 2. С. 490).

⁵⁸ Горяев С.М. Из истории Мавзолея Ленина. // Знание. 1990. № 3.

пытались взрывать, стреляли в нее, бросали молотки, бутылки с зажигательной смесью и т. д. В 1934 году крестьянин Никитин стрелял в саркофаг и затем застрелился. Сама твердость, величина, устойчивая форма Мавзолея вызывала у одних ощущение постоянства и незыблемости общественного порядка, у других – отрицание установленных иерархий и стремление к разрушению обозначенных дистанций.

Ритуал мавзолеизации был создан сверху в обстановке полемики и разногласий, но устоялся, и процесс приятия его общественным сознанием шел параллельно с принятием новых советских ценностей.

Ленинский призыв как политика и как стихийный процесс

Как в газетах 1924 года, так и в официальной советской историографии бесспорным доказательством любви народа к Ленину стало стихийное, как утверждалось, стремление рабочих вступить в РКП(б) и тем самым «восполнить утрату», которую понесла Коммунистическая партия со смертью своего основателя. Во время проведения этой кампании она называлась «вербовкой рабочих в партию», но в советской историографии слова «вербовка» и «кампания» предпочитали не употреблять, так как они означают организованные мероприятия, в то время как стихийность процесса особенно подчеркивалась. Для определения этого процесса в историографии употреблялся более мягкий термин «призыв», который после смерти вождя стал называться «Ленинским». Массовое вступление рабочих в партию представлялась официальной пропагандой как одно из мероприятий, увековечивавших имя и память вождя. Кроме того, вступление рабочих в партию, своим размахом удивившее даже организаторов этой акции, интерпретировалось властями, а позднее и в историографии, как показатель поддержки массами режима и, следовательно, как знак его стабилизации.

В советской литературе указывалось, что вступление рабочих в партию начинается стихийно после смерти Ленина и заканчивается к 13 съезду РКП(б), то есть в мае 1924 года. Обычно не упоминалось, что решение о вербовке новых членов в партию «от станка» было принято несколько раньше – на 13-й партийной конференции, проходившей 16–18 января 1924 года, хотя материалы конференции были доступны. Конференция обосновывала необходимость этой меры для повышения боеспособности партии перед лицом «нэповских» влияний и опасности «мелкобуржуазного» укло-

на. Возможно, эта вербовка была спланирована Сталиным в обстановке ожесточенной борьбы за власть для того, чтобы изменить состав партии. Он пытался таким образом создать опору своей власти в лице привлеченных новых членов, так как не мог надеяться на поддержку со стороны партии, сформированной в период доминирования Ленина, Троцкого, Каменева и Зиновьева. Пленум ЦК РКП(б) 29–30 января 1924 года подтвердил решение конференции.

В результате ленинского призыва численность партии, сократившаяся перед тем в результате чистки, выросла на 50%. В начале 1924 года она насчитывала 446 тысяч членов, а в августе, когда подводились итоги «призыва» – 666 тысяч членов. Удельный вес рабочих в партии вырос с 44% до 60%.

Отношение людей к Коммунистической партии составляло предмет постоянного интереса властей. И такую информацию, строго секретную, партийные органы, а также ОГПУ/НКВД собирали и представляли руководству. В сводках о настроениях населения часто присутствовал отдельный пункт – отношение к РКП(б). Это отношение заслуживает рассмотрения в контексте вопроса «Почему люди вступали в Коммунистическую партию в 1924 году?»

Вполне понятно, что в годы гражданской войны большевики вызывали весьма разнородные чувства – как сочувствие, так и ненависть. Даже в тех слоях населения, в которых они рассчитывали получить единодушную поддержку, например, среди рабочих, они очень часто встречали протест. Свидетельства тому – архивные документы. Например, весной 1921 года голодающий красноармеец писал из Петрограда на родину: «На этой неделе погонят нас на усмирение [восставших рабочих. – *О. В.*]. Еще приглашают меня записываться в коммунисты, им дают 30 фунтов хлеба, 2 раза суп и каша, но я не соглашаюсь, лучше быть голодному, чем коммунистом»¹. Насколько резко было настроено общественное мнение к коммунистам, что даже голод был не так страшен для молодого парня, как обструкция. Частные письма периода Гражданской войны, изымавшиеся военной цензурой, рисуют картину произвола коммунистов на местах, пьянства, открытого

¹ Сводка военная по Петроградской губернии с 1 по 15 марта 1921 года (ЦГАИПД СПб, ф. 16, оп. 5, д. 4319, л. 9).

грабежа и ответной ненависти: «Настроение в народе против советской власти. И как не быть против, когда наши коммунисты распоряжаются в тылу, как сами хотят. Придут к тебе в дом и отберут все ценные вещи и уходят, а на фронт идти не хотят...»². Это народное недовольство вылилось в восстания 1921 года, в том числе Кронштадтский мятеж, проходивший под лозунгом «Советы без коммунистов!».

С введением НЭПа отношение постепенно начинает меняться, но и в 1924 году общественное мнение очень часто было настроено против коммунистов. В марте 1924 года, в самый разгар ленинской вербовки, рабочий, не поставивший своей подписи в письме Г. Е. Зиновьеву – председателю Петроградского Совета, писал о причинах непопулярности партии: «Важнейшей причиной в неуспехе РКП(б) по завоеванию симпатии трудовых масс является... неискреннее, мошенническое отношение большинства видных членов РКП(б) к беспартийным массам... На выборах... коммунисты открыто допускают всевозможные подтасовки, так что все выборы бывают не демократическими, проходят под диктаторством коммунистов... Это вошло в психологию большинства членов партии, вероятно, оправдывающих свои нечестные поступки, как мне уже приходилось слышать от некоторых из них, что "цель оправдывает средства"...»³. С. В. Яров отмечал обвинения коммунистам со стороны рабочих в кастовости, получении привилегий, сотрудничестве с ЧК и т. д.⁴

Документы отразили некое особое отношение к членам партии со стороны беспартийных. Например, во многих донесениях ГПУ о смерти Ленина заметно разделение массы рабочих на отдельные страты – членов партии и беспартийных. О реакции каждой из них сообщалось отдельно, подчеркивалось, когда «даже» беспартийные относились к кончине Ленина с соболезнованием. Видимо, подразумевалось, что для партийных сочувствие – естественно или необходимо «по статусу», а для беспартийных это – необычно. Например, на заводе имени Макса Гельца «настроение рабочих подавленное, к членам РКП относятся сочувственно, рабочие задают вопросы

² Тверская губерния, Поречье, 20 июня 1919 года (Неизвестная Россия. XX век. Письма. Архивы. Мемуары. 2. М., 1992. С. 229).

³ ЦГАИПД СПб, ф. 16, оп. 1, д. 533, л. 64.

⁴ Яров С.В. Политическое сознание рабочих Петрограда в 1917–1923 годах. Автореферат докторской диссертации. СПб., 1999. С. 17.

коммунарам [имеются в виду члены партии. — *О. В.*], почему сегодня работают заводы»⁵. Это несколько напоминало отношение к родственникам покойного...

По каким же мотивам вступали в партию в 1924 году? Психологически стремление присоединиться к сильной организации вполне объяснимо. Маленький человек приобщается к ее силе и славе, чувствует собственную значимость. Для молодежи открываются возможности новой активности, приложения своих сил. Запас веры в социалистическое переустройство мира еще не был исчерпан в середине 20-х годов.

На многих траурных митингах по случаю смерти Ленина рабочие подавали заявления о приеме в партию. В этот момент, бесспорно, присутствовал стихийный порыв, эмоциональный импульс, чувство скорби и солидарности с партией, провозгласившей своей целью построение лучшего общества. «Мы не случайно идем в ряды РКП(б), — писали в газету рабочие фабрики Гознак, — десятки из нас из года в год рука об руку работали вместе с коммунистами, и сейчас идем в партию не для того, чтобы получить какие-нибудь привилегии, а с целью заменить ту утрату, которую понесла великая пролетарская партия»⁶. Публичные заявления, их формулировки, составленные из идеологических клише, далеко не всегда позволяют выявить весь спектр побудительных мотивов. Тем не менее, они тогда воспринимались партийными органами буквально, как показатель поворота настроений в благоприятном для партии направлении. Например, информатор из Электротехнического института в Петрограде отмечал, что смерть Ленина «несколько изменила отношение беспартийной массы к коллективу [РКП(б)] в лучшую сторону»⁷. Желаемое охотно принималось за действительное.

Однако стихийность имеет и обратную сторону: в партию шли не только по убеждению, а поддавшись настроению, из конформизма. Это отмечали тогда же или чуть позже оторги, возглавлявшие партийные организации на заводах и в учреждениях: «Многие записывались, чтобы не отстать от других». «Определенно можно сказать, что многие записались под возникшим настроением от смерти Ленина. На них как на действительных чле-

⁵ Фонды ГМ ПИР, ф. 2, № 42870.

⁶ Красная газета. 1924. 2 февраля.

⁷ ЦГАИПД СПб, ф. 16, оп. 5, д. 5335, л. 52.

нов в будущем на многих надеяться нельзя»⁸. Неустойчивость настроения нового партийного пополнения подтвердила практика. Информатор сообщал о рабочих Северо-западной железной дороги: «Некоторые кандидаты Ленинского призыва обращались в местные ячейки РКП с просьбой о возврате заявлений о вступлении в РКП, причем свой поступок они мотивировали столкновениями с родственниками на религиозной почве»⁹. В протоколе Донецкого горкома за май 1925 года говорилось: «За последнее время наблюдаются случаи усиленного выхода из партии главным образом рабочих первого ленинского набора. По Сталинскому, Луганскому, Артемовскому округам за апрель-май добровольно выбыло 138 товарища, преобладающими причинами назывались обремененность партобязанностями, религиозные и семейные соображения»¹⁰.

Не всегда имел место только стихийный порыв масс, но и тщательно спланированная, организованная акция, часто воспринимавшаяся рабочими как принудительный набор¹¹. Вот как описывал некоторое время спустя эту кампанию в Новгороде М. В. Росляков: «Поручая Укомам организовать посылку своих представителей на фабрики и заводы для вербовки из числа производственных рабочих новых членов партии, Губком предлагал: «Желательно, чтобы сами беспартийные на своих собраниях производили бы выдвижение тех из них, кто вполне достоин быть членом партии тов. Ленина... Был заслушан доклад "Ленин и РКП(б)". Потом секретарь парторганизации предложил приступить к выдвижению и обсуждению кандидатур. В зале серьезная, сосредоточенная напряженность, сознание ответственности, важности обсуждаемого вопроса. Раздаются голоса с предложением отдельных фамилий. Секретарь ведет запись. Приступаем к обсуждению. Одних хором почти всего зала одобряют — да, его надо, он дельный человек, он в партии будет полезен. Председатель спрашивает товарища, фамилия которого выдвинута, сам-то он согласен, желает быть в партии. Одни отвечают

⁸ ЦГАИПД СПб, ф. 16, оп. 5, д. 5343, л. 8; д. 5335, л. 7, 32.

⁹ ЦГАИПД СПб, ф. 16, оп. 5, д. 5909, л. 69 об.

¹⁰ РГАСПИ, ф. 17, оп. 84, д. 912, с. 69.

¹¹ ЦГАИПД СПб, ф. 16, оп. 5, д. 5259, л. 17; д. 5908, л. 32, 38. «Среди рабочих создалось впечатление, что их уволят со службы, если они не вступят в РКП»; «Среди рабочих распространяются слухи, что прием в РКП проводится насильственным путем, вопреки желанию рабочих».

твердо – да, другие мнутя, стесняются, да я малограмотный, не справлюсь, и семья большая и т. д. Им с места делают поправки, подбадривают, а некоторых решительно отводят – пусть он расскажет, как лупил свою женку тогда-то. Поступают и такие заявления – пусть расскажет, как у него с религией – ведь он иконы имеет в комнате. Несколько отводов по части потребления вина, а то и самогона. Большинство же выдвинутых дружно, порой под аплодисменты зачисляются в списки»¹². Как видим, обстановка далека от стихийного порыва.

По-видимому, кампанией вербовки в партию объясняется довольно оживленное обсуждение в частной корреспонденции вопроса о вступлении в партию или комсомол на протяжении всего 1924 и в начале 1925 года. Люди откровенно взвешивали преимущества и теневые стороны членства в партии, размышляли, советовались с родными. В переписке упоминаются различные внутренние мотивы присоединения или отказа от вступления в партию – как моральные, так и материальные «соображения». Формально предполагалось, что к Коммунистической партии присоединяются по убеждению, сознательно выбирая активное участие в социалистическом строительстве, стремясь к нравственному самосовершенствованию, поступаясь личными интересами ради общественного блага. И эти мотивы, несомненно, присутствовали у многих коммунистов. В письме на родину весной 1925 года красноармеец писал: «...Я осознал ту партию, за что она борется и вступил для того, чтобы бороться вместе и защищать одни интересы трудящихся рабочих и крестьян. Я всегда готов для защиты рабочих и крестьян ...душить, бить ту ненавистную буржуазию... Мы теперь учимся заветам нашего дорогого вождя Ленина, мы будем учиться и будем отдавать свои знания, труд туда, где в них сильно нуждаются, и где они дадут пользу трудовому народу. Вот для чего я вступил в партию и вам советую вступить». Письмо производит впечатление искреннего, но все же не будем забывать, что красноармейцы знали о перлюстрации и даже иногда получали инструкции, что писать в письмах домой. Моральные соображения воспринимались достаточно серьезно, и часто они же служили основанием для от-

¹² Фонды ГМ ПИР, ф. 6, д. М. В. Рослякова, л. 20. На высокую степень достоверности мемуаров Рослякова указывал О.Хлевнюк, имевший возможность сопоставлять их с документами.

каза от вступления в партию или комсомол: «Приехав домой, я увидел, что кто состоит в партии — таки жулик, набивает себе карман рабоче-крестьянской кровью... У меня было влечение к партии, но думаю, что на меня беспартийные массы тоже будут смотреть как на разбойника и всякая охота пропадает»¹³. Как видим, кому-то представления о чести и добром имени не позволяли стать коммунистом, образ которого в окружении писавшего был, по-видимому, скомпрометирован. Мотив о свободе личности также присутствовал в размышлениях людей о вступлении в партию. Тайные агенты доносили об агитации самих же рабочих против вступления: «Смысл агитации сводился к тому, что партия якобы убивает самостоятельность и делает человека послушной машиной». Иногда приходилось оправдываться перед окружающими: «...Меня все ругают, что я записалась [в партию. — О.В.], сидела бы лучше дома. Я совсем не из-за места записалась, а работать на благо народа»¹⁴.

И все-таки частная переписка создает впечатление, что практические, «материальные» соображения преобладали среди доводов корреспондентов. Действительно, с приходом большевиков к власти принадлежность к Коммунистической партии обеспечивала формальные и не формальные привилегии, которые часто привлекали сильнее, чем моральные соображения и значили больше, чем мнение окружающих. В жестокой борьбе за выживание, за кусок хлеба и место под солнцем вступление в партию давало значительные преимущества. При благоприятном стечении обстоятельств партийный билет открывал путь наверх — к «ответственной» работе, к власти, к пайкам. А льготы при распределении продуктов и одежды, учитывая крайнюю нищету, могли оказаться решающими в борьбе за выживание. Да и на нижнем уровне партийной иерархии — для членов партийных организаций на предприятиях и в учреждениях, в деревенских ячейках — резко возрастали шансы избежать увольнений, а для безработных — получить новое место. С.В.Яров показал, что во время вербовки 1919 года материальные интересы иногда даже не камуфлировались идейными соображениями, и рабочие соглашались вступить в партию лишь после удовлетворения материальных

¹³ ЦГАИПД СПб, ф. 16, оп. 6, д. 6936, С. 54, 20.

¹⁴ Сводка на прочитанную красноармейскую корреспонденцию за февраль 1925 г. (ЦГАИПД СПб, ф. 16, оп. 5, д. 5908, л. 32; д. 6936, С. 58.)

требований. Такой порядок, видимо, признавался допустимым¹⁵. А в 1924 году в письмах велась такая дискуссия. Из Сибири писали: «Здесь в партию вступают больше из-за того, чтобы получить ответставочку [т.е. ответственную должность – *О.В.*]». Родители советовали в письме сыну: «Ты просишь у нас разрешения, чтобы поступить в партию комсомола или же здорового коммуниста, так как быть партийному – то гораздо лучше жить будет, ничего не имеем против, я думаю, ты давно проделал это». Жена объясняла мужу: «Федя, ты меня спрашиваешь, что меня заставило вступить в комсомол, а то заставило, что комсомольцу или партийному везде и все доступно, и на работу принимают только комсомольцев или партийных, вот я и поступила». «У нас большая полнейшая безработица, так что поступить [на работу. – *О. В.*] чрезвычайно трудно. Один исход найти можно – стоит только сделаться партийцем. Как поступил в партию, тебе без затруднения служба будет. Я тебе посоветую – постарайся всеми силами вступить в партию». И словно ответом звучит другое письмо: «Дорогой Митя, ты пишешь, чтобы я записался в партию. Я не могу записаться, потому что в Коммунистической партии нет никакой правды, только один обман и мошенничество и больше ничего». «Советовала бы тебе поступить в комсомольскую школу и тогда тебе легче бы все удавалось. Ты можешь в душе не отдаваться их поганому учению...»¹⁶

С конца 1923 года из-за экономических трудностей на промышленных предприятиях началась волна увольнений. Вступление в партию для многих было шансом избежать сокращения. В партийных сводках о политической ситуации сообщалось: «На Брянском арсенале момент вербовки ленинского призыва совпал с сокращением рабочих на этом заводе. Подавшие заявление о вступлении в партию подверглись насмешкам со стороны беспартийных, что, дескать, вы входите в партию по шкурным мотивам, боитесь сокращения». Оторг заключает, что из-за насмешек многие забрали заявления. На совещании оторгов в Ленинграде в августе 1924 года по работе с пополнением партии выступавшие признавали, что рабочие шли в партию из экономических интересов. Представитель завода «Красный Выборжец», одного из крупнейших заводов Ленинграда, считал, что у них таких ново-

¹⁵ Яров С. В. Указ. соч. С. 32–33.

¹⁶ ЦГАИПД СПб, ф. 16, оп. 6, д. 6936, с. 31, 40, 29; ф. 16, оп. 5, д. 5911, л. 171, 59, 141.

бранцев до 80%¹⁷. Другой докладчик сообщал, что 9 человек из ленинского призыва вышли из его партийной организации, так как у них исчезли опасения сокращения.

Особенностью нового пополнения партии была отмеченная неустойчивость настроений, повышенная внушаемость и рвение неофитов. Эти характеристики партийцев ленинского призыва учитывались руководством в ходе внутрипартийной дискуссии. На уровне заводских партийных организаций истовость «новообращенных» ленинского призыва часто сознательно использовалась. Об этом свидетельствует такой эпизод, зафиксированный в информационной сводке о политическом состоянии Ленинградской губернии за период с 1 по 15 декабря 1924 года. На одном из заводов «на перевыборах завкома оторгом Чешко были выставлены кандидатуры Балбита и Врублева, которые не пользуются авторитетом не только среди беспартийных, но и отчасти среди членов РКП(б). Дабы они не были бы провалены, т. Чешко перед выборами ходил по мастерским и упрашивал "Ленинский призыв" в случае отвода упомянутых лиц, голосовать за них»¹⁸. Ощущения самих рабочих, только что примкнувших к партии, отразились в запоздалом сожалении: «Рабочие столярной мастерской [Порохового завода в Ленинграде] Захаров и Николаев на почве сокращения говорят: «Не нужно было бы записываться в партию, а то теперь заткнут глотку партийной дисциплиной и молчи»¹⁹.

Таким образом, пополнение партии новыми членами являлось не только стихийным выражением доверия партии или любви к Ленину, как это изображали газеты, но люди шли в партию и под давлением экономических и других обстоятельств, не решаясь отказаться от настойчивых предложений и вызвать подозрения в нелояльности. Имя Ленина в названии вербовки играло известную мобилизующую роль. Прежде масштабы влияния личности Ленина ограничивались, в основном, рамками партии. Траурные мероприятия и человеческое сочувствие к умершему были максимально использованы партией, чтобы перенести персональную харизму Ленина на институт (партию), и чтобы саму харизму сделать институтом власти, превра-

¹⁷ ЦГАИПД СПб, ф. 16, оп. 5, д. 5343, л. 8.

¹⁸ ЦГАИПД СПб, ф. 16, оп. 5, д. 5907, л. 131.

¹⁹ ЦГАИПД СПб, ф. 16, оп. 5, д. 5908, л. 36. Февраль 1924 года.

тив ее в культ, в ритуал. Харизма Ленина в целях расширения базы власти старательно распространяется партийной верхушкой за пределы партии, опираясь на стихийную веру, надежды и иллюзии людей. Власть пыталась распространить эмоции, вызванные смертью вождя, на партию, вовлечь таким образом в нее рабочих, приобщить их к идеологии, политике и привилегиям Коммунистической партии и, как результат, через пропаганду и партийную дисциплину обеспечить поддержку власти снизу. Вступление рабочих в партию можно объяснить скорее не столько народной любовью к вождю, и не осознанной акцией поддержки массами советского режима, но в большей степени вынужденным выбором стратегии выживания, приспособлением к режиму, принятием официальных правил игры, предложенных сверху.

Вступление в партию в ответ на Ленинский призыв можно определить как первую отчетливую манифестацию того, что народ переходит от тактики открытых выступлений против советской власти к тактике принятия правил игры. Среди рабочих в первую очередь росло понимание того, что выгодней повиноваться командам сверху. В обмен на отречение от свободы они получали определенные гарантии существования. По их мнению выживание стоило того. Приглашением рабочих в партию в форме *призыва, вербовки* власть давала ясно понять, что они могут получить осязаемые выгоды от политического послушания. Такую новую систему легитимации Фехер называет оригинальным изобретением советской власти – патерналистской диктатурой²⁰. Политикой постоянной онтологической угрозы власти принуждали граждан к демонстрации поддержки режима за минимальные гарантии безопасности.

²⁰ *Feher F. Paternalism as a Mode of Legitimation in Soviet-type Societies // Political Legitimation in Communist States / Ed. by T. H. Rigby and F. Feher. New York, 1982. P. 65–73.*

Пропаганда ленинизма

В решении XIII партийной конференции о вербовке новых членов в партию сразу были намечены меры по просвещению партийцев: создать во всех организациях кружки по изучению ленинизма, улучшить изучение истории партии. Эти решения развивали постановления II съезда Советов по увековечению памяти Ленина, где ставилась задача издания трудов Ленина. Для обозначения всех изданий его трудов, воспоминаний о вожде, биографических исследований был изобретен термин Лениниана. Советская Лениниана по обилию может соперничать, пожалуй, только с Библией. Издание первого собрания сочинений В. И. Ленина было предпринято в 1920 году. Собрание сочинений состояло тогда из 20 томов в 26 книгах. В основном, оно завершилось в 1924 году, последний том вышел в 1926 году. II съезд Советов СССР в январе 1924 года поручил Институту Ленина выпуск массовыми тиражами ленинских произведений и издание нового собрания сочинений. 1 февраля 1924 года И. Ионов от лица Ленинградского отделения Государственного издательства обращался в Институт Ленина с просьбой доверить печатание второго издания сочинений Ленинграду. «Моя просьба имеет еще и другое значение. Пусть Ленинграду предоставлено будет право издать сочинения Ленина и таким путем мы уравновесим несправедливость, созданную тем, что Ленин похоронен не в Ленинграде, а в Москве»¹. Второе и третье собрания Сочинений Ленина издавались в 1926 – 1936 и в 1926 – 1941 годах. Первый пик издания произведений Ленина приходится на 1924 – 1925 годы. В 1924 году всего вышло 269 изданий произ-

¹ ЦГАИПД СПб, ф. 16, оп. 1, д. 533, л. 22 об.

ведений Ленина, тиражом более 6 миллионов, а в 1925 году – 422 издания тиражом более 17 миллионов².

После смерти Ленина была перестроена вся программа занятий в системе политпросвещения. Создавались кружки по изучению ленинизма. В марксистских кружках, существовавших на всех крупных предприятиях, по указанию Агитпропотдела Ленинградского Губкома отменялось коллективное чтение «Коммунистического манифеста» и вместо этого предлагались для изучения следующие темы: «Жизнь и деятельность Ленина в связи с историей партии», «Ленин как теоретик», «Ленин как экономист», «Ленин как вождь международной пролетарской революции», «Учение Ленина о Коммунистической партии», «Учение Ленина о гегемонии пролетариата»³ и т.д. Программа истории партии также перестраивалась, большее внимание уделялось изучению роли Ленина.

Одной из самых распространенных форм популяризации В. И. Ленина стали в 1924 году так называемые ленинские уголки. Чаще всего они представляли собой комнату или часть комнаты, где помещался стенд с наклеенными фотографиями, вырезками из газет и журналов, рисунками. Возникновению ленинских уголков предшествовала сложившаяся традиция «красных» и «военных» уголков. Боннелл видит в них заимствование большевиками религиозной символики и считает прототипом «красных уголков» красный угол деревенской избы, где помещались иконы⁴. Красные уголки были важной частью политработы в армии и существовали с 1921 года. 16 февраля 1924 года Реввоенсовет СССР издал приказ № 167 «О переименовании клубных “красных уголков” во всех ротах, батареях, командах... в “Ленинские уголки”»⁵. К приказу прилагалась инструкция о порядке переименования «Красных уголков» армии и флота в «Ленинские уголки».

Один из самых первых ленинских уголков был создан на Первой сельскохозяйственной кустарно-промышленной выставке при участии Истпарта. Тогда же, в 1923 году, была издана брошюра «Уголок им. В. И. Ульянова-Ленина», благодаря которой мы можем подробно представить выстав-

² Ленин в печати. Издание произведений В. И. Ленина, книг и брошюр о нем. Статистический сборник. М., 1969. С. 16.

³ ЦГАИПД СПб, ф. 16, оп. 1, д. 534, л. 127.

⁴ Bonnell V. E. P. 147.

⁵ РГАСПИ, ф. 16, оп. 1, д. 534, л. 127.

ку. Основой содержания экспозиции была история партии с включением витрин с текстами речей, статьями, фотографиями Ленина, а также труды Маркса, Энгельса, Плеханова. В художественном разделе были картины, представляющие эпизоды революционного движения. Достопримечательностью уголка была статуя Ленина. На выставке было много подлинных экспонатов. К первым уголкам можно отнести и уже упомянутый своеобразный мемориальный комплекс в особняке Кшесинской в Петрограде. В траурные дни «Уголки Ленина» открывались в качестве отделов в музеях революции в Москве и Петрограде.

Когда на фабриках и заводах после смерти Ленина стали создаваться уголки Ленина, партия приняла меры, чтобы «дать этим уголкам правильное направление»⁶. Основные положения по организации уголков, разработанные Главполитпросветом, были опубликованы в журнале «Коммунистическое просвещение» в № 1 за 1924 год. При Ленинградском Губкоме РКП(б) была организована комиссия, куда вошли представители Истпарта, Губполитпросвета и Музея революции. Была выработана схема организации уголков, где предписывалось четкое и последовательное расположение материала. Главполитпросвету и Севзапкино поручалось снабжать эти уголки литературой и фотоматериалами. Уголки предписывалось создавать на предприятиях, в библиотеках, в школах, в воинских частях.

«Чем должны быть уголки им. В. И. Ленина» — этому было посвящено письмо Н. К. Крупской, опубликованное в газете «Экономическая жизнь». Крупская подробно инструктировала, какие картины и статуи не стоит помещать в уголки, и какие книги должны находиться в библиотеках при уголках⁷.

В последующие годы огромные усилия партийного аппарата направлялись на проверку и контроль за содержанием уголков на предприятиях, на обновление и поддержание их в образцовом состоянии, на снабжение уголков агитматериалами и т. д. Для удобства выпускались и стандартные наборы открыток для размещения их в уголках, или даже готовый плакат «Жизненный путь тов. Ленина», композиция которого воспроизводила традиционную православную икону с ликом святого в центре и житийными

⁶ ЦГАИПД СПб, ф. 16, оп. 10, д. 9656, л. 1.

⁷ Крупская Н. К. Собр. соч. в 10 т. Т. 8. С. 119.

клеймами по периметру. Наибольшее распространение получили ленинские уголки именно во второй половине 20-х годов, но продолжали существовать, в старом виде или чуть видоизмененные, вплоть до 80-х годов. Примерами того были Ленинские комнаты в воинских частях или ленинские уголки на предприятиях, где обычно висел стенд с фотографиями ленинских мест города.

Как видно из сказанного, ленинские уголки были предметом постоянных забот партийных органов, но вероятно, они возникали кое-где и спонтанно. Наверное, они отвечали простому человеческому желанию как-то украсить свое рабочее место или жилье, возможно, они выполняли функцию красного угла в деревенской избе, куда ставили иконы, украшали их. Демобилизованный красноармеец пишет в письме: «Встретили меня хорошо, а что партийный – немного попало, но сейчас стало хорошо. В одной комнате с согласия родных были убраны все иконы и там устроили уголок Ленина»⁸. Однако некоторыми ленинские уголки воспринимались иначе. Деревенский мальчик в школьном сочинении писал: «Красный уголок еще не был украшен, хозяйка боялась того, что его украсят и повесят Ленина. Она пришла к моей матери и говорит: «Теперь они этого черта повесят, я и спать-то буду бояться, да я его буду на ночь занавесью закрывать. Ведь это все идет к котлу, истинный господь, к котлу [имеется в виду конец света. – О. В.]»⁹.

В соответствии с постановлением II съезда Советов СССР в 20-е годы сложилась традиция отмечать ленинские дни в январе, в годовщину смерти вождя. День рождения Ленина в 20 – 30-е годы не отмечался праздничной кампанией. Ленинские дни проводились по инициативе и под контролем партийных органов. Накануне они напоминали всем связанным с этим организациям, и в первую очередь редакциям газет, о необходимости проведения кампании¹⁰. Затем сверху «спускались» официально утвержденные лозунги. Если они запаздывали, из райкомов следовал запрос – каковы будут лозунги на кампанию этого года? Эти формулы концентрировали в себе главные задачи текущего момента, освященные именем Ленина. Чем далее

⁸ ЦГАИПД СПб, ф. 16, оп. 6, д. 6936, л. 56.

⁹ Цит. по: Неизвестная Россия. XX век. Архивы. Письма. Мемуары. 3. М., 1993. С. 263.

¹⁰ ЦГАИПД СПб, ф. 16, оп. 1в, д. 32, л. 13.

от 1924 года, тем меньше лозунги относились к личности вождя. Динамика изменения формул отражает характеристики официального образа Ленина.

1924 год:

«Мы должны хоть немного быть похожими на Ленина!»
 «Ленин – сталь и гранит. Сталь и гранит пусть будет наша партия».
 «Радость, ликование врагов отразим стальной дисциплиной пролетарских рядов».
 «Если Ленин молчит, мы, работники и работницы, слышим его голос внутри нас».
 «В каждой мелочи будь Лениным».
 «Ленин – солнце будущего!»¹¹

1926 год:

«Ленинская партия едина и стальные ряды ее неразрывны».
 «Проведем решения XIV съезда партии».
 «Партия ближе к массам».
 «Беспощадная борьба с извращениями ленинизма».
 «Никаких отступлений от подлинной Ленинской политики в союзе рабочих с крестьянами!»¹²

1929 год:

«Без Ленина по ленинскому пути».
 «Выполнить ленинские заветы по смычке»¹³.

1943 год:

«Под знаменем Ленина-Сталина разгромим немецко-фашистских захватчиков».
 «Сталин – гениальный продолжатель дела Ленина».

¹¹ ЦГАИПД СПб, ф. 16, оп. 9, д. 9765, л. 17; РГАСПИ, ф. 16, оп. 1, д. 49, л. 57–59.

¹² ЦГАИПД СПб, ф. 16, оп. 10, д. 10236, л. 10.

¹³ ЦГАИПД СПб, ф. 1060, оп. 1, д. 454, л. 9.

«Ленин и Сталин – организаторы обороны социалистического государства»¹⁴.

Главной задачей пропагандистских кампаний, проводимых в траурные дни, было сплочение вокруг партии, мобилизация широких масс на решение выдвинутых партией задач, «предотвращение отклонений от ленинской линии». В эти дни снова украшались ленинские уголки, проводились лекции и доклады, тексты которых согласовывались и проверялись заранее. В деревни выезжали докладчики и демонстрировали «туманные картины» (световые газеты), устраивались коллективные читки брошюр Ленина. С воспоминаниями выступали люди, знавшие Ленина, и никогда не видевшие его. На концертах хоры исполняли революционные песни, в том числе и такие, как «Капля крови Ильича». Устраивались инсценировки и декламации. Для одной из них предлагался текст:

(Можно читать по бумажке)
Когда у матери умирает первенец,
Когда отца убивает вражеская пуля,
Когда смерть уносит самых близких и любимых,
*Это ничто перед смертью Ленина*¹⁵ (1925).

¹⁴ ЦГАИПД СПб, ф. 408, оп. 2, л. 216, л. 10.

¹⁵ ЦГАИПД СПб, ф. К-601, оп. 1, л. 531, л. 4.

«Если бы Ленин был жив...».

Образ Ленина в 30-е годы

Развитие образа Ленина в 30-е годы интересно не только как самостоятельное явление, но и в сочетании и взаимовлиянии с культом Сталина. Хотя на передний план в общественной жизни выступил новый вождь, но культ Ленина в этот период не исчез, он продолжал выполнять свои функции символа — легитимизировал власть наследника. Святость этого образа уже не требовала постоянных доказательств, он превратился в аксиому, догму, критерий истинности. Он занимает прочную позицию среди основополагающих святынь, не подлежащих сомнению и критике. Архивные и фольклорные материалы свидетельствуют, что в общественном мнении меньше стало критических высказываний о Ленине, мало появилось новых анекдотов о нем. Преобладала трактовка образа как олицетворения чего-то светлого, правильного — или прошлого, когда люди вспоминали о жизни «при Ленине», или будущего, персонифицируя в его имени понятие о социализме. «Киров был хороший человек, но был бы жив Ленин — жизнь была бы лучше», — судачили обыватели после убийства Кирова¹.

Очень часто в коллективных представлениях Ленин противопоставлялся реальной политике Коммунистической партии. Сразу после смерти ходили слухи, что «Ленин, якобы, говорил о необходимости отмены единого налога на крестьян и налогов на торговцев»². Колхозница К. Ф. Шестакова из Свердловской области в письме 1936 года, внося свое предложение в проект Конституции освободить маломощные бедняцкие хозяйства от поставок молока и мяса, жаловалась на тяжелую голодную жизнь в колхозе:

¹ ЦГАИПД СПб, ф. 25, оп. 5, д. 45, л. 113.

² Цит. по: *Извозик В.С.* С. 127.

«Я часто вспоминаю Ленина, какой он добрый был для нас для крестьян, отобрал землю от помещиков, отдал крестьянам и приказал поделить на едока. В те годы были сыты все, не было голодных. Рано помер Ленин. Теперь нам, бедным вдовам, хуже того порядка, что был до революции... Ленин пожалел многодетных крестьян, приказал землю разделить на едока»³. При оценке текущих политических событий люди апеллировали к Ленину, по нему соразмеряя происходящее. Сразу после смерти Ленина в пересудах появляется рефрен «Если бы Ленин был жив...» Уже партийную дискуссию 1924 года сопровождали такие упования: «Будь жив Ленин, дискуссия не могла бы иметь места. Коммунисты не могут поделить власть»⁴.

Чаще всего упоминали Ленина в связи с коллективизацией. В разгар коллективизации рабочие говорили о добрых старых временах: «Такое не случилось бы, будь жив Ленин. Он бы разрешил свободную торговлю и дал бы облегчение, потом он изменил бы способ коллективизации – не силой, а с общего согласия, убеждением»⁵. Монтер «Красного Треугольника» в Ленинграде Максимов высказывал свое мнение: «Колхозы разорены, колхозники голодают, государство отбирает весь урожай и колхозникам ничего не остается. Если бы был жив Ленин, то такого безобразия с колхозами не было бы, не издевались бы над крестьянами, как издеваются сейчас»⁶. Лужский крестьянин Иван Кондратьев вторил: «Колхоз – помещичье имение, а жизнь помещичье ярмо. Когда Ленин разрешил поделить землю на полоски, народ действительно был доволен, да и я сам тоже плясал, а теперь? Что начинают делать!...»⁷

Террор также требовал какого-то объяснения, и тогда снова обращались к Ленину. «При жизни Ленина не было никаких процессов», – говорили рабочие между собой в феврале 1937 года, имея в виду политические судебные процессы. Анонимка середины 30-х годов доносила о разговорах «на пьянке»: «Если бы Ленин был жив, то Троцкий, Зиновьев, Бухарин были бы в Политбюро и работали бы на благо партии, что, вообще, колесо истории,

³ Общество и власть. 1930-е годы. Повествование в документах. М., 1998. С. 134.

⁴ ЦГАИПД СПб, ф. 16, оп. 5, д. 5932, л. 1.

⁵ Feinsod M. Smolensk under Soviet Rule. Cambridge, Mass., 1958. P. 248. Фейнсод цитирует сводку ОГПУ Рославля от 27.03.1931.

⁶ ЦГАИПД СПб, ф. 24, оп. 2, д. 2659, л. 2.

⁷ ГАРФ, ф. 1027, оп. 4, д. 33, л. 23об. 1933 год.

вероятно, вертелось бы по-иному». «Ах, жаль, нет с нами Ленина, он бы нашел выход, а этот баран [имеется в виду Сталин. — *О.В.*] угробит еще не одну тысячу народу»⁸. Ленинградский рабочий Авдеев тогда же рассуждал о судьбе вождей в хаосе террора: «Троцкий был такое большое лицо и вдруг замешан, да и остальные тоже руководили большими делами. Всех запутали. Хорошо, что Ленин умер, а то и того бы запутали»⁹. Непогрешимость и даже святость «отца-основателя» подразумевалась рабочим как само собой разумеющееся.

Одним из самых распространенных и постоянных сюжетов общественного сознания 30-х годов было сравнение Ленина со Сталиным. Иногда сравнивали даже «по внешним признакам». Это отмечалось в одном из доносов, как подозрительное сопоставление. В коллективных представлениях Ленин виделся более гибким и гуманным политиком, чем Сталин. В 1937 году ленинградский комсомолец Золотаревский говорил: «Продовольственные затруднения объясняются тем, что Сталин взял слишком резкий курс на индустриализацию нашей страны. При Ленине мы пришли бы к тому, что имеем, гораздо безболезненнее»¹⁰. При сравнении с действующим вождем Ленин всегда выигрывал, как, например, в очень популярном «контрреволюционном» анекдоте: «Почему Ленин ходил в ботинках, а Сталин ходит в сапогах?» — «Потому что Ленин обходил всякие болота оппозиции, а Сталин прет напролом. Потому и ходит в сапогах». Другой вариант этого анекдота гласил: «Ленин вел нас по сухому, чистому пути, а Сталин все больше по болоту»¹¹. В аналогичном анекдоте объяснялось, почему Ленин носил рубашку и галстук, а Сталин — нет. «Потому, что Ленин знал дорогу, по которой идти, а Сталин — нет»¹². Тринадцатилетний школьник Агафонов со станции Чимкент «изобразил на бумаге двух пауков и речку. Один паук 6-ногий, другой — 8-ногий. При этом написал: 6-ногий паук Ленин — он медленно прошел речку и тем спас народ, а второй 8-ногий паук — Сталин. Он быстро прошел речку, зато потопил народ. При опросе ученика Агафопова,

⁸ ЦГАИПД СПб, ф. 24, оп. 2в, д. 2322, с. 29 (1937).

⁹ ЦГАИПД СПб, ф. 24, оп. 2, д. 2659, л. 2.

¹⁰ ЦГАИПД СПб, ф. 24, оп. 2в, д. 2685, с. 1.

¹¹ РГАСПИ, ф. 17, оп. 120, д. 175, с. 88. 1935 год; «Общество и власть», с. 311.

¹² *Thurston R.W. Social Dimensions of Stalinist Rule: Humor and Terror in the USSR, 1935-1941* // *Journal of Social History*. 1991. Spring. P. 544.

почему он так нарисовал, он сообщил, что к ним на квартиру приходил один человек, который вел этот разговор, а он подслушал»¹³. Прием сравнения двух вождей логически приводил к их противопоставлению. А свойственная мифологическому сознанию склонность видеть мир в бинарных оппозициях окрашивала эти фигуры в черное и белое.

Мертвый вождь идеализировался в сравнении с политикой действующего лидера. Идеальный образ Ленина был очень распространен в фольклоре:

Куплю Ленина портрет,
Золотую рамочку.
Вывел он меня на свет —
Темную крестьяночку¹⁴.

Если в официальном фольклоре, создание которого, как показал Миллер, поддерживалось и всячески поощрялось государственными культурными и писательскими организациями, Ленин и Сталин всегда выступали дружно рука об руку, как учитель и ученик, то неофициальное общественное мнение было склонно их образы противопоставлять и маркировать противоположными знаками.

Идеализация образа проявилась и в противопоставлении его реальной политике партии. В превращении имени Ленина в знамя оппозиционности сталинскому руководству отчетливо заметна функция политического символа. Выступая против Сталина, оппозиционеры внутри партии апеллировали к Ленину и обвиняли Сталина в отступлении от ленинизма, как, например, это делала группа московских коммунистов во главе с М.Рютиным¹⁵. Группа «старых большевиков-ленинцев» призывала в воззвании 1927 года: «За ленинизм против сталинизма, против меньшевиков, бюрократов и карь-

¹³ Политдонесение политотдела 3 эксплуатационного отделения Туркестан-Сибирской железной дороги от 18 февраля 1935 года (РГАСПИ, ф. 17, оп. 120, д. 175, с. 2).

¹⁴ Неподцензурная русская частушка / Подгот. текста В.Кабронского. Нью-Йорк, 1978. С. 11.

¹⁵ Старков Б.А. Дела и люди сталинского времени. СПб., 1995; Они не молчали. Сб. М., 1991.

еристов»¹⁶. Анонимные листовки с призывами к борьбе против политики Коммунистической партии часто подписывались «ленинцами», как, например, листовка в Кораблестроительном институте в 1934 году, направленная против ЦК и Сталина, с призывом не принимать участие в перевыборах в Советы и в Октябрьских торжествах¹⁷. Анекдот 1932 года противопоставлял Ленина Сталину: «Снится Сталину Ленин: «Ну, как дела?» – «Трудно, но за мной идут». – «Ты им хлеба прибавь, а то все за мной пойдут»¹⁸.

Надо сказать, что тема хлеба, пронизывающая массовое сознание и в 1920-е, и в 1930-е годы, очень часто связывалась с именем вождя. В массовых представлениях наряду с идеализацией образа Ленина и отделения его от действующего партийного руководства часто соседствовали оценки, объединявшие его и Сталина, подчеркивалась преемственность в политике. Общественное мнение нередко ставило ему в вину постоянное недоедание или голод, сопутствовавшие всему межвоенному периоду. Даже в траурные дни 1924 года ему не простили голода 1921 года: «...подох – уморил тысячи людей с голоду». Нетрезвый рабочий Новиков в связи со смертью Орджоникидзе ворчал: «Все бы сдохли. Ленин и Сталин довели страну до голода, рабочие от голода не могут уж ходить»¹⁹. В 1928 году рабочие «Красного Путиловца» изобразили Ленина и Николая II и написали: «Долой Ленина с кониной! Давай Николая со свининой!»²⁰. В тридцатые годы пели частушки:

Когда Ленин умирал,
Сталину наказывал:
Много хлеба не давай,
Мяса не показывай²¹

Как мы видим, в разноголосице мнений образ Ленина не всегда противопоставлялся действующей власти, существовали мнения, объединявшие

¹⁶ ГАРФ, ф. 374, оп. 27, д. 2079, л. 23 об.

¹⁷ ЦГАИПД СПб, ф. 14, оп. 5, д. 2286, л. 153.

¹⁸ Штурман Д., Тиктин С. Советский Союз в зеркале политического анекдота. Тель-Авив, 1990. С. 32.

¹⁹ ЦГАИПД СПб, ф. 16, оп. 5, д. 5335, л. 78; ф. 24, оп. 2, д. 2659, л. 97, Ленинград, 1937.

²⁰ Цит. по: Шинкарук С.А. Общественное мнение в советской России в 30-е годы. СПб., 1995. С. 133.

²¹ Неподцензурная русская частушка. С. 44.

политику как Ленина, так и Сталина, и не только в продовольственной сфере. Информационные сводки иногда сообщали о листовках с призывами «Долой Ленина! Долой Сталина!» даже в тридцатые годы, когда Ленин уже давно умер²². В сознании многих людей, принявших пропагандистскую формулу «Ленин жив!», Ленин оставался действующим политиком, а раз так, то и ответственным за происходящее.

Тактика постоянных апелляций официальной идеологии к Ленину в целях легитимизации его последователей расшифровывались публикой с беспощадной трезвостью. В ноябре 1927 года ленинградские безработные ворчали: «Это не правительство, а кучка проходимцев, которая собралась и работает, и делает что хочет. Выкидывают из ЦК действительных работников, а себя огораживают Лениным – вторым богом, на портрет которого скоро заставят молиться»²³. На Егорьевских копях (Урал), один рабочий, кандидат в партию, говорил: «До каких же пор ЦК пойдет по Ленину. Надо ЦК что-нибудь свое разработать. А не ленинским пользоваться»²⁴. Догматизация учения Ленина, механическое перенесение его идей без творческого переосмысления в изменившуюся политическую ситуацию, манипулирование его словом в целях легитимизации политики – тоже отмечалось простыми людьми.

В апелляции к идеальному образу Ленина реализовывалась потребность человека в какой-то смысловой опоре в картине мира. Но если рассматривать культ только как поклонение и идеализацию, то вне этой схемы остается апелляция к образу с целью отстаивания своих интересов. В игре, или, вернее, в заигрывании с властью двигателем иногда был практический интерес, а отнюдь не любовь к вождю. Тем не менее, такие обращения мы не имеем права выводить за рамки формального культа на том лишь основании, что в них отсутствует искренность. При чтении писем во власть, в особенности крестьянских, не покидает ощущение инструментального использования простым людом официального ритуала в прагматических повседневных интересах. Заверения в преданности вождям в жалобах и прошениях были ритуальной формой общения с властью. На уровне повседневных

²² ЦГАИПД СПб, ф. 24, оп. 2в, д. 772, л. 40.

²³ ЦГА СПб, ф. 4370, оп. 5, д. 4, л. 294.

²⁴ ГАРФ, ф. 374, оп. 27, д. 1210, с. 12.

практик выживания люди стремились использовать официальный культ как канал давления на власть путем апелляции к прославляемому властью образу. «Наш дорогой вождь Владимир Ильич издавал декреты, что вся земля трудовому народу и удаление мелкополосицы и дальнепользования, а у нас вышло наоборот: полосы мельче и дальше пользование...» Крестьянин Езерищенского района Белоруссии, незажиточный, малограмотный, бывший красноармеец, как характеризует его сводка губкома партии, пришёл в ячейку на занятия кружка и поставил вопрос: «Ленин говорил о земле, воде и лесу – мужикам, а получилось вода – мужикам, а рыба – большевикам. Почему вы все обещаете на словах, а на деле ничего не даете?» В письме 1925 года, написанном в стихотворной форме, хозяйка жалуется на незаконную конфискацию земли:

А власти этого не знали,
Что их приспешники творят
И как по-своему мудрят.
Трижды нарсуд все ей вернуть постановил,
И Ленин своим словом закрепил.
Но декретов Ильича никто не исполняет,
И заветов Ильича никто не вспоминает.
А волостной Совет все лжет и издевается,
На руку ворам он приспособляется...²⁵

Официальный же образ Ленина в 30-е годы конструировался исходя из прагматических политических интересов. Постепенно устанавливается баланс между величиим Ленина и его ученика Сталина. Соотношение образа Ленина и образа Сталина в иконографии запечатлела фотография или фотомонтаж Ленина и Сталина, сидящих на террасе в Горках летом 1922 года, подлинность которой оспаривается многими исследователями²⁶. Этот сюжет был повторен художником А.Н.Михайловским, и Госиздат воспроизвел кар-

²⁵ Цит. по: Голос народа. С. 94; РГАСПИ, ф. 17, оп. 84, д. 916, с. 9. 1925 год; ЦГАИПД СПб, ф. 16, оп. 6, д. 6937, л. 14.

²⁶ Jaubert A. Fotos, die luegen. Politik mit gefaelschten Bildern. Athenaeum, 1989. S. 39; King D. «The Commissar Vanishes». The Falsification of Photographs and Art in Stalin's Russia. Metropolitan Books. New York, 1997.

тину тиражом 200 тысяч копий. Репродукция широко распространялась, сюжет дублировался в скульптуре, менялись позы, но идея была одна – преемственность власти. «Сталин – это Ленин сегодня». Все чаще и чаще вожди изображались рядом. В начале тридцатых годов Ленин доминировал, но постепенно акцент в композициях менялся. Портреты вождей постепенно сравнивались по величине, их фигуры композиционно равны. Например, 1 Мая 1932 года одинаковые по размерам портреты Ленина и Сталина висели в Москве на Пушкинской площади. Постепенно фигура Сталина выдвигается на передний план. Все чаще доминирование Сталина подчеркивалось изображением говорящего Сталина и слушающего Ленина. В официальной иконографии 30-х годов образ Ленина часто перемещался на задний план. Обобщая сюжеты агитационных плакатов, Боннелл заключает: «Ленин остается объектом поклонения и в 30-е и в 40-е годы, но его звезда постепенно становится меньше и тусклее по сравнению со Сталиным»²⁷. Подчеркну, что Боннелл ведет речь об официальном образе Ленина.

Соотношение культов было наглядным и зримым в школьных учебниках. В букварях – своеобразных начальных путеводителях по миру, куда вступали дети – к началу тридцатых годов портреты Ленина и Сталина размещались параллельно сразу на развороте. Первое, что видел малыш, раскрывая самую первую в своей жизни книгу, были изображения вождей. Это подчеркивало их значение и место во взрослом мире. Из текстов под портретами дети узнавали о них самое главное. Например, в букваре Н.М.Головина 1938 года под изображением Ленина была надпись: «Владимир Ильич Ленин. Радостно живем мы, дети Советской страны. Кто сделал нашу жизнь радостной? Кто сделал счастливой нашу страну? Партия большевиков! Партия Ленина-Сталина!» Под портретом Сталина следовала надпись: «Иосиф Виссарионович Сталин. Товарищ Сталин – вождь и учитель народов СССР и трудящихся всего мира. Они называют его своим родным Сталиным. Его ненавидят наши враги и горячо любят трудящиеся всего мира»²⁸. Текст, посвященный Ленину, написан в жанре катехизиса. Персональ-

²⁷ Bonnell V. С. 159. О развитии образа Ленина в изобразительном искусстве речь идет также в главе «Культ Ленина в музеях».

²⁸ Щербинин А.И. «С картинки в твоём букваре», или Аз, Буки, Веди, Глагол, Мыслете и Живете. Тоталитарная индоктринация // Полис. 1999. № 1. С. 125.

но Ленин не упоминается, речь идет лишь о партии Ленина-Сталина, по смыслу доминирует Сталин. Слова «вождь» и «учитель» адресованы только Сталину. Дистанция между вождем и народом минимальна благодаря прилагательному «родной».

В 30-е годы властью особенно подчеркивалась непримиримость Ленина к врагам революции, его бескомпромиссность, решительность, что должно было служить обоснованием разворачивавшимся в стране репрессиям. Однажды мой американский коллега принес мне книжку 1920-х годов для чтения в школе, вывезенную его дедом когда-то из России. Он со вкусом прочитал мне рассказ «Наш Ильич»: «Маленький мальчик спрашивает у отца: «Кто такой Ленин?» – «Это, сынок, самый лучший друг рабочих и крестьян, наш освободитель...» – «А ты видел его?» – «Я видел его, когда был на съезде в Москве. Он рассказал нам, как много у нас врагов, и как мы всех их расшибли вдребезги. И так понятно он говорил, что теперь мы не уступим никому, мы дадим отпор всем нашим врагам, мы стоим за нашу советскую страну»²⁹. В ответ я сказала, что этот текст не мог быть написан в 1920-е годы. Такой воинственный тон был характерен для более позднего времени. Мы бережно сняли обложку и на титульном листе обнаружили дату издания «1931 год».

Публикации трудов Ленина и книг о нем были полностью монополизированы властью, вернее, Сталиным – через Институт Ленина. Ленинские документы с марта 1923 года, когда Ленин выбыл из активной политической жизни, концентрируются в ЦК. Уже утром 22 января 1924 года, на экстренном заседании пленума ЦК РКП, где обсуждались похороны и способы оповещения о смерти вождя, было принято решение о назначении комиссии ЦК для приема бумаг, оставшихся после Владимира Ильича, в составе Сталина, Зиновьева, Каменева, Марьи Ильиничны Ульяновой, Надежды Константиновны Крупской, Бухарина и Смирнова³⁰. Комиссия от имени ЦК обращается ко всем организациям, учреждениям, архивам, вплоть до ОГПУ, с призывом немедленно сдать имеющиеся у них ленинские материалы в ЦК. Такая

²⁹ *Фортунова Е.Я. Шлегер Л.К.* Школа и деревня. Первая книга для чтения и работы в деревенской школе / Под ред. С.Т.Шацкого. Изд. 12-е. М., 1931. С. 64.

³⁰ РГАСПИ, ф. 16, оп. 2, д. 45, л. 2.

тактика объяснялась стремлением власти узурпировать право на слово Ленина.

Произведения Ленина были превращены в своего рода священное писание, которое не подвергалось сомнению. Попытки не только отступления от «учения» Ленина, но даже его интерпретации приравнивались к ереси. Осуждая «новую оппозицию» в партии, ЦК обвинял ее в стремлении исправить и углубить ленинизм. Что же касается неопубликованных или давних работ Ленина, то некоторые ленинские документы очень скоро стали играть роль «архивного оружия», которое умело использовалось сторонами во внутрипартийной борьбе.

В первую очередь это относится к пресловутому ленинскому завещанию, которое породило множество слухов и легенд. Слухи о ленинском завещании постоянно циркулировали среди рядовых партийных работников, да и в широкой публике тоже. Поводом к слухам послужили неоднократные упоминания в траурных постановлениях и в речах соратников некоего «завещания», возможно, в символическом, переносном значении. В обращении ЦК РКП «К партии. Ко всем трудящимся», опубликованном 22 января 1924 года, говорилось: «...Партия пойдет железным шагом вперед... Потому что у нее есть в руках то завещание, которое оставил ей т. Ленин». В траурных речах Крупская, Бухарин говорили о нем, как о вполне конкретном документе, которому необходимо следовать. Публика обращалась в газеты с вопросами, когда же будет опубликовано завещание. В ответ партийные публицисты жонглировали терминами и объясняли, что имелись в виду последние письма и статьи Ленина конца 1922 года. Тем не менее, господствовало мнение, что соратники и наследники вождя что-то скрывают. Наибольшей секретностью было окружено «Письмо к съезду», которое было продиктовано тяжело больным Лениным, предвидевшим ожесточенную борьбу за позицию преемника. Оно содержало личные и политические характеристики руководителей партии. Вопреки категорическому требованию Ленина о секретности письма, его секретарь Фотиева проинформировала Сталина и некоторых членов Политбюро о записях³¹. Среди характеристик членов Политбюро самая критическая оценка была дана Сталину: «Сталин слишком

³¹ Ленинское завещание. Документальный репортаж. М., 1988. С. 9.

груб, и этот недостаток, вполне терпимый в среде и в общении между нами коммунистами, становится нетерпимым в должности генсека. Поэтому я предлагаю товарищам обдумать способ перемещения Сталина с этого места и назначить на это место другого человека...»³² В письме упоминался и «октябрьский эпизод» Зиновьева и Каменева, когда те выступали против линии ЦК на восстание. Поэтому не только у Сталина были основания опасаться за свои позиции в борьбе за власть, которые могла подорвать ленинская оценка. Слово Ленина обладало таким весом, что могло обернуться приговором. Когда Крупская официально передала комиссии ЦК бумаги Ленина, Пленум ЦК 21 мая 1924 года принял решение не публиковать «Письмо к съезду», а произвести оглашение его текста в делегациях XII съезда. Зачитав документ, Каменев, Зиновьев и Сталин выступили его интерпретаторами, говоря не о «способе» перемещения Сталина с поста генсека, а лишь о возможности этого. Они сняли категоричность указания Ленина, подчеркнув, что Сталин учтет критику. Текст «Письма к съезду» был опубликован в Советском Союзе лишь в 1956 году в журнале «Коммунист».

Слухи о суровой критике Сталина в «Письме к съезду» ходили не только в партийных кругах, но и в широкой публике — иногда даже в виде частушек.

Добрый вечер, дядя Сталин,
Ай-яй-яй!
Очень груб ты, нелоялен,
Ай-яй-яй!
Ленинское завещанье
Ай-яй-яй!
Прячешь в боковом кармане.
Ай-яй-яй!³³

Сюжеты об «утаивании» или «искажении» завещания интриговали массовое сознание. Массовое искусство в виде детективов и мелодрам всегда охотно использует их.

³² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 346.

³³ Огонек. 1990. № 48. Ноябрь. С. 11. Частушка приписывалась К.Радеку.

В свое время на очередном этапе внутрипартийной борьбы Сталин на пути к власти умело манипулировал ленинскими документами. Например, письмо Ленина от 18 октября 1917 года о «штрейкбрехерстве» Зиновьева и Каменева в дни вооруженного восстания в Петрограде появилось в печати именно тогда, когда нужно было уничтожить этих противников – в 1926 году. Защищаясь, Каменев и Зиновьев в своем протесте, направленном в Политбюро 16 апреля 1926 года, прямо говорят, что письмо Ленина 1917 года было пущено в ход «как орудие внутрипартийной борьбы»³⁴. Аналогичная ситуация повторилась позже по отношению к Бухарину.

Таким образом, слову Ленина придавалось значение откровения и непреложной истины, когда это было выгодно той или иной стороне. С другой стороны, это слово утаивали, им манипулировали, интерпретировали его в нужном направлении, когда перипетии партийной борьбы менялись. Но и тот, и другой способ обращения с ленинским словом свидетельствует об абсолютизации изречений вождя, превращении их в догмы. Массовое сознание часто оперировало ленинскими формулами, окаменевшими в пропагандистские штампы. Простые люди говорили на официальном языке, так как другого языка для формулирования политических понятий не знали. Тем не менее они часто оценивали критически принятое отношение к ленинскому слову: «У нас делается так, если что написал Ленин или Зиновьев, то, значит, критике не подлежит. Как попугай сыплют их словами, не проверив их»³⁵. А в 70-е годы ходил анекдот о конкурсе на лучшую книгу о слонах. Французы издали книгу «Слоны и женщины», болгары – «Болгарский слон – младший брат русского слона», а русские – трехтомник «Ленин о слонах».

Автор первой монографии о культе Ленина Нина Тумаркин считает, что «культ Ленина не пережил десятой годовщины с его смерти», и с 1934 года культ Сталина занял центральное место в советском политическом ритуале³⁶. Если подсчитывать портреты вождей на праздничной улице Горького в Москве, как это делал американский журналист в 1933 году, то Сталин значительно опережал Ленина³⁷. Но, если количественные методы помогают

³⁴ Большевицкое руководство. Переписка. 1912 – 1927. М., 1996. С. 328.

³⁵ ЦГАИПД СПб, ф. 16, оп. 5, д. 5912, л. 52.

³⁶ *Tumarkin N. P.* 253.

³⁷ Е. Лайонс насчитал 103 портрета Сталина, 58 – Ленина и 56 – Кагановича. Данные приведены в книге Н. Тумаркин, как подтверждение затухания культа Ленина. С. 250.

в оценке пропагандистских усилий власти, они не абсолютны в применении к массовому сознанию. Мы увидели, что образ основоположника продолжал жить в коллективной памяти, и если в пропаганде он выполнял функции легитимации наследника и политической системы, то в массовом сознании — функции защитника. Говоря о ценностях и представлениях простого люда, мы не можем не видеть, что ленинский культ продолжал функционировать в 30-е годы. Постоянная апелляция к легендарному образу Ленина как точке отсчета при оценке другого лидера, окружающей действительности и нравственных норм — убедительно доказывает это. В официальном дискурсе, действительно, доминировал образ Сталина, но в коллективных представлениях, в сфере неофициального образ Ленина оставался значимым и выполнял функцию идеала.

Миф о вожде вошел краеугольным камнем в фундамент советской системы и всей советской цивилизации. Официальная отмена культа Сталина не повлекла разрушения советской системы, которую продолжал поддерживать обновленный культ Ленина. Неразрывную связь между культом Ленина и коммунистической системой обнаружила Перестройка. Оба рухнули почти одновременно в историческом масштабе с поправкой на инерцию процессов в массовом сознании. Как одна любовь может уживаться в сердце с другой любовью, так и культ Сталина не отрицает и не исключает культа Ленина. Они вполне уживались, не противореча друг другу. Поскольку культы — государственные и локальные, всеобщие и ограниченные какой-либо сферой деятельности — пронизывали советские иерархии на всех уровнях, нет нужды объявлять о конце культа Ленина в 1934 году. Тогда останутся необъяснимыми многие явления как тридцатых годов, так и нового всплеска ленинского почитания конца пятидесятых.

Позиция Крупской

В главе «Мавзолеизация» уже рассматривалась позиция Крупской по вопросу о бальзамировании тела ее мужа. Ее роль в формировании и развитии культа Ленина заслуживает рассмотрения, позволяет проследить повороты внутривластной борьбы вокруг ленинского ритуала и выявить некоторые психологические аспекты культа.

Положение Крупской в советском пантеоне было достаточно прочным до самой Перестройки. Вместе с Александрой Коллонтай они были единственными представительницами слабого пола в иерархии советских исторических деятелей. По материалам социологического опроса 1990 года в рейтинге симпатий они занимали место между Плехановым (27 баллов) и Каменевым (22 балла), получая соответственно: Коллонтай – 24 и Крупская – 22 балла¹. В отблесках славы Ленина фигура жены светится отраженным светом, поэтому почитание Крупской справедливо можно назвать «подкульт» («subcult»)². Важную роль в становлении ее статуса сыграло и ее участие в формировании культа Ленина.

В траурные дни ее позиция была ясно изложена в уже упомянутом обращении к работницам и крестьянкам в связи со смертью Ленина, опубликованном в «Правде» 30 января 1924 года. «Товарищи рабочие и работницы, крестьяне и крестьянки! Большая у меня просьба к вам: не давайте своей печали по Ильичу уходить во внешнее почитание его личности. Не устраивайте ему памятников, дворцов его имени, пышных торжеств в его память и т.д., всему этому он придавал при жизни так мало значения, так тяготился

¹ Khapaeva D., Kopossov N. Le Demi-Dieux de la Mythologie Soviétique // Annales: E.S.C. Vol. 47. N 4-5. 1992. P. 963-987.

² McNeal R.H. Krupskaya: The Feminine Subcult // B.Eissenstat (ed) Lenin and Leninism. 1971. P. 219.

всем этим. Помните, как много еще нищеты, неустройства в нашей стране. Хотите почтить имя Владимира Ильича – устраивайте ясли, детские сады, дома, школы, библиотеки, амбулатории, больницы, дома для инвалидов и т.д., и самое главное – давайте во всем проводить в жизнь его заветы». Мы знаем о решительных протестах Крупской против мумификации тела Ленина. Однако с ее протестами не посчитались. Право собственности на Ленина было твердо заявлено властью, которая распоряжалась его посмертным образом по своему усмотрению. Вероятно, поэтому власти не опубликовали и панегирик «Ленин», написанный Крупской в 1924 году, без всякого сомнения, для печати или для выступления на съезде Советов. Его патетический тон: «Заветы Ленина исполним!»³ не характерен для стиля Крупской. Это скорее похоже на выступление политического деятеля, но не вдовы. Можно предположить, что, будучи опубликованным или произнесенным, этот панегирик в форме завещания, оглашенного устами Крупской, подорвал бы монополию партии на Ленина. Этим она заявила бы слишком много прав на него. Это произведение было опубликовано впервые в 1960 году.

Тогда же, на траурном II съезде Советов прозвучало гораздо более камерное, лишенное официальности выступление с нотами интимности: «Товарищи! То, что я буду говорить, меньше всего будет напоминать какую-нибудь парламентскую речь. За эти дни, что я стояла у гроба Владимира Ильича, я передумывала всю его жизнь, и вот что я хочу сказать вам. Сердце его билось горячей любовью ко всем трудящимся, ко всем угнетенным... Товарищи, умер наш любимый Владимир Ильич, умер наш родной...»⁴

После смерти Ленина ей приходилось исполнять отведенную роль. Несмотря на ее позицию в отношении мумификации, она была вынуждена в числе делегатов XIII съезда партии посетить Мавзолей 26 мая 1924 года, чтобы оценить результаты работы медиков по сохранению тела мужа, и подтвердить сходство мумии с обликом живого вождя. Об этом – единственный – упоминает Б.Збарский, но не пишет о ее реакции: «Отзывы делегатов съезда, Надежды Константиновны Крупской и других членов семьи Владимира Ильича вселили в нас уверенность в успехе дальнейшей работы. Я помню, как брат Владимира Ильича, Дмитрий Ильич, на наш вопрос, со-

³ Крупская Н.К. О Ленине / Сб. статей. М., 1960. С. 9.

⁴ Крупская Н.К. Избранные произведения. М., 1988. С. 110.

хранилось ли сходство, ответил нам: «Я сейчас ничего не могу сказать, я сильно взволнован. Он лежит таким, каким я его видел тотчас после смерти»⁵. По-видимому, нелегко было Крупской смириться. Крайне редко, но она все же вынуждена была иногда посещать Мавзолей. Об этом свидетельствовала ее секретарь В.С.Дридзе, всегда сопровождавшая ее при этих визитах. «Ей это было очень тяжело», — рассказывала Вера Соломоновна в интервью со мной.

После смерти Ленина Крупская оказалась в трудном положении, учитывая плохие отношения со Сталиным. Ей приходилось как-то встраиваться в новые структуры власти, в чем-то идти на компромиссы. Мак Нил пишет: «Различные партийные лидеры в борьбе за верховную власть стремились легитимизироваться через приверженность ленинизму. Большой престиж Крупской как ближайшего соратника Ленина мог быть ценным политическим капиталом, и ее одобрение следовало заслужить»⁶. Так, Троцкий широко огласил письмо Крупской, написанное ему в Сухуми, 28 января 1924 года: «Дорогой Лев Давыдович. Я пишу, чтобы рассказать Вам, что приблизительно за месяц до смерти, просматривая Вашу книжку, Владимир Ильич остановился на том месте, где Вы даёте характеристику Маркса и Ленина⁷, и просил меня перечесть ему это место, слушая очень внимательно; потом еще раз просматривал сам. И еще вот что хочу сказать: то отношение, которое сложилось у Владимира Ильича к Вам тогда, когда Вы приезжали к нам в Лондон из Сибири, не изменилось у него до самой смерти. Я желаю Вам, Лев Давыдович, сил и здоровья и крепко обнимаю»⁸. Правда, позже под влиянием изменившихся политических обстоятельств, ей пришлось официально отречься от него в другом письме, помещенном в журнале «Большевик»: «После смерти Ленина все почувствовали себя как-то еще более сплоченными, готовыми до конца довести его дело. Под влиянием такого настроения я и написала тогда письмо Троцкому... Из него нельзя вывести того заключения, что Владимир Ильич считал его своим заместителем»⁹.

⁵ Збарский Б.И. Мавзолей Ленина. М., 1946. с. 49.

⁶ McNeal R.H. Bride of the Revolution. London, 1973. P. 238.

⁷ Речь идет о юбилейной статье Троцкого «Национальное в Ленине» (1920), где автор сопоставил Ленина с Марксом.

⁸ Цит. по: Валентинов Н. Указ. соч. С. 127.

⁹ Большевик. 1925. № 16. С. 5.

В этом случае мы можем видеть, как мнение Ленина, оглашенное Крупской, оказывалось очень весомым козырем в политической борьбе. Да и авторитет самой Крупской как толкователя Ленина имел большое значение во внутрипартийной борьбе. Например, ее участие в оппозиции в 1925 году так оценивалось в письме рабочего Степанова в «Правду», не опубликованном, а отложенном в архив: «Почему я стал оппозиционером? Потому что я вижу, что в оппозиции находятся действительные соратники Ленина — как Зиновьев, Каменев, Крупская, Радек и др. Я думаю, что жена Ленина никогда не пойдет против Ленина, а по-вашему выходит, что она против Ленина. Нет! Этого не может быть. Нет. Это вы против Ленина. Вы хотите уничтожить ленинизм»¹⁰.

Мнение и позиция Крупской, просто в силу ее статуса вдовы основателя большевистской партии, имели исключительный вес и значение. И когда ее позиция начинала расходиться с политикой высшего руководства партии, это логически выдвигало вопрос: кто отступает от ленинизма — руководство или вдова? Руководство в лице Сталина не могло терпеть, чтобы его линия подвергалась сомнению со стороны вдовы вождя, поэтому вполне правдоподобно выглядит партийная байка о том, что недовольный самостоятельной позицией Крупской Сталин, якобы, цыкнул на нее: «Патыше, товарищ Крупская! Вы думаете, если вы — вдова Лэнина, так можете все себе позволить? Если будете себя плохо вести, мы назначим вдовой Лэнина Зэмлячку...»¹¹ Позже Крупская признавалась своей близкой подруге А.И.Радченко: «Травят... Мне не могут простить моей близости к Ильичу»¹².

Известны многочисленные выступления Крупской против крайних форм возвеличивания Ленина. Так, в упомянутом письме в редакцию газеты «Экономическая жизнь», 30 июня 1924 года, «Чем должны быть уголки им. В.И.Ленина» она писала: «Шумное прославление, чрезмерное почитание какого-нибудь революционного деятеля вызывало у Владимира Ильича всегда замечание: "Ну, превращают его в икону". В своей книге "Государство и революция" В.И.Ленин пишет о великих революционерах, что «после их

¹⁰ ЦГАИПД СПб, ф. 16, оп. 1, д. 616, л. 188.

¹¹ Штурман Д., Тиктин С. Советский союз в зеркале политического анекдота. Тель-Авив, 1985.

¹² Руднев Д. Мужество. Н.К.Крупская против диктата Сталина // Коммунист Эстонии. 1988. № 9. С. 79.

смерти делаются попытки превратить их в безвредные иконы». Я думаю, что приведенные цитаты рисуют ясно, чем должны быть уголки им. Ленина: они должны быть направлены не на прославление его имени, а на ознакомление масс с его взглядами»¹³. И далее она подробно наставляет, что следует размещать в таких уголках.

В соответствии с решениями II Всесоюзного съезда Советов, а затем Института Ленина, все, кто близко знал Ленина, работал с ним, обязаны были написать свои воспоминания¹⁴. В 1924 году Н.К.Крупская начала писать свои воспоминания о Ленине. Первые главы она послала «на экспертизу» Сталину. Это выглядит особенно странно ввиду их плохих личных отношений еще со времени болезни Ленина, да и кто из них двоих мог с большим успехом претендовать на статус эксперта? По-видимому, это был вынужденный шаг, продиктованный политической ситуацией и необходимостью встраиваться в изменившиеся структуры высшей власти. В сопроводительной записке Крупская писала: «Тов. Сталин... Посылаю начало своих воспоминаний. Мне трудно решить самой, годятся ли они на что-нибудь, можно ли их печатать. Конечно, близкие люди прочтут с интересом, но это другое дело. Это я написала с маху, и, признаться, не могла перечесать... Я думала сначала, что мне удастся дать рамку жизни и работы Ильича, показать те условия, в которых он работал, те впечатления, которых он набирался. Кажись, не вышло это. Напишите, пожалуйста, что думаете. Простите, что обращаюсь к вам с этой личной просьбой, но я что-то не могу сама решить. Но писать воспоминания я могу только так, [иного. — О.В.] я ничего не помню». Санкция на опубликование была получена — 8 декабря Сталин ответил: «Надежда Константиновна! Прочитал Ваши воспоминания залпом и с удовольствием. Нужно обязательно напечатать, по возможности без изменений...»¹⁵

Конечно, обращение к Сталину за разрешением было не случайным. Слово Крупской в происходившей внутривластной борьбе было весомым, а написание биографии было политическим актом государственного значения. Именно из-за этого, вероятно, работа Крупской над «Воспоминаниями» шла очень медленно и трудно для нее, на что она часто жаловалась.

¹³ Крупская Н.К. Педагогические сочинения в 10 т. Т. 8. С. 119.

¹⁴ Институт Ленина при ЦК РКП(б): Отчет XIV партийному съезду. М, 1925. С. 71.

¹⁵ РГАСПИ, ф. 12, оп. 2, д. 41, л. 1, 1 об., 3.

О том, что Крупская не была полновластна над своими воспоминаниями, говорит то, что она узнала об их выходе в свет случайно. Об этом вспоминала А.И.Радченко: «Она: «Где же это вы их [начало воспоминаний. — О.В.] читали? Ведь они еще не напечатаны!» Я: «Как же! Уже на улице продаются». Она, возмущенная: «Как же они посмели их издать без моего согласия, когда я их просила мне дать срок для доработки их!»¹⁶

Хотя «Воспоминания» Крупской и оценивались Центральным комитетом «в качестве основной работы по биографии Ленина»¹⁷, они неоднократно подвергались партийной критике — и дружеской, и официальной. В 1930 году в ответе на замечание М.С.Ольминского, что рассказ о встречах Ленина с Гапоном позорит имя Ленина, она писала: «Я не могу согласиться с общей Вашей оценкой воспоминаний, что они компрометируют память Ленина... Я просто не стану переделывать так, как мне скажут, если не буду согласна»¹⁸.

Однако жизнь заставляла ее идти на компромиссы. Так, Крупская под нажимом Партиздата вынуждена была изменить первоначально указанную ею сентябрьскую дату возвращения Ленина в Петроград из Финляндии в 1917 году на дату 7 октября, которая опосредованно усиливала роль и влияние Сталина на процесс подготовки вооруженного восстания в Петрограде. Тогда Крупская смирилась: «Раз настаивают на сроке 7 октября, то она его и напишет, а потом историки разберутся»¹⁹.

В 1934 году рецензия Поспелова в «Правде» на очередной выпуск воспоминаний обвиняла Крупскую в искажении истории партии, биографии Ленина и явно была направлена на «отлучение» Крупской от Ленина. Роль толкователя и наследника предназначалась отнюдь не вдове, а «верному ученику» — Сталину. Поэтому и выход ее воспоминаний был поводом для политической борьбы.

¹⁶ Неделя. 1964. № 38.

¹⁷ Протокол № 49 Заседания Секретариата ЦК РКПб от 19 февраля 1925 г.: «Просить Н.К.Крупскую продолжить свои записи и написать воспоминания о Владимире Ильиче в качестве основной работы по биографии Владимира Ильича». (РГАСПИ, ф. 17, оп. 3, д. 486, л. 4).

¹⁸ РГАСПИ, ф. 91, оп. 1, д. 281, л. 7.

¹⁹ Боброва Е.К. Указ. соч. С. 185.

Долгие годы Крупская являлась требовательным экспертом мемуарной и биографической литературы о В.И. Ленине. Работая в Институте Ленина и Истпарте, она получала на просмотр готовившуюся к изданию литературу о Ленине. Известны ее протесты против фальсификаций. Однако, как мы видели, сама она не могла избежать давления политических обстоятельств, воздействовавших на всех пишущих о Ленине. В конце 30-х годов и ей приходилось отдавать дань здравницам в честь Сталина: «Когда Ленин умер, его дело было продолжено его ближайшим помощником во всем тов. Сталиным»²⁰

В.С. Дридзо вспоминала, что «Надежду Константиновну всегда особенно возмущали нравоучения и слащавость в рассказах о Ленине для детей. Как-то ей прислали на просмотр рассказ, в котором говорилось, что дедушка Ленин велел всем детям учиться, учиться и каждый день чистить зубы. Эта фраза стала у Надежды Константиновны нарицательной, и когда она получала на просмотр какую-нибудь работу о Владимире Ильиче, то всегда говорила: «Если там опять дедушка Ленин велел детям каждый день чистить зубы, я и читать не буду»²¹. Однако ее собственные бесчисленные статьи «Ленин и трудящаяся женщина», «Ленин об изучении иностранных языков», «Ленин о детском питании», «Ленин о коммунистической морали» и так далее, и тому подобное, формировали образ мудрого, всезнающего учителя, друга детей и трудящихся женщин.

На первый взгляд ее позиция кажется противоречивой. С одной стороны, она возражала против культовых проявлений, с другой стороны, своими статьями, воспоминаниями, наставлениями, как показывать образ Ленина в музеях, артистам в кино, в изобразительном искусстве, в ленинских уголках, она, несомненно, способствовала его идеализации. Конечно, вдова не могла быть беспристрастной, да и атмосфера всеохватывающего культа оказывала свое влияние и на нее. Но в главном, в основе ее позиции, на взгляд автора, лежало стремление утвердить права на образ Ленина. Крупская ощущала свое право на трактовку и защиту его образа, свою обязанность исполнять роль высшего хранителя, эксперта по Ленину. Это было базой ее жизненно-го и социального статуса, это же заставляло ее оспаривать претензии других

²⁰ Крупская Н.К. Избранные педагогические сочинения. М., 1955. С. 708.

²¹ Дридзо В.С. Н.К.Крупская. М., 1958. С.69.

на это. Да, ей претили такие меры, как бальзамирование, но не надо забывать, что она принадлежала к тому поколению русских революционеров, которое провозгласило «Партия всегда права». Крупская говорила близкой подруге А.И.Радченко: «Вы все забываете, что я казенный человек, что я иду туда, куда меня посылает партия, что я не могу делать просто, что моя нога захочет»²². Большевистский принцип приоритета общественного над личным был трансформирован в ленинский завет: «приносить в жертву интересам класса все личное...»²³ Большевики исповедовали систему нравственных ценностей, которая наивысшим принципом ставила принцип полезности, «революционной целесообразности». Согласно воспоминаниям, Ленин говорил: «Морали в политике нет, а есть только целесообразность»²⁴. Этот принцип, обоснованный еще в нечаевском²⁵ «Катехизисе революционера», определял отношение к себе и к своим товарищам, в том числе и к лидеру, как к партийному имуществу. «Мера дружбы, преданности товарищам определяется единственно степенью полезности в деле революции... На себя он [революционер. – О.В.] смотрит, как на капитал, обреченный на трату для торжества революционного дела, только как на такой капитал, которым он сам и один, без согласия всего товарищества... распоряжаться не может»²⁶. Этот взгляд на себя и на соратников по борьбе был характерен для большевиков – дело, партия, революция, идея – превыше всего, человек – лишь материал. Такова была основа большевистской этики, в которой идеи революционеров-предшественников переплетались с низкой ценностью человеческой личности, свойственной общинной ментальности.

Г.Е.Зиновьев в письме к Н.К.Крупской писал в 1916 году: «Вы сами говорили, что здоровье Ильича неважно, да и Вам нынешний образ жизни

²² Фонды ГМ ПИР, ф. 2, дело Н.К.Крупской, воспоминания А.И.Радченко, с. 14.

²³ Речь М.Томского на траурном заседании II съезда Советов СССР (У Великой могилы. М., 1924. С. 101).

²⁴ Воспоминания о Ленине. 1990. Т. 5. С. 166. По мемуарам о Ленине рассеяны множество свидетельств о такой нравственной позиции Ленина: «Как он ни любил Плеханова или Мартова, он политически порвал с ними... когда это нужно было для дела» (Крупская Н.К. О Владимире Ильиче // Правда. 1924. 11 апреля).

²⁵ С.Г.Нечаев (1847-1882) организатор тайного революционного общества «Народная расправа». Допускал и обосновывал применение в революционной борьбе таких методов, как обман, провокация, круговая порука. В 1869 году в Москве убил по подозрению в предательстве студента И.И.Иванова.

²⁶ Борьба классов. 1924. № 1-2. С. 268.

вреден. Позвольте же употребить Ваш же с Ильичом излюбленный оборот: надо щадить партийное имущество. Один разочек приложите это к себе. Нечего чрезмерно скромничать: мы хорошо знаем, что Вы с Ильичом – самое драгоценное из нашего «партийного имущества»²⁷.

Ленин в 1919 году предписывал А.Д.Цюрупе беречь здоровье, как «партийное имущество»²⁸. «Нравственным капиталом госаппарата» назвал Ленина и Троцкий в 1923 году²⁹. С противоположных нравственных позиций характеризовал этические установки коммунистов в письме к Г.Е.Зиновьеву рядовой рабочий в 1924 году, сообщая о мошенничествах коммунистов при выборах. «Это вошло в психологию большинства членов партии, вероятно, оправдывающих свои нечестивые поступки, как мне уже приходилось слышать от некоторых из них, что цель оправдывает средства... Не мешало бы издать на эту тему специальный циркуляр ЦК и брошюры, написанные самыми видными членами ЦК»³⁰. Примеры можно продолжать.

Таковыми этическими установками – допустимость любых средств в достижении революционных целей, утилитарное отношение к человеческой личности, признание за партией монополии на истину – можно объяснить позицию близких Ленину людей и Н.К.Крупской при реализации культовых мероприятий, с которыми сами они не были согласны. Понятные сомнения преодолевались и отодвигались, как это было, например, при решении вопроса о бальзамировании и выставлении в Мавзолее тела Ленина. Вспомним объяснения В.Д.Бонч-Бруевича: «Идея сохранения облика Владимира Ильича столь захватила всех, что была признана крайне необходимой, нужной для миллионов пролетариата, и всем стало казаться, что всякие личные соображения, всякие сомнения нужно оставить и присоединиться к общему желанию»³¹. Крайние проявления культа, такие как «мавзолеизация», повсеместные переименования, чрезмерные восхваления, вызывавшие понятные, в общем-то, сомнения и протесты, находили оправдания в признании их «полезности» для высшей цели – воспитания трудящихся «в духе верности коммунистическим идеалам». Именно этот мотив, по-видимому, служил

²⁷ Цит. по статье Бобровой Е.К. // Ленинградская правда. 1991. 19 января.

²⁸ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 50. С. 259.

²⁹ Луначарский А., Радек К, Троцкий Л. Силуэты... С. 119.

³⁰ ЦГАИПД СПб, ф. 16, оп. 1, д. 593, л. 64.

³¹ Бонч-Бруевич В.Д. Указ. соч. С. 435.

основанием для развития и постепенного изменения позиции Крупской в 30-е годы.

На закате жизни Крупская активно участвует в пропаганде образа Ленина, его учения, жизни и деятельности. Она выступает в ленинские дни, приуроченные ко дню рождения и дате смерти вождя, продолжает написание воспоминаний и многочисленных нравоучительных статей «Ленин о ...», участвует в выяснении и уточнении памятных ленинских мест. То есть продолжает исполнять роль эксперта по запечатлению образа Ленина в эпистолярном жанре, в художественной сфере, а также и в музейном деле.

В специальной статье «Отношение Ленина к музеям» она засвидетельствовала, что «приветствовал бы он и устройство музеев революции»³². Неоднократно музейные работники Москвы, Ленинграда, Пскова, Уфы, Шушенского обращались к Крупской за консультациями, помощью и получали от нее письма, советы и даже экспонаты. А.И.Радченко вспоминала, что Крупская с большим вниманием относилась к восстановлению ленинских мемориальных квартир и, если не могла помочь сама, называла тех, кто мог дать необходимые сведения, и привлекала их к работе³³. Ее участие в восстановлении мемориальной обстановки в местах, где они жили вместе с Лениным, и ее одобрение этой работы имело особую ценность для музейных работников. Увековечение «священных» для новой государственной религии мест, где ступала нога вождя, уже не казалось ей чрезмерным. Она содействовала поиску и уточнению и ленинских адресов, что также было одним из направлений увековечения памяти вождя.

Активно участвовала Н.К.Крупская в подготовке к открытию Центрального музея Ленина, созданного по решению ЦК от 29 сентября 1935 года. Она передала туда многие документы и экспонаты, помогала в поиске и пополнении коллекций музея ленинскими «реликвиями». Художница С.Виноградова вспоминала, с каким чувством хозяйки относилась Н.К.Крупская к музею: «Пойдем завтра вместе со мной в музей к Ильичу». Музей В.И.Ленина тогда еще не был открыт для посетителей. Пустовали многие стенды, не завершены были многие экспозиции. Для Н. К. эти залы

³² Советский музей. 1934. № 1.

³³ Фонды ГМ ПИР, ф. 2, дело Н.К.Крупской, Воспоминания А.И.Радченко, с. 14-15.

были родным домом. Она знала там каждую книгу, каждое письмо, каждый листик рукописи»³⁴.

Многолетнее сотрудничество с музеями было обобщено Н.К.Крупской в статье «Музей Ленина и его филиалы», написанной в 1938 году. На примерах Центрального, Ленинградского, Ульяновского филиалов, музея в Шушенском она оценивала их деятельность по восстановлению мемориальной обстановки, художественное оформление музеев, роль экскурсоводов: «Музей Ленина и его филиалы должны быть очагами пропаганды ленинизма».

Надо признать, что эксперт, который призван был поставить резолюцию «верно», в тридцатые годы часто поддавался сиюминутной политической конъюнктуре и ставил эту резолюцию на далеких от исторической правды произведениях. Так, в указанной статье Крупская называет очень удачной картину М.Соколова, помещенную в музей. Последняя представляла собой образец пропагандистского искусства, средство сотворения государственного мифа. Картина «Приезд Ленина из второй эмиграции» (1936) изображает Ленина, сходящего со ступенек поезда, а за его спиной, выше на ступеньках, стоит Сталин, и приветствия встречающей толпы предназначены, как можно думать, им обоим (см. иллюстрацию). В этой же статье Н.К.Крупская вкладывает в уста Ленина знаменитое положение Сталина об усилении классовой борьбы с переходом к социалистическому строительству, которое служило тогда обоснованием для террора в стране.

На примере Крупской мы можем видеть процесс развития сознания от протестов против чрезмерного возвеличивания Ленина, через претензию на владение его образом, к прославлению его имени, и даже включению его культа в культ Сталина.

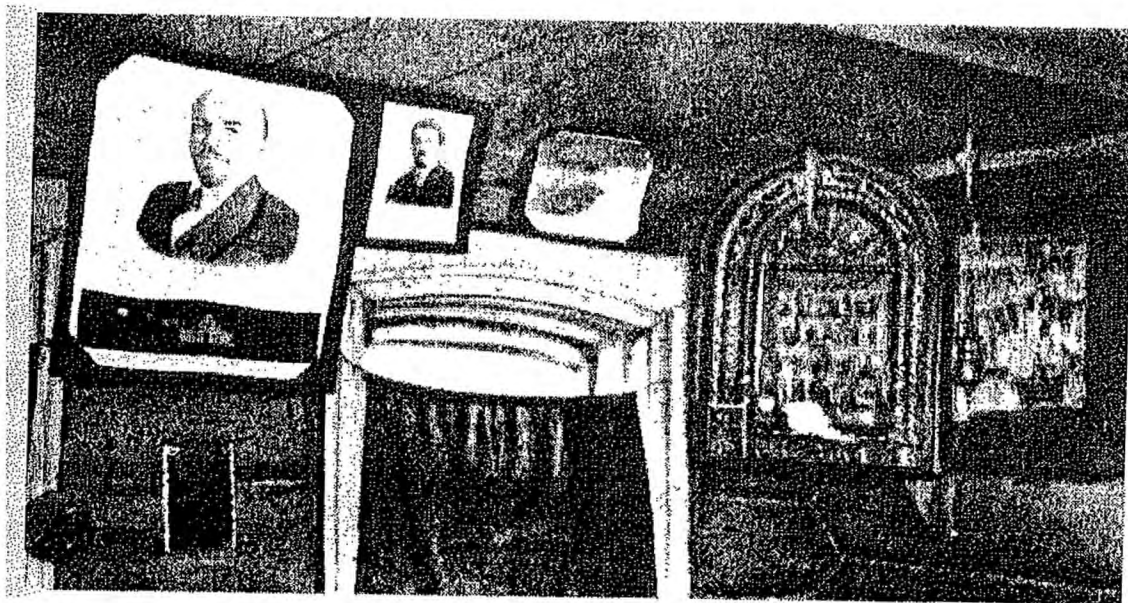
³⁴ Ленинградская правда. 1969. 26 февраля.

1. Фотография картины Л. Чупятова «В.И. Ленин», 1919. Предположительно картина выставлялась на выставке «Великая русская революция» в 1919 году. Фонды ГМПИР СПб, ф. 4, всп., № 3168.

2. Траурная демонстрация в Петрограде на площади Жертв Революции (Марсовом поле) в день похорон В.И. Ленина 27 января 1924 года. Фонды ГМПИР СПб, ф.9, № 7756.

3. Портреты В. И. Ленина и А. И. Рыкова в красном углу крестьянской избы рядом с иконами. Прожектор, 1925, № 20, с.7.

4. Медальон с рисованным портретом Ленина. 20-е годы. Золото. Фонды ГМПИР СПб, ф.1, № 5242.

5. Пачка папірос «Ильич». 20-е годы. Фонды ГМПИР
СПб, ф.1, № 3504.

6. Головной платок, изготовленный Государственным Владимиро-Александровским Трестом хлопчатобумажных фабрик для Первого Всесоюзного учительского съезда в Москве в январе 1925 года. В центре изображение В. И. Ленина, по углам – К. Маркса, Ф. Энгельса, М. Калинина и одно изображение вырезано, по-видимому, Л. Троцкого. Х/б. Фонды ГМПИР СПб, ф.1, № 4730.

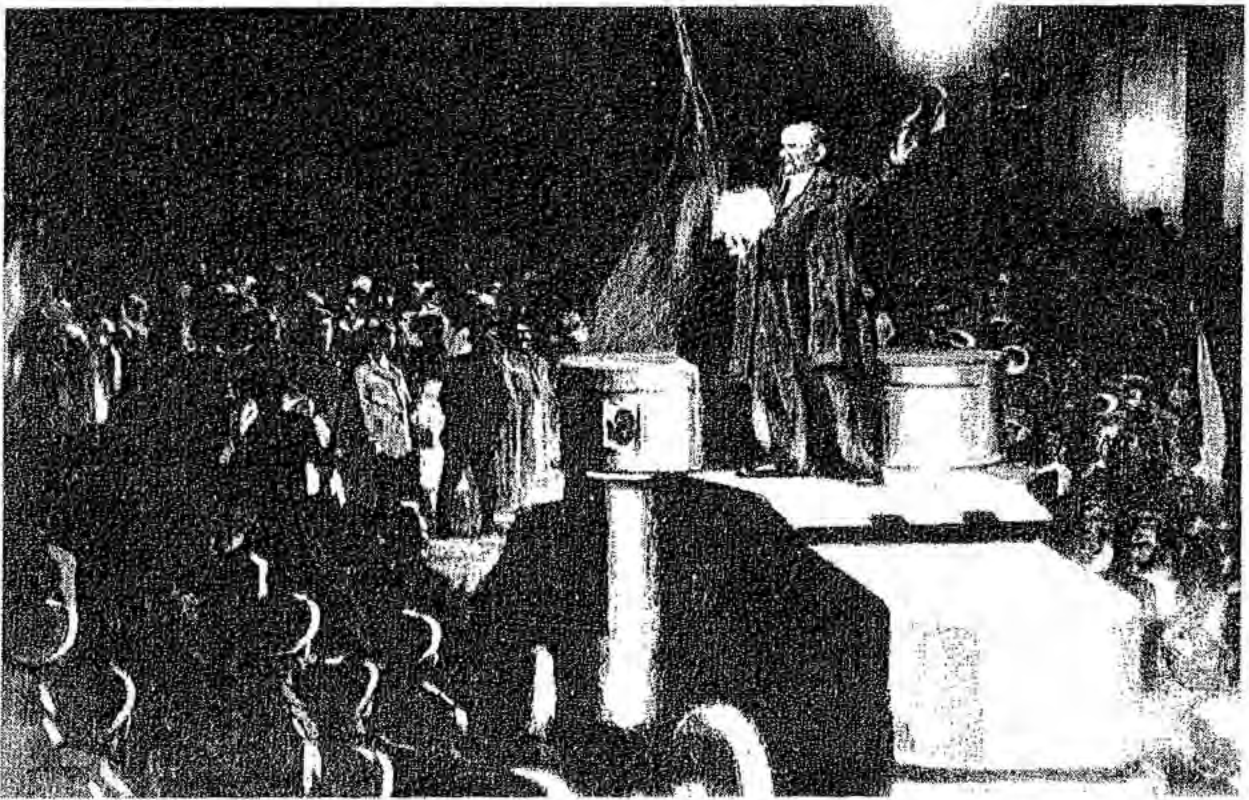
7. Чайные стаканы Ленинградского фарфорового завода с изображением В. И. Ленина по рисунку С. Чехонина. 20-е годы. Надпись «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», Фонды ГМПИР СПб, ф.1, № 22, 23,176.

8. Плакат «Октябрята», худ. Струнников Н., М.-Л., 1931. Фонды ГМПИР СПб, ф.5, № 3778.

9. Приезд В. И. Ленина в Петроград 16 (3) апреля 1917 года, худ. Соколов М.Г., х.,м., 1936. Из фондов СПб ИММ Смольный.

10. Фотография картины неизвестного художника «Приезд В. И. Ленина в Петроград». До 1932 года. Фонды ГМПИР СПб, ф. 4, всп., № 3141/1. Ленин изображен со шляпой в руке и цветами.

11. «Совещание у В. И. Ленина. 1918 г.», худ. Павлов Н.А., литография, 1938. Из фондов СПб ИММ Смольный.

12. «Ильич с девочкой», худ. *Боровский В.*, литография, 1970. Фонды ГМПИР СПб, ф.4, № 1776.

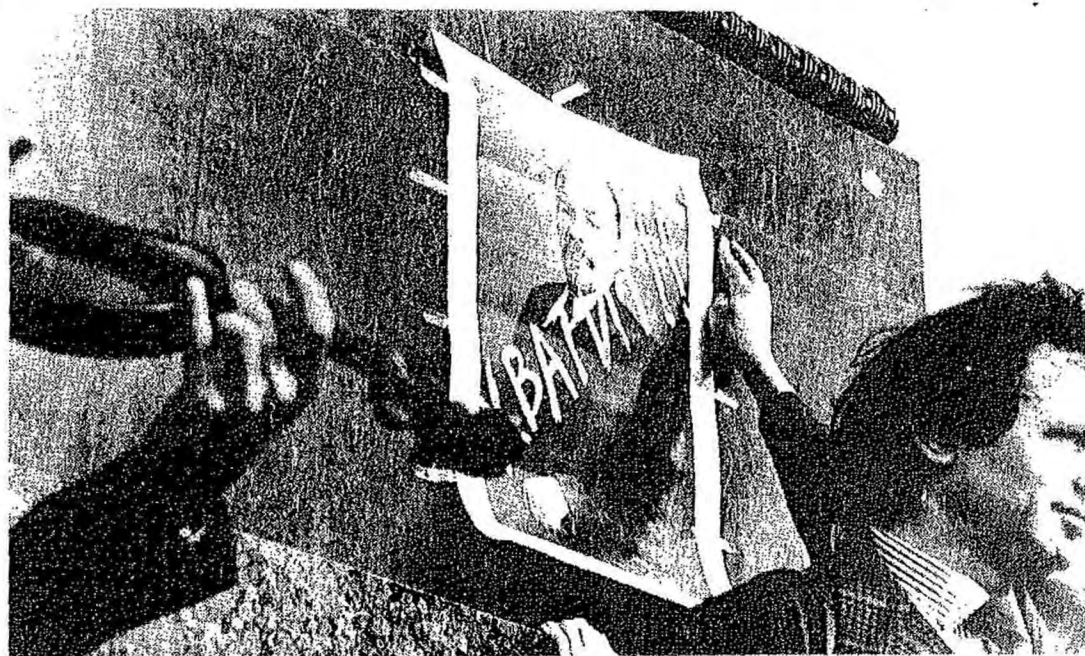
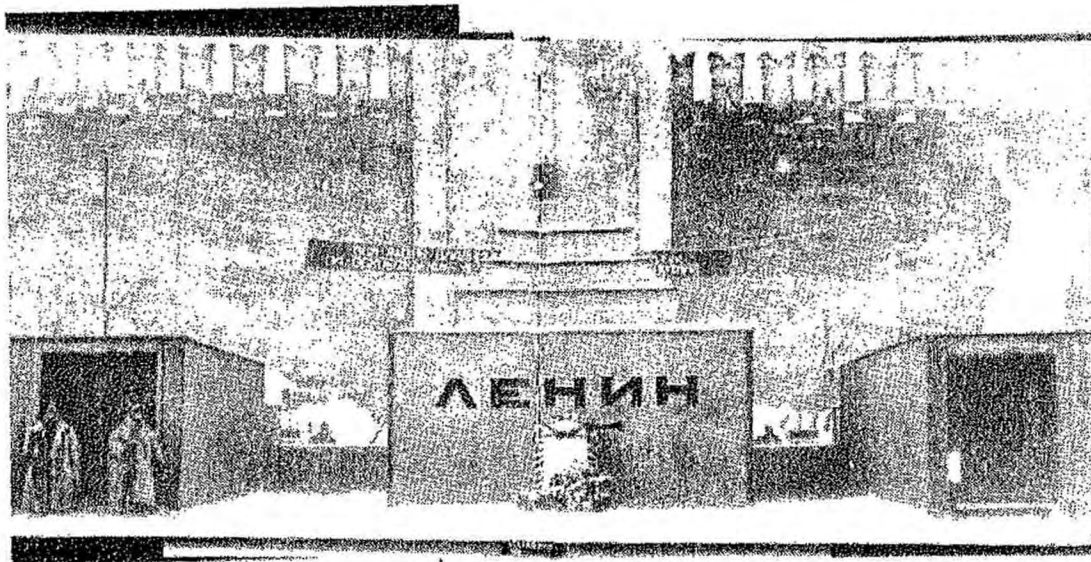
13. Плакат «1985», худ. Жуков В. Tradition and Revolution in Russian Art. Catalogue of the Lin Manchester Exhibition. Manchester, 1990. p. 156.

14. Митинг 9 сентября 1990 на Дворцовой площади о переименовании Ленинграда. Фонды ГМПИР СПб.

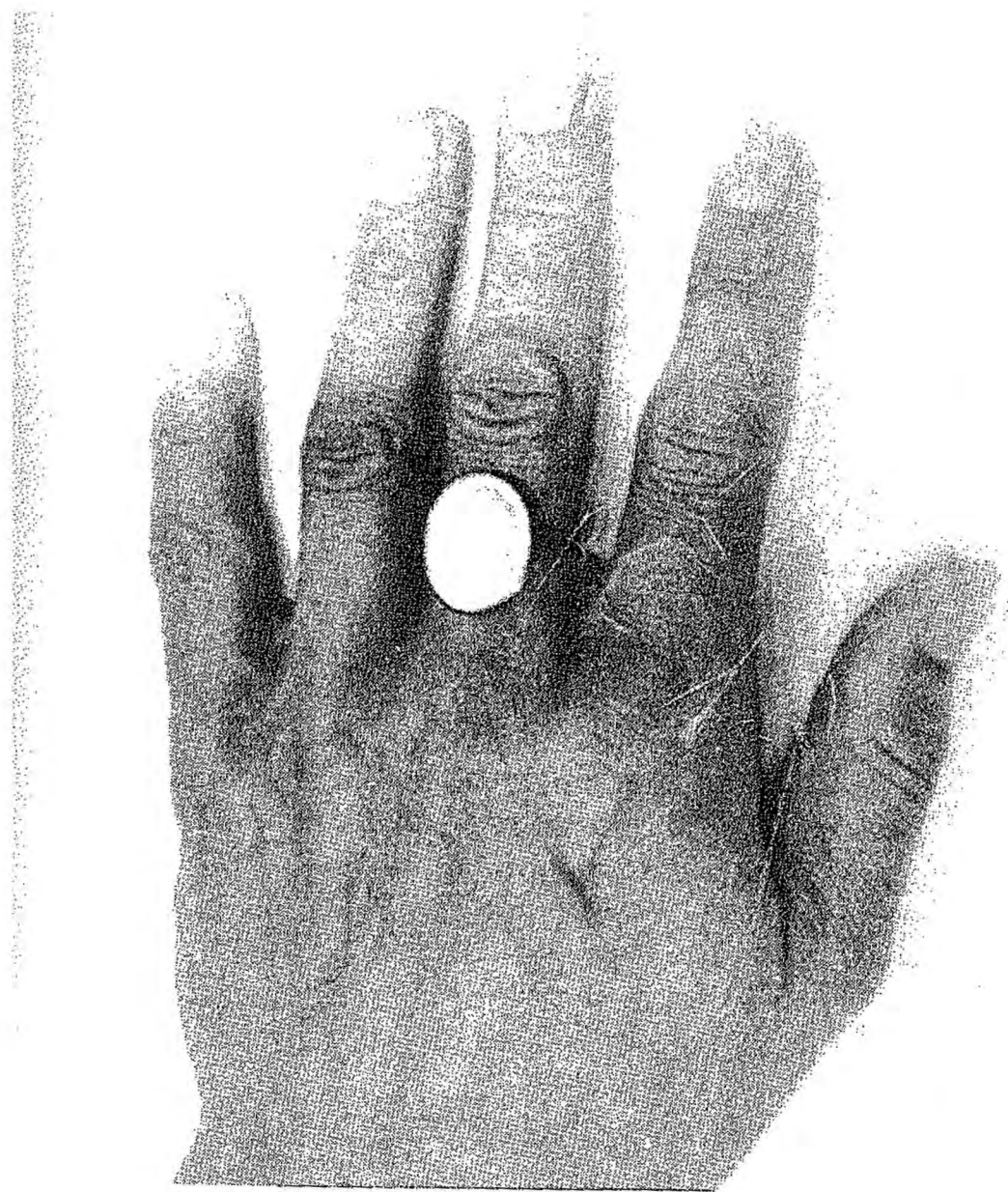
15. Митинг 9 сентября 1990 на Дворцовой площади о переименовании Ленинграда. Фонды ГМПИР СПб.

16. Фото для обложки:

Первый деревянный мавзолей Ленина. Март 1924 г.

Митинг 9 сентября 1990 года на Дворцовой площади о переименовании Ленинграда. Из фондов ГМ ПИР СПб.

17. Перстень с изображением Ленина. 1920-е годы. Из фондов ГМ ПИР СПб.(запасная)

Культ Ленина в музеях

Исследователи культа Ленина до сих пор не касались истории музеев Ленина, их роли во внедрении государственного культа в сознание граждан. А ведь их участие в пропаганде необходимого власти образа вождя было очень активным. Их число в конце 80-х годов достигало пятидесяти двух. В развитии ленинского культа на протяжении шестидесяти лет – с 20-х до 80-х годов – музеи играли все более и более заметную роль. В них вкладывались огромные средства. Через их залы проходили миллионы советских граждан.

Создание государственного, а тем более имперского мифа предполагает структурирование пространства и выделение в нем сакральных для государства локусов¹. Как в дореволюционной России такими святыми местами, пунктами паломничества были монастыри, так в советской России их функцию выполняли музеи Ленина и музеи революции. Если места захоронений борцов за революцию и Мавзолей представляли собой естественную точку преломления коллективной памяти, то музеи являлись искусственно сконструированными святыми местами.

Идея создания музея Ленина возникла в 1920 году. Постановлением СНК от 25 сентября 1920 года была учреждена Комиссия для собирания и изучения материалов по истории Октябрьской революции и истории Российской Коммунистической партии, которая стала известна как Истпарт. 20 октября 1920 года было принято обращение к членам партии, в котором Комиссия призывала собирать и хранить все, «в чем проявилась личность тов. Ленина – в партии, в государственной жизни, в отношении к среде». Комиссия постановила сразу же приступить к собиранию материалов и организа-

¹ Кулешов Е.В. «Святое место» и государственный миф // Материалы Всероссийской конференции института этнографии «Мифология и фольклор». СПб., 1999. С. 384.

ции музея Ленина. 29 октября из Истпарта в Петроградское бюро было направлено указание: «Истпарт постановил взять в свои руки зачатки "Музея Ленина", основанного при Московском Совете рабочих и Крестьянских депутатов. Образована особая подкомиссия, куда вошли М. С. Ольминский, В.В. Адоратский, сестры Ленина – М. И. Ульянова и А. И. Ульянова и некоторые другие товарищи. Получено согласие на отвод под музей наиболее подходящих комнат Большого Кремлевского дворца. Надеемся, что Вы со своей стороны приложите все усилия к скорейшему сосредоточению в этом музее всякого и всяческого материала, касающегося личности тов. Ленина, его политической и литературной работы, а также того, что характеризует отношение к нему его друзей и врагов»².

Идея музея встретила категорическое возражение самого Ленина. Председатель Истпарта М.С.Ольминский вспоминал по этому поводу, что, когда он рассказал о создании музея Владимиру Ильичу, тот пришел в сильное волнение и стал говорить, что это в высшей степени «неприлично» и надо прекратить. Он буквально кипел, ни о каком музее своего имени слышать не хотел, а Ольминскому с огорчением сказал: «Вы не можете представить себе, до какой степени неприятно мне это постоянное выдвигание моей личности»³. Тогда проект осуществлен не был. Однако идея продолжала витать в воздухе.

Еще одна попытка организации музея Ленина имела место в рамках Института Ленина как одно из направлений его деятельности, наряду с формированием архива ленинских рукописей и библиотеки. Как следует из протокола заседания Совета Института от 11 ноября 1923 года, там собирали фотографии, киноматериалы, подарки Ленину и т. д.⁴ Сбор музейных материалов о Ленине проводился и для выставки Истпарта, посвященной истории РКП(б), открытой к X съезду Партии в марте 1921 года.

Началом музейного увековечения памяти Ленина можно считать создание отдела «Памяти Ленина» в Государственном музее Революции в Петрограде в траурные дни 1924 года. В предыдущих главах упоминался «Уголок Ленина» на Сельскохозяйственной выставке в Москве и «Уголок Лени-

² РГАСПИ, ф. 70, оп. 2, д. 206, л. 63.

³ Лежжава О., Нелидов Н. М.С.Ольминский: жизнь и деятельность. М., 1973. С. 209.

⁴ РГАСПИ, ф. 12, оп. 2, д. 187, л. 2, 4.

на» в особняке Кшесинской в Петрограде. Музейный «Уголок Ленина» сначала создавался как временная выставка, но вскоре приобрел статус отдела музея. Таким образом, музей Революции стал одним из плацдармов траурной кампании в Ленинграде. «Зал памяти Ленина», как он стал называться, в эти дни не мог принять всех желающих – так их было много⁵. За два месяца его посетили 340 групп. Музей помогал предприятиям организовывать Ленинские уголки.

Однако комплектование коллекции о Ленине в музее Революции вступило в противоречие с директивой ЦК о концентрации ленинских материалов в Институте Ленина от 29 января 1924 года. В те дни музей Революции обратился к организациям города с предложением направить в музей лозунги, знамена, портреты – все материалы, связанные с именем Ленина. Ленинградцы откликнулись на призыв музея, и траурные материалы пополнили памятный зал, а также были помещены в комнате Смольного, где Ленин жил в 1917 году. Одновременно музей просит Губком партии поддержать его ходатайство в Институт Ленина о предоставлении ему права хранить подлинные документы и ленинские реликвии, и, более того, передать музею из Института ряд материалов о Ленине, которые могут быть там заменены копиями. «Нельзя... упускать из виду, что Ленинград не так себе, не зря носит имя Ленина, что и здесь должна быть достаточным образом выявлена личность и историческая роль вождя мировой революции... Музеем Революции, призванному служить художественно-историческим памятником т. Ленину, необходимо располагать некоторым количеством подлинных документов и реликвий»⁶, – писал руководитель музея. Завязывается оживленная эпистолярная дискуссия. Однако несмотря на то, что притязания музея были поддержаны Наркомпросом, Институт настаивал на своей монополии⁷. Он настойчиво требовал некоторые экспонаты, собранные музеем Революции. Этим было положено начало бесконечному процессу «выкачивания» собираемых на местах экспонатов в центр. Идеологические соображения, узурпация властью права на информацию, в данном случае – на образ Лени-

⁵ Великанова О.В. Зал памяти Ленина // Диалог (Ленинград). 1989. № 11. С. 17-20.

⁶ ЦГАИПД СПб, ф. 16, оп. 1, д. 526, л. 24.

⁷ РГАСПИ, ф. 347, оп. 1, д. 28, л. 93, 103, 123, 131, 159, 160, 166.

на – одержали верх в борьбе с устоявшимися принципами научного сбора исторической информации и музейного комплектования.

В музейной «лениниане» двадцатые годы были, в основном, этапом ленинских уголков. И уровень этого этапа можно назвать кустарным. Следующий этап можно назвать «мемориальным».

С 1926 года музей Революции развернул активную работу по увековечению мест жизни Ленина. Социалистический миф нуждался в «местах памяти» как опорных пунктах по вовлечению публики в ритуал. Уже к 10 годовщине революции были открыты мемориальные музеи в комнате в Смольном, где Ленин жил в первые месяцы после победы восстания, и в квартире Елизаровых на Широкой улице, где он нашел пристанище у сестры в апреле-июле 1917 года. В восстановлении этих объектов активно участвовали сестры Ленина и Н.К.Крупская⁸. Последнему обстоятельству придавалось особое значение как с точки зрения точности воспроизведения обстановки, так и с точки зрения причастности к миру богоподобного вождя.

В двадцатые годы несколько музеев было создано в местах жизни Ленина: в Симбирске, где он родился, в Самаре, в Шушенском – месте ссылки, в Разливе под Ленинградом, где он скрывался летом 1917 года. Особенностью этого периода увековечения было то, что рассказ о Ленине давался в контексте истории революции или истории партии. Примечательно то, что в двадцатые годы, которые можно назвать кульминацией ленинского культа, все же не был создан музей Ленина, несмотря на то, что мысль об этом была высказана. Выделение музеев Ленина в самостоятельные музеи произошло позже – в тридцатые годы.

Музеи Ленина с момента своего образования заняли совершенно особое, привилегированное место в сети других музеев. Если историко-революционные музеи по мере своего развития в 20-30-е годы постепенно из исторических все более превращались в политические и пропагандистские, то музеи Ленина сразу же создавались как партийные пропагандистские центры.

⁸ Подробнее об этом см.: Великанова О.В. Свидетельства Н.К.Крупской и родных В.И.Ленина как источник при создании ленинских мемориальных музеев в Ленинграде // Лениниана. Продолжение поиска. Сб. Л., 1987, С. 253-262.

Во-первых, они создавались по приказу «сверху», хотя решение и украшалось демагогическими ссылками на пожелания трудящихся. Во-вторых, их коллекции составлялись в основной части за счет директивного изъятия из других музеев и хранилищ. В-третьих, музеи Ленина подчинялись непосредственно партийному руководству: Центральный музей Ленина подчинялся Центральному Комитету, а филиалы – обкомам партии на местах. Это предопределяло формирование кадров музеев – они входили в партийную номенклатуру. «Проверенные» люди приходили из партийных органов или даже из органов безопасности. Музеи не были стеснены в средствах. В силу этих причин история и политика Коммунистической партии непосредственно, без промежуточных звеньев отражалась в деятельности и экспозициях этих музеев.

29 сентября 1935 года ЦК ВКП(б) принял решение организовать в Москве Центральный музей Ленина и «сосредоточить в нем все экспонаты, разбросанные по различным другим музеям»⁹. Кадры для музея – «квалифицированных партийных работников» – было поручено подобрать будущему наркому внутренних дел Н.И.Ежову. Предполагалось сразу же начать подготовку к открытию филиалов музея в Ленинграде, Киеве и Тифлисе.

Инструментом формирования коллекций стало еще одно постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 27 сентября 1935 года о сосредоточении в музее всех экспонатов, связанных с жизнью и деятельностью Владимира Ильича Ленина. Опираясь на это решение, музей Ленина проводит директивные массовые изъятия целых комплексов материалов из архивных и музейных хранилищ¹⁰. Постепенно организуется движение материалов в центростремительном направлении. Местный музей, архив или исследователь выявлял какой-нибудь документ или реликвию, в той или иной степени связанную с Лениным. Узнав об этом, ее немедленно требовал местный музей Ленина, а у того, в свою очередь, ее забирал Центральный музей Ленина. Из-за этого местные историко-революционные музеи и музеи Ленина строились в большинстве своем на вторичных, копийных или тиражированных материалах.

⁹ РГАСПИ, ф. 17, оп. 3, д. 971, л. 72.

¹⁰ Архив ГМ ПИР СПб, д. 3.

Вся система музеев Ленина была организована строго централизованно. Все изменения в экспозициях производились только с ведома и согласия Центрального музея. С открытием в 1937 году Ленинградского филиала под его руководством были сконцентрированы все мемориальные музеи Ленина в Ленинграде, как уже действовавшие, так и те, где велась подготовительная работа. В 1938 году в Ленинграде открылись 5 мемориальных музеев Ленина.

Самое непосредственное влияние на эти музеи оказало появление в 1938 году «Краткого курса ВКП(б)». В «Кратком курсе» была воплощена сталинская концепция истории партии, называемая тогда ленинской концепцией, суть которой сводилась к тому, что цели и задачи Коммунистической партии совпадают с общим направлением исторического прогресса, и, таким образом, в ней явлена истина раз и навсегда. Претензия на то, что партия владеет конечной истиной, открывала путь для возвышения до богоподобных размеров глашатаев этой истины – Ленина и Сталина.

Экспозиции как музеев Ленина, так и музеев революции, были перестроены по схеме «Краткого курса». Отделы музеев строились в соответствии с главами «священной книги», не допускались даже малейшие отклонения. В результате к концу 30-х годов существовало множество совершенно одинаковых музеев, и встал вопрос о закрытии некоторых из них. Так монополия на историческую мысль привела в тупик.

Складывающаяся концепция истории партии, далекая от реальности, не могла быть отражена в экспозициях подлинными экспонатами, так как они противоречили друг другу – историческая реальность и государственный миф. Бесчисленные комиссии, проверявшие тогда историко-революционные музеи и их «идеологическую выдержанность», требовали изъятия подлинных экспонатов, фотографий и документов. Провалы в исторической картине призвано было заполнить искусство. И здесь оно действительно было незаменимо, так как прямо воздействовало на эмоции, представляло конкретные образы, необходимые для создания мифа.

В конце тридцатых годов залы музеев вместо подлинных экспонатов наполняются картинами, скульптурами, макетами, выполненными по заказу музеев, перед которыми стояла задача представить государственный миф в зримой и убедительной форме. Художников призывали отливать в бронзе,

лепить, запечатлевать на художественных полотнах гигантские фигуры вождей, чтобы таким образом сохранить их образы для потомков¹¹. Народный художник СССР А.Герасимов, имевший статус официального патриарха в живописи, наставлял своих учеников: «Задача создания образов Ленина и Сталина – гениев, создателей социализма и их ближайших соратников – одна из самых ответственных творческих задач, когда-либо стоявших перед искусством»¹².

Откликаясь на эти требования, советское искусство превратилось в один из послушных инструментов в создании культа вождей, как замечал исследователь «тоталитарного искусства» И.Голомсток¹³. Эти призывы находили и материальное подкрепление. Идеологические сюжеты оплачивались по более высоким расценкам, в несколько раз большим, чем аполитичные пейзажи и натюрморты¹⁴.

Строгие каноны живописания вождей предписывали несколько ипостасей образа Ленина в произведениях искусства. Игорь Голомсток различает следующие. Во-первых, Ленин – вождь, когда лик его служит как символ, некая абстракция, весьма удаленная от исторической личности. Во-вторых, вдохновитель и организатор побед. Цель этого образа, часто воплощенного в характерном указующем жесте рукой, – мобилизовать, заряжать энергией зрителя. Именно эта ипостась воплощена в многочисленных памятниках. В-третьих, Ленин как мудрый учитель. Образ мыслителя за рабочим столом или Учителя, выступающего перед соратниками, призван был возбуждать веру в правильность его учения. В-четвертых, Ленин как человек, лучший друг детей, трудящихся женщин, колхозников, спортсменов и т.д. Этот образ апеллировал к простым человеческим чувствам. Низводя фигуру гениального вождя с горних высот, он вместе с тем приближал его к зрителю, делал его понятнее и роднее. Эти ипостаси образа Ленина присутствовали, конечно, не только в искусстве, но и других сферах – в пропаганде, в науке и т.д. Уже упоминались многочисленные статьи Крупской, в которых рисовался образ всезнающего Учителя или «самого человеческого человека».

¹¹ Искусство, 1937. № 6. С. 60.

¹² Герасимов А. За социалистический реализм. М., 1952. С. 116.

¹³ Golomstock I. Totalitarian Arts in the Soviet Union, the Third Reich, Fascist Italy and the People's Republic of China. London, 1990. P. 225.

¹⁴ Огонек. 1991. № 41. С. 24.

Итак, в тридцатые годы музеи пополняют свои коллекции в основном художественными произведениями «культового» содержания. Например, в 1937 году экспозиция Ленинградского музея Революции обогатилась 12 новыми картинами, в их числе: «Встреча Ленина на Финляндском вокзале» Моравова, «Доклад Ленина на Апрельской конференции» Бучкина, «Выступление Ленина на I съезде Советов» Павлова (рисунок), «Ленин и Сталин беседуют с делегатами конференции военных организаций. Июнь 1917» Катуркина, «Ленин, Сталин и Крыленко у прямого провода» Ефимова, «Выступление Ленина перед отправкой на фронт красноармейцев Петрограда. 1919» Кацеблина¹⁵. Экспозиции филиалов Центрального музея Ленина и местные музеи Революции настолько тщательно копировали структуру центральных экспозиций, что помещали у себя точные копии картин, представленных в залах московских музеев. Для этого они заказывали авторские воспроизведения официально утвержденных и одобренных сюжетов. Всего «по заказу Ленинградского музея Революции в 1937 году было сделано оригинальных картин – 21, рисунков – 15, авторских копий с общепризнанных исторических картин – 10, скульптур – 19, макетов – 3, карикатур – 5»¹⁶. Например, упоминавшаяся картина Соколова «Приезд Ленина в Петроград 3 апреля 1917 года» экспонировалась в музеях Ленина, как в Москве, так и в Ленинграде. Практика дублирования и копирования распространялась и на воспроизведение мемориальной обстановки жилищ и рабочих кабинетов вождя.

Для сюжетов картин 30-40-х годов было характерно соседство Ленина и Сталина – Мессии и апостола. Но сюжеты и композиции развиваются так, что постепенно фигура Ленина отодвигается, уходит на второй план, становится даже ниже ростом, как, например, на рисунке П.Васильева¹⁷. Ленин по-прежнему присутствует в картинах, но композиции меняются, главным их героем становится Сталин. В литографии Н.Павлова 1938 года «Советание у В.И.Ленина. 1918 г.» в ленинском кремлевском кабинете за столом с бумагами по-хозяйски сидит Сталин, а Ленин и Свердлов стоят и во-

¹⁵ Советский музей. 1937. № 11-12. С. 30.

¹⁶ Архив ГМ ПИР СПб, д. 58, л. 69.

¹⁷ Это не соответствовало действительности: рост Ленина согласно полицейской справке был 168 см, а Сталина – 163 см.

просительно смотрят на него. Канонический сюжет «Встреча Ленина у Финляндского вокзала 3 апреля 1917 года» также обогащается включением фигуры Сталина или на тесный броневик, как на картине Серова, или на ступеньки поезда, как на картине Соколова. По этому же канону в 1947 году художник Б. Мосесов пишет картину «Приезд И.В.Сталина в Петроград из Туруханской ссылки в 1917 году»¹⁸. Соседство Ленина и Сталина в картинах на историко-революционные сюжеты свидетельствовало о праведности наследника. Образ Ленина освящал образ Сталина и даже исполнял роль крестного знамения, подтверждающего правоверность ученика. В полной мере лик отца-основателя превращался в символ коммунистической веры.

Показ выдающейся роли вождей в истории революции был главной задачей как историко-революционных музеев, так и музеев Ленина. Эти музеи были идеологическими учреждениями, через которые государство укрепляло устои власти, внедряло в сознание народа коммунистическую картину мира, воспитывало его в духе преданности партии и ее вождям. По существу, музеи были культовыми учреждениями, храмами, где граждане должны были поклоняться своим вождям. Впечатление человека извне выразил американский писатель Дж. Стейнбек, посетивший Центральный музей Ленина в конце 30-х годов: «Это та история, которую хотелось бы иметь, а не та, что была на самом деле. Здесь царит тишина. Люди говорят шепотом, гиды говорят нараспев, будто читают молитву. Потому что этот человек перестал быть для русских просто человеком. Он уже не во плоти, а в мраморе, бронзе, камне»¹⁹.

Учреждение музеев Ленина как особых пропагандистских организаций и активное создание мемориальных музеев отличало динамику культа Ленина в 30-е годы. Увековечение памятных мест началось на десятилетие раньше, когда возникли мемориальные комплексы в местах жизни и работы Ленина в 1917 году, которые были широко известны, например, комната Ленина в Смольном. Последняя преподносилась как эталон мемориального музея, где якобы все сохранилось на своих местах с 1917 года. На самом деле мебель в комнате в 1924 году была подобрана по аналогии из других помещений Смольного. В тридцатые годы восстанавливались квартиры, где

¹⁸ Эти картины находились в фондах Ленинградского филиала музея Ленина.

¹⁹ Стейнбек Дж. Русский дневник. Цит. по: Огонек. 1989. № 9.

Ленин пробыл всего несколько дней или даже часов, где обстановка никоим образом не отражала личности, характера, привычек вождя, не была средой его обитания, где полностью отсутствовали подлинные вещи или были представлены единичные реликвии. Реконструированные квартиры, где Ленин скрывался или участвовал в заседаниях, были наполнены новоделами или подобранными предметами той эпохи и, самое большее, могли дать представление о хозяевах квартиры. Это относится к пяти мемориальным квартирам, открытым в 30-е годы в Ленинграде: пер. Ильича (бывший Большой Казачий переулок), д. 7, где Ленин жил в 1894–1895 годы; Сердобольская ул., 1, где Ленин скрывался в октябре 1917 года, наб. реки Карповки, д. 32, где прошло заседание ЦК партии большевиков 10 октября 1917 года; 10-ая Советская ул., д. 17, где в 1917 году не только скрывался Ленин, но и жил Сталин; Херсонская ул., д. 5, где Ленин переночевал. Все это были мертворожденные реконструкции, лишенные ауры подлинности, которая, собственно, и одухотворяет мемориальные музеи.

Позднее, в 70-80-е годы, когда для музеев Ленина стали сооружаться помпезные и дорогостоящие здания, музейно-архитектурная лениниана стала отличительной чертой государственного культа Ленина. Если в 1936 году Центральный музей разместился в старом здании московской Городской Думы, то уже в 1938 году для тбилисского музея Ленина было построено специальное здание по проекту архитектора А. В. Щусева. В 1960 году следующим архитектурным памятником Ленину стало здание Бакинского филиала Центрального музея, построенное в стиле «сталинского барокко». В 70-е годы эти опыты получили развитие при строительстве многочисленных музеев и мемориалов.

Требования, которые предъявлялись заказчиками к проектам зданий музеев, были необычайно высоки. Мы помним судьбу проекта Дворца Советов, неосуществленного именно из-за стремления к абсолютному совершенству. Их архитектура должна была быть одновременно величественной и простой, монументальной и понятной²⁰. Идеологическое значение этих музеев обусловило их размещение в центрах городов. Ставилась задача сде-

²⁰ Розанов Е.Р. Об архитектуре музеев Ленина // Основные принципы построения и художественного оформления экспозиций ленинских и историко-революционных музеев. М., 1981. С. 58.

лать их архитектурной и смысловой доминантой городов, притягательным центром для жителей, аналогично прежней функции церквей и соборов. Располагаясь в наиболее важных композиционных узлах города, здание музея Ленина призвано было стать главным градообразующим элементом ансамбля. В силу того, что целью этих зданий по определению ставилось доминирование, часто внедрение крупного общественного сооружения в сложившуюся природную, городскую и историческую среду проходило конфликтно. В Ульяновске включение мемориальных домов, в которых жила в разное время семья Ульяновых, в комплекс Мемориала, построенного к 100-летию со дня рождения Ленина, лишило их естественного окружения. Глухое общественное недовольство вызвало сооружение в 1982 году нового специального здания музея Ленина в Киеве в исторической зоне Владимирской горки – заповедном месте древнего Киева. При его строительстве половина холма была просто срыта. Когда рядом с памятником князю Владимиру, крестившему Русь, вознесся новый храм, этот холм киевляне стали называть «дважды Владимирской горкой».

Открытие музеев Ленина, сооружение огромных дорогостоящих зданий для них отличало празднование 100-летия со дня рождения Ленина. Распространение идеологических центров – музеев Ленина в те места, где Ленин никогда не бывал, обосновывалось «потребностью населения» в политическом воспитании на примере жизни В.И.Ленина²¹. За три года было открыто 12 музеев Ленина, из них в 1970 году – 10: три музея в Красноярске, созданы мемориальные комплексы-заповедники в Шушенском, Ульяновске, сооружен храм-музей в Ташкенте.

Помпезные музеи Ленина вызывали глухое раздражение. Их строительство и содержание щедро финансировалось в то время, когда в городах существовали десятилетние очереди на жилье. 4 мая 1972 года неизвестный записал в книге отзывов музея Ленина в Баку: «Смердящему покойнику – ничто! – отгрохали 5-этажный особняк, а люди живут в бараках. Приезжайте, посмотрите в Завокзальный район»²². И такие записи были не редкость.

Храмостроительство активно возобновилось в 80-е годы. Вслед за Киевским филиалом (1982) был воздвигнут музей В.И.Ленина во Фрунзе

²¹ Там же.

²² Земцов А. Партия или мафия? Париж, 1976. С. 3.

(1984), 17-миллионный комплекс в Красноярске (1987), экспозиционное здание музея в Горках под Москвой (1987), в Казани (1988). Последнее сооружение такого рода – музей В.И.Ленина в Куйбышеве – открылось в апреле 1990 года. В 1978 году было завершено строительство в Улан-Баторе. Их величественные экспозиции представляли те же копии, муляжи, макеты, произведения декоративного и монументального искусства. Часто повторялись макеты мемориальных объектов в натуральную величину, например, комнаты дома в Ульяновске, кабинета Ленина в Кремле. Лишенные самого ценного – подлинности, эти вторичные музеи чаще вызывали у посетителей недоумение и вопросы, чем восторг и благоговение. Даже музейные специалисты не могли подобрать точное название этим «храмам», очень далеким от настоящих музеев – или пропагандистские центры, или памятные музеи, или музеи памяти? Всё более становилось ясно, что тиражирование этих помпезных, но пустых по сути сооружений – это тупиковый путь. Тем не менее, ЦК КПСС давал задания архитекторам и средства на новые проекты музеев – в Алма-Ате, Душанбе, Ереване.

В 1969-1976 годах было проведено несколько конкурсов на проект нового здания Центрального музея В.И.Ленина в Москве, которое должно было стать главным архитектурным памятником В.И.Ленину, уникальным сооружением, по сути повторяющим циклопический проект Дворца Советов. Даже место было выбрано то же – пространство, где размещался бассейн «Москва», сооруженный вместо взорванного храма Христа Спасителя. И снова в некоторых проектах повторились поиски архитектурного образа в здании-символе, в здании-скульптуре. Один из проектов группы архитектора Е.Розанова предлагал увенчать архитектурную композицию 40-метровой статуей Ленина. Другие проекты предлагали здание – «ораториум Ленина, вмещающий понятия: оратор, оратория, форум – место митингов, собраний, единений, клятв, встреч, приветствий. Наконец, место для свободных волеизъявлений»²³. Этот, второй уже, грандиозный проект главного архитектурного памятника В.И.Ленину остался неосуществленным. И дело было не столько в средствах – на идеологию и пропаганду партия финансов не жалела, а скорее в чрезмерно высоких требованиях к главному идеологическому

²³ Розанов Е.Г., Ревякин В.И. Архитектура музеев В.И.Ленина. М., 1986. С. 68, 177.

центру страны – сооружение должно было быть таким совершенным, что не могло быть реализовано в действительности. Конкурс следовал за конкурсом, проект – за проектом, а главный памятник Ленину оставался неосуществимым идеалом.

В 80-е годы идея специально построенного здания для музея В.И.Ленина была оставлена, но выдвигается следующий грандиозный проект: расширение и реконструкция Центрального музея Ленина с включением в его сферу окружающего квартала Москвы с существующей исторической застройкой. В соответствии с этой концепцией в новом ансамбле предполагалось создать «многофункциональные, поливалентные зоны, форумы, оснащенные компьютерной техникой для развлекательных мероприятий, аудиовизионы, центр коммуникаций, залы для международных конгрессов, зона музея, в которой будут обсуждаться проблемы человечества»²⁴.

Неизвестно, какова бы была судьба очередного «проекта», но пришли иные времена. Гласность сделала возможным выступление общественности в прессе против этого проекта, а затем и критику в адрес самого музея Ленина. Ректор историко-архивного института Ю.Афанасьев заявил в журнале «Архитектура»: «Музеи Ленина по всей стране напоминают царские, ханские дворцы или божьи храмы. Сама архитектура этих музейных зданий, характер их экспозиций, общая стилистика – всё подчеркивает скорее их культовое, нежели рабочее предназначение. ... Зачем нужно огромное количество дорогих, обходящихся в десятки миллионов рублей, помпезных музеев Ленина там, где он даже никогда не бывал!»²⁵ Подобные выступления ознаменовали наступление нового этапа в развитии культа Ленина, который я определила бы как «де-ленинизация».

Как уже говорилось, конце восьмидесятых годов в стране насчитывалось 52 музея Ленина. Их число дополнялось историко-революционными музеями, которые оставались музеями Коммунистической партии. Последние пытались выжить путем изменения своего профиля. Так, музей Великой Октябрьской социалистической революции в Ленинграде стал музеем политической истории и перестроил экспозицию, стремясь отразить весь спектр общественных движений: и революционных, и реформаторских, и консерва-

²⁴ Советская культура. 1988. 16 августа.

²⁵ Афанасьев Ю. А вы слышите пульс веков? // Архитектура. 1988. № 2. 23 января.

тивных. Несмотря на многочисленные изъятия, уничтожение, рассеивание фондов, его коллекции все же позволяют отразить исторический процесс во всем его многообразии.

Музеи же Ленина, которые и создавались как пропагандистские центры культового назначения, не могли найти своего места в новой общественной жизни. В октябре 1990 года проекты новых зданий музеев в Алма-Ате, Ереване, Душанбе были отставлены. Был закрыт музей во Львове, в Киеве в здании музея был организован общественно-политический центр. Тбилисский музей был перестроен в музей Грузии, Ташкентский – стал музеем истории и дружбы народов имени Ленина. Ленинградский музей покинул великолепное здание Мраморного дворца и разместился в нескольких комнатах Смольного на базе мемориальной комнаты и кабинета Ленина. Его профиль трансформировался за прошедшие годы настолько, что ныне в его названии нет даже имени Ленина: Санкт-Петербургский историко-мемориальный музей «Смольный». В помещении мемориальных музеев-квартир теперь находятся музей-квартира семьи Алилуевых, музей начала социал-демократического движения или просто размещаются фонды и библиотека в прошлом огромного музея. Последний бастион, за который шла ожесточенная борьба с пикетами и демонстрациями, Центральный музей В.И.Ленина в Москве закрыт. Часть его коллекций передана в государственный Исторический музей, часть – в музей-усадьбу «Горки». «Империя» музеев Ленина рухнула, как и СССР, наподобие фанерной декорации, прикрывающей пустоту.

ЧАСТЬ 2

Религиозный символ. Образ

Образ вождя живет в коллективном сознании в различных ипостасях, формах, отвечая различным человеческим потребностям – потребности в идентификации, в покровителе, стремлению к интеграции. В полифоническом образе вождя можно различать ипостаси, грани этого образа, с одной стороны, предлагаемые властью, а с другой стороны, выдвигаемые коллективным сознанием, и – глубже – коллективным бессознательным. Многообразие форм восприятия центральной фигуры государственного мифа не исчерпывается политическими оценками – позитивное или негативное отношение. Образ лидера выступает в роли родового символа, религиозного, классового, политического, национального, в качестве образца для подражания.

Исследователь, работающий с большими массивами источников, в нашем случае характеризующих настроения, уже довольно скоро начинает замечать повторение в них определенных сюжетов, образов, фразеологии. При систематизации и классификации своих впечатлений он выделяет доминирующие течения и направления. Первое, что бросается в глаза исследователю, – образ лидера в России имел значение религиозного символа.

М.Чернявский, говоря о средневековой Руси, отмечал, что «в русской народной традиции и в русской политической теологии князь воспринимались как святые... посредники между Богом и людьми... Отсюда тенденция русских и их церкви часто канонизировать князей... Сама концепция государства была привнесена в Россию как часть христианского этоса, иными

словами, в России не было концепции гражданского государства»¹. Б.Успенский и В.Живов на основе анализа семиотических значений официальных и церковных текстов, а также изображений царя делают вывод, что «с определенного времени отношение к монарху в России приобретает религиозный характер. Эта черта русского религиозного сознания бросалась в глаза иностранцам». Успенский и Живов считали, что в отличие от Западной Европы, где бытовало убеждение о личной харизме монарха, который наделялся чудотворными силами, в России «харизма приписывалась статусу монарха, его функции, а не его природным свойствам». О том, что самодержавие могло восприниматься как вероучительный, а не юридический факт, свидетельствуют и частые нападки на самодержавие в антирелигиозных, а не антимонархических терминах в выступлениях конца 1917 – начала 1918 года². Согласно С.Н.Булгакову, «сакрализация монарха входит в само существо православного учения»³.

В образе советских вождей, прежде всего Ленина, явственна религиозная составляющая. Люди продолжали воспринимать главу государства в традиционных религиозных категориях. Здесь может возникнуть вопрос, как это соотносилось с вызывающей претензией советской власти на секулярность и с антирелигиозной кампанией, которая интенсивно и безжалостно ею проводилась. Во-первых, массовое сознание обладает инерционностью и замедленным темпом трансформации. К тому же насильственное разрушение православной религии не уничтожило мифологической картины мира, она лишь персонифицировалась в новых фигурах. Священные места православной религии часто превращались в пропагандистские центры новой гражданской религии: «Сколько у нас в Ленинграде православных церквей закрыли, в которых устроили клубы, Ленинские уголки, музеи»⁴. В частном письме (май 1925 года) обыватель подмечает: «Уничтожают религию, а из Ленина сделали Бога, Зиновьев пробирается в святые. Уголки Ильича

¹ Cherniavsky M. *Tsar and People. Studies in Russian Myths*. Yale University Press, 1961. P. 6, 32, 33.

² Успенский Б.А., Живов В.М. Царь и Бог. Семиотические аспекты сакрализации монарха в России. Избранные труды. Т. I. М., 1994. С. 111, 121, 194.

³ Там же. С. 194.

⁴ ЦГАИПД СПб, ф. 16, оп. 6, д. 6936, л. 64.

как божницы, портретам чуть не молятся, людям нужен идол, прожужжали уши детям... Тошно...»⁵

По мнению основателей семиотической школы, «сакрализация предусматривает не просто уподобление монарха Богу, но присвоение монарху особой харизмы, особых благодатных даров, в силу которых он начинает восприниматься, как сверхъестественное существо»⁶. Для религиозного символа характерны такие атрибуты, как вездесущность, бессмертность и совершенство высшего существа. Иллюзию вездесущности создавали бесчисленные изображения лидера, присутствие его имени в названиях улиц, городов, институтов. В 12, 13 и 14 главах пойдет речь о гранях религиозного символа, значение которого приобрела фигура Ленина.

Образ

Распространение визуального образа вождя имело особое значение в дотелевизионную эру. Для массового сознания характерно восприятие абстрактных понятий и идей через зримый и конкретный образ, стремление к персонализации идеи. Это подтверждается характеристикой, которую давал Ян Хейзинга применительно к 15 веку: «Однажды приписав действительное существование какому-то понятию, рассудок хочет видеть его в реальности и может достичь этого через персонализацию его»⁷. Для обыденного сознания толпы «простого присутствия визуального образа святых вещей было достаточно, чтобы установить их истинность»⁸. Применительно к традиционному обществу в Европе А.Я.Гуревич отмечал: «Публика... была склонна воспринимать истины христианства преимущественно в зримой, физически ощутимой форме, спиритуальное воспринималось ею через материальное...»⁹. Это вполне применимо к жизни коллективных представлений и в XX веке, особенно в отношении преобладавшей внетекстовой традиционной

⁵ ЦГАИПД СПб, ф. 16, оп. 6, д. 6935, л. 36.

⁶ Успенский Б.А., Живов В.М. Царь и Бог, С. 111.

⁷ Huizinga J. *The Waning of the Middle Ages*. London, 1924. P. 186. Перевод автора. В русском издании см.: Хейзинга Й. Осень средневековья. М., 1988. С. 225.

⁸ Huizinga J. P. 165: «The mere presence of a visible image of things holy sufficed to establish their truth». Перевод на русский язык автора. В русском издании С. 179.

⁹ Гуревич А.Я. Культура и общество средневековой Европы глазами современников. М., 1989. С. 169.

массовой культуры в России первой трети XX века, опиравшейся не на письменное, но на устное слово или зримый образ.

В 1918 году Ленин позировал для нескольких фотопортретов, которые были изданы массовыми тиражами в виде открыток, плакатов и листовок. Первый фотопортрет в новом качестве – главы правительства – был сделан в Смольном в январе 1918 года фотографом М.С.Наппельбаумом. Портрет был опубликован в «Известиях» и издан в виде открытки с воспроизведенным автографом. На некоторых снимках мы можем видеть Ленина, например, на Красной площади 1 мая 1919 года на фоне его парадного изображения, расположенного на Кремлевской стене с одинаково декорированным симметричным портретом Маркса. А на групповой фотографии с делегатами IX съезда РКП(б) весной 1920 года Ленин сидит прямо под своим портретом¹⁰. Уже в эти годы изображение Ленина появилось на знамени рядом с портретом Маркса¹¹, что свидетельствовало об использовании этого образа в качестве символа.

Художники также приступили к работе. Одним из первых был допущен к зарисовкам с натуры художник Н.Альтман. В 1920 году был издан тиражом 5 тысяч экземпляров альбом его рисунков «Ленин». В 1919 году на выставке «Великая Русская революция» была представлена картина художника Чупятова, изображающая Ленина, держащего в руке земной шар, а над ним – лик то ли Бога Саваофа, то ли Маркса¹² (см. иллюстрации). В 1919 году бюст Ленина работы художника Г.Алексеева был выставлен в Московском Совете, и копии направлены в различные города. Так, в День советской пропаганды 17 августа 1919 года в Череповце был торжественно открыт бюст Ленина. По указанию партии это мероприятие прошло в форме праздника, и целью его ставилось разъяснение политики советской власти и показ ее достижений. Демонстрации, выставки и митинги, иногда с раздачей сладостей детворе проводились как в городах, так и в деревнях. В Петрограде в этот день на митингах прослушивались граммофонные пластинки с записью речей Ленина и Троцкого¹³.

¹⁰ Ленин. Собрание фотографий и кинокадров в 2 томах. М., 1980. Т. 1. С. 48, 180-182, 227.

¹¹ Реликвии борьбы и труда. Каталог знамен Государственного музея Великой Октябрьской социалистической революции. Л., 1985. С. 35.

¹² Фонды ГМ ПИР, ф. 4, № 3168, вс.

¹³ ЦГАИПД СПб, ф. 16, оп. 1, д. 466, л. 1 об; ф. 1, оп. 1, д. 340, л. 56 об.

В 1920 году появляются агитационные плакаты с изображением Ленина. Самый знаменитый — художника В.Дени «Товарищ Ленин очищает землю от нечисти», а также — «Призрак бродит по Европе — призрак коммунизма». Боннелл отмечает, что до 1924 года было выпущено удивительно мало плакатов с изображением Ленина, и в них полностью отсутствовала тема общности вождя и народа¹⁴.

Распространение изображений вождей было предметом забот партийных органов, и это отвечало потребностям публики. Люди хотели видеть изображения вождей. В 1919 году в Петрогубком обращались из провинции с просьбой «выслать портреты Ленина, Троцкого, Зиновьева, К.Маркса, а также Либкнехта, Люксембург и других вождей»¹⁵.

Чаще всего изображение вождя помещалось в общественных местах — на зданиях, в учреждениях, на вокзалах, в столовых и так далее. Любопытно проникновение официальных портретов также в частную сферу. Это можно заметить в резко возросшем спросе на портреты Ленина в связи с его смертью. В письме череповецкого крестьянина А. И. Иванова в редакцию «Известий» говорилось: «Редки в нашем Устье портреты Ильича, а мы все их хотим иметь. И понятно, почему редки: разве по силам нам платить за портрет по рублю с полтиной? Надо теперь же сделать так, чтоб они стоили по двугривенному»¹⁶. Тогда же крестьянка обращалась в письме к сыну-рабфаковцу: «Вася, прошу тебя, опиши, пожалуйста, как хоронили Владимира Ильича. Купи, пожалуйста, портрет Ленина, когда он был в живых, и тот, на котором он снят уже мертвым. Летом их привези обязательно к нам»¹⁷. Кстати, на фотографии убранства крестьянской избы 1925 года в журнале «Прожектор» мы можем видеть именно эти два снимка — Ленин как Председатель СНК и Ленин в гробу — самые популярные сюжеты начала двадцатых годов (см. иллюстрации). Позже, например, в 1929 году, изображение Ленина уже нередко было частью интерьера жилищ рабочих, правда,

¹⁴ Bonnell V. Iconography of Power. Soviet Political Posters under Lenin and Stalin. 1998. P. 146.

¹⁵ ЦГАИПД СПб, ф. 1, оп. 1, д. 434, л. 46.

¹⁶ У великой могилы. 1924. С. 52.

¹⁷ Письмо опубликовано в сборнике высказываний, писем, резолюций, откликов на болезнь и смерть Ленина и воспоминаний рабочих и крестьян о нем, изданном ИМЭЛ. // Рабочие и крестьяне о Ленине. М., 1933. С. 52.

в основном, общежитий, рабочих барачков, где публичность соперничала с приватностью¹⁸.

О месте образа Ленина внутри иерархии коллективных представлений можно судить по включенности его изображения в интерьер крестьянской избы. Начиная с 1920-х годов, и даже еще в годы Великой Отечественной войны, в крестьянских жилищах фотопортрет Ленина нередко помещался в красный угол рядом с иконами. По свидетельству 1925 года, «самоеды в далеких тундрах портрет его [Ленина. – О.В.] ставят на место своих богов»¹⁹. Красноармеец, вернувшийся в деревню, сообщал в своем письме в часть: «В одной комнате с согласия родных были убраны все иконы и там устроили уголок Ленина»²⁰. Боннелл, исследовавшая советскую иконографию власти, отмечает появление в плакатах на рубеже 20-х годов символических форм, аналогичных религиозным²¹. Например, изобразительные средства, свойственные иконописи, узнаваемы в плакате А.Соколова 1922 года «Пусть господствующие классы содрогнутся перед коммунистической революцией».

Сохранение внешнего облика мертвого Ленина, возможность обозрения его массами непременно в открытом гробу, было главным требованием Политбюро в задании, поставленном перед врачами и специалистами в 1924 году. Его нетленный образ должен был быть подтверждением истинности идеи, которую он олицетворял. Комиссии по похоронам предлагалось «устроить склеп так, чтобы все делегаты, откуда бы они ни приезжали, могли видеть Ильича», т.к. «выгодно, когда будут приезжать массы и поклоняться праху Ильича»²². В комиссию по похоронам поступило 9 писем из разных мест с однотипными просьбами: «Просим... труп Ленина не зарывать в землю как обыкновенного смертного, не скрывать от наших глаз, ибо большинство последователей не видели лица, от которого можно много узнать, чувствовать...»; «Труп Ильича не предавать земле, а поместить в центральный музей. Этим самым рабочие будущих веков будут иметь возможность своими собственными глазами увидеть труп (забальмизированный) [так в тек-

¹⁸ Прожектор. № 2. 1925. С. 7; № 6 (176). 10 февраля. 1929.

¹⁹ ЦГАИПД СПб, ф. 4000, оп. 5, д. 3543, л. 1.

²⁰ ЦГАИПД СПб, ф. 16, оп. 6, д. 6936, л. 56.

²¹ Bonnell V.E. С. 145.

²² РГАСПИ, ф. 16, оп. 2с, д. 49, л. 2-3.

сте.— О.В.] великого человека»²³. Эти немногочисленные предложения своей похожестью, почти одинаковыми формулами отмечали существование в народном сознании стремления иметь *наглядное* подтверждение социалистической идеи. 27 января гроб с телом Ленина был установлен в деревянном склепе на Красной площади. В крышку гроба было вставлено стекло, чтобы можно было видеть лицо. «Известия» от 26 января 1924 года так комментировали способ погребения Ленина: «Таким образом, паломники к гробу Владимира Ильича и после погребения его в склепе будут видеть лицо мирового вождя пролетариата». Нетленная мумия Ленина иллюстрировала государственный миф в зримой форме.

В процессе формирования мифа возникает феномен, когда образ вырывается из скорлупы телесности. Изображение начинает функционировать самостоятельно и жить независимо от прототипа, несмотря на усилия охранителей, протесты почитателей и ненависть противников. Можно поверить свидетельству В.Д.Бонч-Бруевича 1969 года, что, несмотря на позирование для фотопортретов, Ленину не нравилось изобилие своих изображений²⁴. Пока был жив, Ленин еще мог возражать сам. После его смерти функции хранителей образа выполняют партийные органы. Искажения ленинского облика были настолько частыми, что контроль за качеством изображения берет на себя комиссия по увековечению. «В обращении появилось большое количество бюстов, барельефов, живописных портретов, рисунков, фотомонтажа и др. изображений В.И.Ульянова-Ленина, во многих случаях не имеющих с ним почти никакого сходства. Распространение таких изображений и в особенности выставление их в публичных местах создает опасность усвоения широкими слоями населения искаженного внешнего облика В.И.Ульянова-Ленина»²⁵. Комиссия утвердила несколько образцов, в частности, скульптурное изображение вождя работы художника С.Д.Меркулова, которое предлагалось к тиражированию и продаже. В газетах появились объявления:

²³ РГАСПИ, ф. 16, оп. 1, д. 100, л. 4; ЦГАИПД СПб, ф. 16, оп. 1, д. 534, л. 93.

²⁴ Бонч-Бруевич В.Д. Воспоминания о Ленине. М., 1969. С. 362.

²⁵ Отчет Комиссии ЦИК СССР по увековечению памяти В.И.Ульянова-Ленина. М., 1925. С. 40.

«Бюсты В.И.Ленина. Гипсовые, патинированные, бронзовые, мраморные, гранитные, в натуральную и двойную величину с оригинала, разрешенного к воспроизведению и распространению Комиссией по увековечению памяти В.И.Ленина, работы скульптора С.Д.Меркулова предлагает Государственное Издательство для госучреждений, партийных и профсоюзных организаций, кооперативов и прочее. Каждый экземпляр авторизован. Осмотр и прием заказов в отделе коммерческих изделий, Москва, Рождественка, 4»²⁶.

На эту продукцию был спрос. Рабочие коллективы, жители поселков собирали средства, закупали бюсты или памятники и устанавливали их на площади или в Красном уголке. В июне 1924 года Волховский Уком РКП(б) сообщал в Губком: «...несмотря на директиву Укома о недопустимости открытия памятников В.И.Ленину, рабочие с комячейкой во главе одного из цехов Волховстроя, приобрели гипсовый бюст Владимира Ильича, устроили пьедестал и просят санкции об открытии на площади перед дистанцией [зданием цеха – *О. В.*] памятника Владимиру Ильичу»²⁷.

Несмотря на усилия власти, образ не всегда поддавался регламентации. Позднее складывается практика, когда перо художника придавало облику Ленина антропологические черты той или иной национальности. В двадцатые годы изображение Ленина помещалось довольно часто на утилитарные предметы, вещи бытового пользования. В Музее политической истории в Санкт-Петербурге хранится позолоченное кольцо, золотой нагрудный медальон, головной платок с изображениями Ленина, относящиеся к двадцатым годам. В 1924 году продавались сигареты «Ильич» с изображением профиля вождя на коробке (см. иллюстрации), выпускались чернильницы в виде Мавзолея, детский конструктор «Мавзолей». Чашки, тарелки с портретами вождя были очень распространены в 20-е годы. Массовыми сериями выпускались скромные дешевые бокалы с профилем Ленина, нарисованным С.Чехониным в 1920 году²⁸. И снова категорические запрещения партийных органов печатать изображения Ленина «на папиросных коробках, гильзах, конфектах, всяких обложках и этикетках, а равно на предметах украшений

²⁶ ЛЕФ. 1924. № 1. С.3.

²⁷ ЦГАИПД СПб, ф. 16, оп. 1, д. 533, л. 11.

²⁸ Фонды ГМ ПИР, ф. 4, № 3168; ф. 1, № 4400, № 5242, № 3504.

(кольцах, булавках и т.п.)»²⁹, пытаются воспрепятствовать «обудничиванию» (термин М.Вебера) и снижению харизмы вождя. В советские времена музейные работники считали неудобным экспонировать подобные реликвии. Попытки контроля со стороны Института Ленина, Комиссии по увековечению, Н.К.Крупской, издание постановлений, регламентирующих практику, — все это только доказывает, что такая практика была настолько распространенной, настолько массовой, что требовала принятия регулирующих мер.

Как мы видим, в 20-е годы в трактовке образа Ленина еще было возможно некоторое разнообразие. Усилия руководства были направлены на то, чтобы оградить образ от искажений и отступлений от неких норм, то есть шел процесс канонизации. Канон устоялся к тридцатым годам, обретя весь комплекс нормативных составляющих. Боннелл обобщает: «Изображение Ленина на политических плакатах приобретает определенные... атрибуты, развивавшиеся с 1920-х годов. Они включали следующее: Ленин всегда был одет в костюм с жилетом и галстуком, иногда в пальто, изредка в кепке, которую в некоторых случаях держит в руке; одна рука простерта вперед... выражение лица сосредоточенное, задумчивое, или слегка ироничное, но никогда не веселое. Часто фигура Ленина непропорционально велика»³⁰. Постоянство и однообразие изображения говорит о складывающемся каноне.

Мифический образ Ленина воплотился в завершенной форме на полотнах художников в 30-е годы. Ленин изображался в сюжетах, которые основывались не на свидетельствах очевидцев или исторических фактах, а были иллюстрациями «желаемого» прошлого, навязанного «Кратким курсом истории ВКП(б)». Критериями контроля уже были не истинность облика, а соответствие идеологическим схемам.

Постепенно портрет вождя начинает функционировать как икона. Иконизация портрета пронизывает советскую поэзию. Стихотворение Маяковского «Разговор с товарищем Лениным» — «фотографией на белой стене» — стало советской классикой. А вот другие произведения:

²⁹ РГАСПИ, ф. 16, оп. 1, д. 589, л. 2. Постановление Президиума ЦИК Союза ССР было опубликовано в «Известиях» от 7 мая 1924 г.

³⁰ Bonnell V.E. С. 152.

Вновь гляжу на ленинский портрет,
Снова вижу Ильича живого.
Взгляд его, лучей горячий свет,
Наши души озаряет снова.

Наверно, нет в России дома,
Где б не висел его портрет.
Нам так лицо его знакомо
Еще с далеких ранних лет.
Живем, его чудесным светом
Всю жизнь свою озарены.
И вновь стоим перед портретом
Среди глубокой тишины.
Так только дети – кровь живая
Давно погибшего отца – глядят,
Все больше открывая
В чертах любимого отца ³¹.

Широкая публика также воспринимала изображение, как самостоятельный и самодостаточный объект. Покушение на портреты – распространенное ритуальное действие, наполненное магическим смыслом. ОГПУ пыталось систематизировать проявления антисоветских настроений и перечисляло такие формы, как: «1. Террористические высказывания, направленные против вождей ВКП(б); 2. Выпуск рукописных листовок антисоветского характера; 3. Распространение антисоветских стихов и песен... 5. Попытки к организации массовых протестов...». Наряду с этими отдельно выделялись – «4. Порча и уничтожение портретов вождей»³². Сводки ОГПУ, а затем НКВД, не уставали сообщать о покушениях на портреты.

«В ряде школ Пригородного района прокатилась волна расстрелов портретов вождей», «Ученики изрезали ножом портрет тов. Ленина», «Не-

³¹ Искандеров И. У портрета Ленина. 1930; Ваншенкин К. Ленинский портрет. 1960; цит. по: Добренко Е. Метафора власти. Литература сталинской эпохи в историческом освещении. Мюнхен, 1993. С. 96.

³² ЦГАИПД СПб, ф. 24, оп. 2в, д. 1188, л. 169.

цензурная надпись на портрете тов. Ленина», «Расстрел из рогаток портретов вождей партии», «...бросал тряпками в портреты вождей», «На предложение – «Давайте, ребята, расстреляем Ленина» его портрет был обстрелян камнями», «Ряд случаев политхулиганства, выразившегося в надругательстве над портретами вождей – выстрелы в портрет Ленина, в портрет Сталина, плевки и рвоты». В анонимном письме на имя А.А.Жданова путиловцы требовали в 1935 году: «Жданов! Уберите везде и всюду Ваш ненавистный портрет, ибо он для нас приносит много зла, и пока он не заслуживает нашего внимания». Чаще всего портреты становились объектами агрессии подростков, которая объясняется возрастными особенностями, но этим объяснением не исчерпывается выбор объекта. Вполне сознательная и целенаправленная акция протеста зафиксирована в спецсообщении от 1 мая 1935 года: "Во время первомайской демонстрации группа пьяных членов ВЛКСМ... Октябрьской железной дороги бросила в Обводный канал портрет товарища Кагановича [который возглавлял наркомат путей сообщения – О.В.], заявив при этом: «Пусть покупается в холодной воде, прохладится немного, а то он очень горяч, меньше будет на нас нажимать»³³.

Уничтожение или повреждение портретов вождей было одной из самых распространенных форм неартикулированного протеста. Часто это был неосознанный протест, необязательно направленный против Сталина или Ленина, как репрезентантов официальной политики, а иногда – просто желание перевернуть устоявшуюся иерархию, бросить ей вызов, что в плебейской культуре разных народов находило выражение в карнавальных или святочных святотатствах. Отождествление вещи и знака, названия и называемого, изображения и изображаемого – характерная черта мифологического сознания. В предреволюционной России «практика выкалывания глаз на портретных изображениях царской семьи была весьма распространена»³⁴. Шутка 20-х годов отражала этот феномен. Она передавалась из уст в уста с легкой руки популярных в послереволюционной Москве клоунов Бима и

³³ Отчет Ленинградского ОК ВКП(б). 1936 (ЦГАИПД СПб, ф. 24, оп. 2в, д. 2545, л. 73); Сообщения за 1935 год (ЦГАИПД СПб, ф. 24, оп. 2в, д. 1198, л. 158, 161, 190; д. 1190, л. 58; д. 1518, л. 106; д. 1195, л. 19).

³⁴ Колоницкий Б. К изучению механизмов десакрализации монархии (слухи и «политическая порнография» в годы I Мировой войны // Историк и революция. Сб. статей. СПб., 1999. С. 85.

Бома. Бим несет портрет Ленина и портрет Троцкого: «Я купил два замечательных портрета. Отнесу их домой». Бом спрашивает: «Что ты с ними будешь делать?» Бим: «Ленина повешу, а Троцкого поставлю к стенке».

Практика охраны изображений и преследования за покушения на них со стороны правоохранительных органов отражали не только стремление к поддержанию порядка и устоявшихся иерархий, но и подразумевали мистические опасения, что «вредителям» достаточно разрушить статую или изображение вождя, чтобы причинить вред ему самому. В 1939 году перед открытием грандиозного памятника Сталину на Волго-Донском канале статуя была тщательно обследована – нет ли бомбы. Практика стихийных повреждений памятников продолжалась в перестроечный период.

Развитие визуального образа Ленина, факт необычайного распространения его изображений, их восприятие, действия публики по отношению к ним и реакции властей – все это можно объяснить функционированием образа как элемента мифологической системы представлений. Эти отношения часто облекались в традиционно религиозную форму, но даже когда религиозная оболочка отсутствует, как в практике покушений на портреты – в магических действиях просвечивает восприятие мира в мифологических категориях. Иногда политическое отношение к Ленину выражалось в религиозных или мистических акциях – в помещении его портрета рядом с иконами или в покушениях на портреты.

Религиозный символ. Лексика

Наполнение образа лидера религиозным содержанием находило отражение в лексике. Визуальные ассоциации – такие, как канонические христианские сюжеты в официальном плакате и помещение портрета Ленина в красный угол избы рядом с иконами – дополняются вербальными аналогиями, использованием религиозных терминов в отношении вождя. Бесчисленные документы советской повседневности 20-30-х годов, как официальные, так и частные, изобиловали церковной лексикой, что указывает на то «изменение», тот уровень общественного сознания, в котором жил образ лидера.

Тон задавали соратники, которые, сознательно или нет, выполняли функции апостолов. Особенно отличалась речь Г.Зиновьева. В 1918 году он называл Ленина «апостолом социалистической революции». О развивающейся сакрализации свидетельствует сравнение лидера с солнцем как в речи Зиновьева и других партийных деятелей, так и в поэзии. По замечанию Успенского, в литургических текстах метафора солнца относилась только к Христу¹. Книгу Ленина «Что делать» Зиновьев сравнивал с Евангелием². Г.В.Плеханов еще в 1903 году называл эту книгу «катехизисом для наших практиков»³. Демьян Бедный в 1918 году называл труды Ленина «Святой Библией Труда»⁴. В 1923 году Л.Троцкий писал: «Маркс – пророк со скрижалями, а Ленин величайший исполнитель заветов»⁵. Чуть позже заветы уже самого Ленина станут священными текстами. В траурной речи на засе-

¹ Успенский Б., Живов В. Царь и Бог, С. 119.

² Зиновьев Г. Н. Ленин. Владимир Ильич Ульянов. Петроград, 1918. С. 8, 64, 27.

³ Цит. по: Валентинов Н. Встречи с Лениным. Нью-Йорк. С. 55.

⁴ Правда. 1918. 4 мая.

⁵ Троцкий Л. О раненом // Луначарский А., Радек К., Троцкий Л. Силуэты. Политические портреты. М., 1991. С. 118.

дании II съезда Советов СССР в январе 1924 года Томский провозгласил: «Владимир Ильич Ленин давал нам вполне законченные заповеди... Один из главных его заветов – приносить в жертву интересам класса все личное, все групповое, все цеховое...»⁶. И далее следуют этические формулы, которым оратор призывает следовать. Официальные речи и выступления после смерти Ленина были полны религиозных ассоциаций. На траурном заседании II съезда Советов Бухарин называл Ленина магом и чародеем, ему виделось, как «Владимир Ильич встает во весь свой рост из гроба и дает нам свой последний приказ»⁷. Сталин нарисовал картину будущего паломничества к могиле Ленина представителей миллионов трудящихся со всего света. Его речь была построена в виде лаконичной священной клятвы от имени всех коммунистов выполнять заповеди Ленина. Эти заповеди включали следующее: чистота и единство рядов партии, диктатура пролетариата, союз рабочих и крестьян, союз республик, Коммунистический Интернационал. Эта речь-клятва была позже, в свою очередь, канонизирована⁸.

Речи самого Ленина, а также Сталина, Радека, Зиновьева были пронизаны религиозной символикой. Несмотря на внешний разрыв с православной религией, большевистский проект создания коммунистического рая на земле имел структуру мифа. Эти ментальные мифологические конструкции разоблачали себя в религиозных образах и формулах официальной риторики. Одной из особенностей «языка революционной эпохи» было распространение в пропагандистском языке образов и метафор церковного происхождения. Автор одноименной книги А.Селищев в 1928 году обращал также внимание на частое «употребление в монологической речи партдеятелей катехизической формы... вопросов с краткими категорическими ответами»⁹.

⁶ У великой могилы. С. 101.

⁷ Там же. С. 249.

⁸ Интересно, что Сталин был включен в список ораторов на траурном заседании в самый последний момент, непосредственно перед собранием, 26 января, с припиской «условно» (РГАСПИ, ф. 16, оп. 2с, д. 47, л. 4). Список ораторов был намечен Политбюро накануне, 25 января: «Калинин, Бухарин, Зиновьев, Кл. Цеткин, Томский, 1 товарищ от Востока, Петровский, Рабочий, Крестьянин, Работница, тов. от Закавказья, Крестьянка, втор. тов. от Востока, представитель от молодежи, от Красной Армии, от работников науки – Ольденбург. Резюме Каменева» (Там же. С. 1-4). Указывалось на необходимость «пронинструировать» восточников, рабочего и крестьян в смысле содержания их речей.

⁹ Селищев А. Язык революционной эпохи. Москва, 1928. С. 67, 132.

На такую же особенность языка в нацистской Германии обращал внимание Виктор Клемперер, немецкий филолог, который в течение 12 лет вел наблюдения за развитием языка Третьего рейха (LTI). Религиозный характер языка отражал оживление мифологических слоев общественного сознания. Ряд ключевых понятий официальной риторики – государство, лидер, война – получили устойчивые характеристики. Такие характеристики, как священный, вечный, исторический, возносили эти понятия к божественным сферам. То, что именуется вечным, возводится в область религии. «Вся совокупность выражений и оборотов, косвенно связанных с запредельными сферами, образует в LTI целую сеть, в которую улавливается фантазия слушателя и которая втягивает ее в область религиозной веры. Сознательно ли сплетена эта сеть? – размышляет Клемперер. – Отчасти. В сознании некоторых инициаторов учения, несомненно, присутствовали и религиозная тоска, и религиозный энтузиазм. Не всегда возможно точно оценить меру искренности... и сознательного планирования. Большевизм в свое время воспринимался миллионами людей как Евангелие, потому что использовал язык Евангелия»¹⁰. Наблюдения Клемперера позволяют говорить о некоторых закономерностях в развитии языка авторитарных режимов.

Но не только партийное руководство «сверху» предлагало такую интерпретацию, этого ожидали и хотели «внизу». Крестьяне деревни Каменка в письме с соболезнованиями на смерть вождя писали: «Мы просим, чтобы выпустили в свет книжку, вполне понятную для крестьян, о жизни и делах дорогого тов. Ленина и его заветы, чтобы эта книжка была бы нам вместо евангелия» [Так – со строчной буквы в тексте. – *О.В.*]¹¹. Письмо крестьянина С.А.Шлапакова из деревни Татырино Изочинской волости, Невельского уезда, Псковской губернии в «Крестьянскую газету» 11 ноября 1927 года было посвящено вопросам землепользования. Оно, неожиданно и несвязно с остальным содержанием письма, заканчивалось таким молитвенным посвящением: «...Я не могу вытерпеть по своему православному обряду, чтобы не помянуть Владимира Ильича Ленина. Вечная память ему, это был вождь и борец за жизнь бедных людей, не щадил своей жизни, его окружали враги

¹⁰ Клемперер В. LTI. Язык Третьего рейха // Записная книжка филолога. М., 1998. С. 143, 153.

¹¹ У великой могилы. С. 52.

кругом явные и тайные, которые при нем были друзья, а на деле враги. Я сожалею, что он скоро помер, что после его смерти евонные пути не стали проводить в жизнь, а он указывал все хорошо для жизни трудового народу, который не должен забыть Владимира Ильича Ленина»¹².

Видение мира в мифологических образах как арены борьбы божественных сил порядка и сатанинских сил хаоса было характерно для всех членов социума, и для сторонников советской власти, и для тех, кто не принимал официальную систему ценностей. Для одних Ленин виделся социалистическим пророком, для других воплощением Антихриста. Ш.Фитцпатрик и Л.Виола в своих работах о крестьянстве отмечали, что апокалиптическое видение мира пронизывало восприятие крестьянами коллективизации. Однако документы свидетельствуют, что интерпретация советской власти как конца света была очень распространена уже в годы Гражданской войны и не только среди крестьян. Апокалиптические представления обычно оживают в кризисные периоды, как это уже бывало в России в XVIII веке. Тогда Петра I крестьяне воспринимали как Антихриста. Из-за антирелигиозной политики государства, варварских акций по изъятию церковных ценностей и разрушению церквей восприятие советской власти как безбожной или антихристовой было очень распространено. Каждое очередное бедствие – Гражданская война, голод, коллективизация, террор – воспринималось верующими как знак приближения «последних времен» и прихода Антихриста. Вожди советской власти часто воспринимались людьми, особенно верующими, как воплощения Антихриста¹³.

В послереволюционной России, раздираемой Гражданской войной, образ Ленина часто приобретал если не божественные, то демонические черты. Оппоненты из самых различных слоев общества называли его Антихристом, Дьяволом. Вот лишь одно из многочисленных высказываний в частных письмах, вскрытых цензурой (март 1924): «У нас отреклись от Бога истинного и признали себе Богом черта крокодила Ленина и Троц-

¹² Голос народа. С. 95.

¹³ В переходный период девяностых годов в России также отмечалось бытование нарратива конца света среди крестьянства, однако, в современной народной эсхатологии отсутствует представление об Антихристе (см.: *Левкиевская Е.Е.* Представления о «последних временах» и Конце света в современной крестьянской традиции // *Время и календарь в традиционной культуре. Тезисы докладов Всероссийской научной конференции.* СПб., 1999. С. 191.

кого»¹⁴. Одно из писем в адрес ВЦИК, полученное до 7 января 1918 года, было обращено к Ленину и составлено из чисто теологических формул:

«Проклятие Ленину.

О, прегадкий и премерзкий Ленине! Все дела твои направлены на гибель нашей страны, все силы твои потрачены на процветание Германии. За германские деньги жизнь отдавший, образ сатаны воспринявший, развал в нашу армию внесший и много зла России принесящий. Встрепенись, сатанинское сердце. Ужаснись перед величием природы, ибо солнце померче, и все России народы ждут конца мира сего, оставь русский народ, оставь в покое его, пожалей хотя младенческий род!.. Мы тогда возрадуемся и сие возопием: да здравствует "свобода" всегда, ныне и присно и во веки веков. Аминь. К.Клепиков»¹⁵.

В своих воспоминаниях Н.Н.Воронцова, подавальщица в столовой Совнаркома, опубликованных в 1926 году, признается, что до встречи с Лениным «большевиков считала за антихристов, а Владимира Ильича за главного из них», но после того, как лично увидела вождя, «...решила, что он святой»¹⁶.

В процессе де-ленинизации проявились те же стереотипы, и многие лозунги на митинге 1990 года с требованием переименовать Ленинград называли Ленина сатаной (см. фотографию). Одним из распространенных сюжетов татуировок на теле в блатной среде были изображения Маркса, Ленина или Сталина в обличье сатаны¹⁷. «Коммунисты – дети сатаны и дьявола» – еще один сюжет лагерной татуировки.

Как в официальных, так и в художественных текстах 20-х годов о Ленине, автор заметила нарративы, несомненно, религиозной природы, иногда апеллирующие к древним архетипам. Одним из таких мотивов была вездесущность духа вождя. Демьян Бедный в стихотворении 1918 года писал о Ленине: «Ты был в далекой стране, но дух твой был всегда с нами». После

¹⁴ ЦГАИПД СПб, ф. 16, оп. 5, д. 5911, с. 102.

¹⁵ *Неизвестная Россия*. 1. С. 391.

¹⁶ Цит. по: *Лебина Н.Б. Повседневная жизнь советского города. Нормы и аномалии. 1920–1930 годы*. СПб., 1999. С. 152–153.

¹⁷ *Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона*. М., 1992. СС.477–479, 484–489; Kovacs A'kos – Sztrés Erzsebet, *Az orosz tolvaj világ es muveszete*. Pesti Szalon Konyvkiado, 1994. С. 195, 196.

смерти Ленина в 1924 году был выдвинут такой лозунг: «Ленин молчит, но мы, рабочие, слышим его голос внутри нас»¹⁸. Другим повторяющимся сюжетом была метафора мистического приобщения к вождю через его кровь, тело и дух. Еще в 1918 году, в Петрограде, о раненом вожде Зиновьев говорил: «Во многих из нас незаметно для нас есть маленькая частица от великих трудов товарища Ленина, от его неустанной работы»¹⁹. Особенно заметно и отчетливо мотив о присутствии «частиц», капель крови и даже мозга великого вождя в каждом члене партии, звучит после смерти Ленина, в траурных речах и позже. Троцкий писал: «В каждом из нас живет частица Ленина – то, что составляет лучшую часть каждого из нас». В обращении ЦК РКП от 23 января говорилось: «Каждый член партии есть частичка Ленина. Вся наша коммунистическая семья есть коллективное воплощение Ленина». Каменев вторил: «Наш вождь погиб потому, что не только кровь свою отдал по каплям, но и мозг свой разбросал с неслыханной щедростью, без всякой экономии... чтобы эти капли крови и мозга Владимира Ильича взошли потом полками, батальонами, дивизиями, армиями борющегося за своё освобождение человечества»²⁰. Эти христианские образы и символы находили горячий отклик и приятие «внизу». В программу траурного вечера в 1925 году в ленинградской школе включалась декламация «Капли крови Ильича». В узбекском кишлаке в 1927 году была записана песня на смерть Ленина:

Он влил в кровь каждого из нас
По капле своей крови,
И от этого он умер.
Но капля его огненной крови
Зажгла нас непобедимым огнем.
...Нас много на земле, освобожденных Лениным –
Узбеков, урусов, таджиков и других народов.
У всех в крови есть капля крови Ленина...²¹

¹⁸ Правда. 1918. 4 мая; ЦГАИПД СПб, ф. 16, оп. 9, д. 9765, л. 17.

¹⁹ Зиновьев Г. С. 63.

²⁰ У Великой могилы. С. 64.

²¹ Записано Л.В.Соловьевым в кишлаке Тюлемень, Ферганской области в июле 1927 года, со слов Арифа Кадырова (Прожектор. № 3 (173). 1929. С. 25).

Образ крови как жертвы во имя дела революции использует Сталин в своей речи в ответ на поздравления с 50-летием в 1929 году. Он обещал отдать все силы «и, если понадобится, всю свою кровь, каплю за каплей»²². Эта метафора нашла свое место на первой странице «Правды» и сразу же получила резонанс в фольклоре. «Сталин выступает перед рабочими: – Я готов делу рабочего класса всю кровь отдать каплю за каплей! Из зала приходит записка: «Дорогой Иосиф Виссарионович! Чего тянуть – отдайте всю сразу!»

В этом рефрене просматривается аналогия с христианским ритуалом приобщения к Богу, к церкви, к вере через таинство причащения – принятие хлеба и вина, в которых, якобы, воплощены «кровь и тело» Христа. Истоки ритуала приобщения к Богу через принятие внутрь «тела и крови Христовой» могут восходить в свою очередь к языческим культам и ритуальному поеданию мяса священного животного. В метафорах официальных и поэтических текстов просвечивают архетипические представления о приобщении, причастности к чему-то высшему.

Религиозные образы и формулы официальной пропаганды находили продолжение в коллективных представлениях. Анонимность массовых источников не позволяет точно определить, в каких именно слоях населения религиозное восприятие вождя находило наиболее благоприятную почву. Автор видит своей задачей указать, что не все грани восприятия образа лидера укладываются в прокрустово ложе политических оценок – положительное или отрицательное отношение. И то, и другое отношение присутствовало в приписывании образу Ленина сверхъестественных качеств, в сакрализации его фигуры. Одни считали его коммунистическим пророком, другие – Антихристом. Мера распространенности темного или светлого образа точному учету не поддается. Также невозможно взвесить баланс усилий власти по обожествлению Ленина в отношении к стихийным импульсам массового сознания. Импульсы исходили и сверху, и снизу, и направлялись навстречу друг другу.

²² Правда. 1929. 22 декабря.

«При Ленине...» «Приручение» времени

Новая картина мира непременно включает в себя как важнейший элемент понятие о времени. Э. Канетти заметил: «Установление порядка времени... — первый атрибут любой формы господства. Всякая возникшая власть, желая утвердиться, вводит новый порядок времени. Нужно, чтобы казалось, будто с нее начинается время, но еще важнее показать, что она непреходяща»¹. Американский антрополог Дэвид Керцер использует термин «приручение времени», понимая под этим «приспособление времени для политических целей, приурочивая его ход к категориям какой-либо идеологии»². Это особенно заметно в революционных режимах, претендующих на разрыв с предшествующей исторической традицией. Осознание революции как момента рождения нового мира, как точки отсчета новой эры проявилось уже во французской истории. Ссылки на нее были очень распространены в официальной советской риторике. В революционной Франции время отсчитывалось по годам революции, новые названия месяцев маркировали новую темпоральность. Нацистский Третий Рейх также претендовал на тысячелетие.

Коммунистическая партия предпринимала попытки установить особую хронологию. В соответствии с официальной интерпретацией времени Октябрьская революция представлялась как момент создания нового мира. Октябрьские годовщины и партийные съезды в этой хронологии становились вехами новой системы отсчета времени. Пятилетки (в нацистской Германии — четырехлетки) сегментировали обновленный поток времени. На-

¹ Канетти Э. Масса и власть. М., 1997. С. 425.

² Kertzer D. Politics and Symbols. The Italian Communist Party and the Fall of Communism, Yale University Press, 1996, P. 19.

ступление социализма, а затем коммунизма приурочивалось к завершению пятилетних периодов.

Власть проводит реформу календаря. Переход России с юлианского календаря на григорианский, произведенный советской властью 14 февраля 1918 года, в официальном дискурсе выглядел как обозначение прорыва в темпоральность модерна, а в традиционном массовом сознании воспринимался болезненно, как ломка привычной христианской хронологии. Секулярные праздники, в отличие от религиозных, задавали иной ритм жизнедеятельности общества. Февральская революция делает 1 Мая национальным праздником. Октябрьская революция вводит целую систему новых праздников, обозначающих вехи революционного временного потока, параллельного течению прежнего, обозначенного религиозными ритуалами. Некоторое время революционный и религиозный календарь сосуществовали, хоть и не на равных.

Всероссийский иллюстрированный календарь за 1923 год представлял таблицу праздничных нерабочих дней:

Январь 1 – Новый год.
Январь 6 – Канун Рождества
Январь 7 и 8 – Рождество Христово
Январь 19 – Крещение
Январь 22 – День 9 января 1905 года
Март 12 – Низвержение самодержавия
Март 18 – День Парижской Коммуны
Апрель 7 – Благовещение
Апрель 8 и 9 – Пасха
Май 1 – День Интернационала
Май 17 – Вознесение
Май 27 – Троица
Май 28 – Духов День
Август 19 – Преображение
Август 28 – Успение
Ноябрь 7 – День Пролетарской Революции

На пять новых революционных праздников приходилось девять старых религиозных, которые отмечались 11 дней. Внедрение новых «пролетарских» праздников требовало разъяснения, что это такое – «дни, посвященные воспоминаниям об исторических и общественных событиях». Параллельность старого и нового ритуала приобретала наглядность в помесечном развороте календаря, где на левой странице помещался православный календарь данного месяца и место для заметок, а на правой странице – ровно столько же пространства отводилось для исторических и революционных памяток и также место для заметок. Пространство жизни было поделено в календаре поровну между религиозной и советской сферами. Календарь указывал: «Принимая во внимание, что во многих еще сохранились пережитки старого, возвращенного долгим бесправием и общенародной темнотой, как, например, религиозность, некоторые пролетарские праздники приурочиваются к праздникам религиозным»³. Как христианство в свое время вынуждено было учитывать языческие обычаи, внедряя свои праздники, так и советский календарь не мог вырваться из синхронности ментальных ритмов, принадлежащих к «процессам большой длительности».

Устоявшийся цикл религиозных праздников был поколеблен уже их смещением во времени в связи с переходом на григорианский календарь. В контексте антирелигиозной борьбы советского правительства массовым сознанием это расценивалось как злонамеренная политика. Сводки ОГПУ в 1924 году сообщали: «Среди несознательной массы беспартийных рабочих замечается ропот на Советскую власть ввиду празднования религиозных праздников по новому стилю». Каждую весну вспыхивал ропот в связи со смещением отмечаемой Пасхи. В интерпретации простого люда в самый большой православный праздник заставляли работать, а в день абстрактной для многих пролетарской солидарности, в период весенних работ на земле нужно было отдыхать. Каждый раз отмечалось «недовольство отменой празднования Пасхи, что заставляют работать»⁴. В середине двадцатых и тридцатые годы число советских праздников значительно выросло, в их число вошел и день памяти Ленина. С разворачиванием наступления на цер-

³ Всероссийский иллюстрированный календарь. Петроград, 1923. С. 1.

⁴ ЦГАИПД СПб, ф. 16, оп. 5, д. 5908, л. 4, л. 52 (1924); д. 5910, л. 136.

ковь в конце 20-х годов религиозные праздники были исключены из официального советского календаря.

Эксперименты со временем продолжались и позже. Ощутимый удар по недельному циклу человеческой активности, освященному Библией, нанес переход советской промышленности на непрерывную рабочую неделю со скользящим выходным в 1930 году. Это объяснялось экономическими причинами, нуждами форсированной индустриализации. Новый график увеличил занятость рабочих на производстве. Люди работали четыре дня подряд, а пятый день отдыхали. Суббота и воскресенье как дни общего отдыха исчезли, выходные дни у членов семьи не совпадали. Привычные названия дней недели утратили смысл, они превратились в первый, второй и так далее день «непрерывки». Такое вольное обращение со временем и тысячелетними циклами человеческой активности демонстрировало могущество власти, приоритет коллективных ценностей над частными, общественного времени над личным, общественной активности над приватной сферой.

Ломка традиционных устоев воспринималась большинством болезненно, однако многих революционный проект воодушевлял. В 1924 году как резонанс на новаторские импульсы власти, рождались такие предложения, как установить новое летосчисление, назвать месяц январь или октябрь именем Ленина. В «Правде» 21 февраля 1924 года в рубрике «Как почтить память Ильича. Практические предложения» ткач Радоминский предлагал: «Установить новое ленинское летосчисление, которое начать с Октябрьской революции». Рабочие железнодорожного депо Панютино Южных дорог предлагали в 1924 году: «Ввиду того, что раньше буржуазный класс давал название (месяцу) в честь своих царей, например, месяц август, июль и проч., а мы рабочие, любящие своего вождя, предлагаем месяц январь назвать "Ленин" [пятьдесят одна подпись]»⁵. Эти предложения не были случайны. Экстравагантность, исключительность таких встречных импульсов снизу свидетельствовала о том, что в общественной атмосфере существовало желание «приручить время», приспособить его, сделать советским. Лозунг «Время, вперед!» передавал атмосферу тех лет. Стремление обозначить время именем вождя проявилось в конструировании новых личных имён —

⁵ РГАСПИ, ф. 16, оп. 1, д. 528, л. 43.

Ленинера и Ерлен (Эра Ленина). Для коллективных представлений свойственно обозначать исторические периоды времени именем монарха или правителя. Наравне с формулой «при Николае» в народной памяти осталась формула «при Ленине», а затем формула – «при Сталине». Тем самым лидер воплощал в себе время всех. Время маркировалось им. Несмотря на краткость пребывания Ленина у власти, переворот в жизнеустройстве страны был настолько грандиозным, что коллективная память запечатлела это в формуле «при Ленине».

Притязания советской власти на время можно заметить и в архитектуре, где появляется и развивается идея вечного и совершенного сооружения, которое будет служить неким эталоном. Власть полагала возможным спроектировать однажды самое совершенное сооружение всех времен и народов и на этом архитектурное творчество закончить и только тиражировать этот образец. Таким сооружением-идеалом был проект Дворца Советов. Он представлял собой иерархическое сооружение – ступенчатое, устремленное ввысь здание, увенчанное фигурой Ленина. Требования к Дворцу Советов были так высоки, что не могли быть воплощены в реальности, и он остался неосуществленным тоталитарным идеалом. Помпезная Всесоюзная сельскохозяйственная выставка, созданная в 1923 году как временная, стала постоянной и была переориентирована на вечность.

Но настоящим *«местом бессмертия»*⁶ являлся Мавзолей. Идея склепа для умершего Ленина, в которой власть пыталась конкурировать с самой смертью, также постепенно обращалась к вечности. Первоначально Мавзолей имел статус временного и был построен из непрочных материалов, его заменил деревянный мавзолей, и, наконец, каменный. В документах комиссии по увековечению памяти Ленина речь велась «о постройке вечного мавзолея В.И.Ленина», и перед архитекторами ставилась задача придать ему наиболее прочный и «устойчивый во времени характер»⁷.

Вообще, весь ритуал вокруг умершего вождя был попыткой «перехитрить» время или «овладеть» им. Власть стремилась законсервировать атмосферу погребального культа. Такие атрибуты похорон, как траурные венки, бережно хранились, выставлялись в музее и, в конце концов, были

⁶ Добренко Е. С. 103.

⁷ РГАСПИ, ф. 16, оп. 2, д. 51, л. 37.

запечатлены в специальном красочном издании фотографий, предпринятом по решению комиссии по организации похорон. В Ленинграде венки траурной демонстрации, как реликвии, хранились вплоть до 1927 года в комнате Смольного, где в 1917 году жил Ленин. Сиюминутные материалы прессы траурных дней были собраны и изданы отдельным фолиантом «У великой могилы». Таким образом, официальный траур продолжал существовать в концентрированной и компактной форме и после похорон. Такие естественные элементы всяких траурных торжеств, как хвала умершему, превознесение его заслуг, эмоциональный импульс провожающих покойного – эти элементы власть стремилась запечатлеть, оформить и продлить за рамки погребальной церемонии. Эти важные для формирования государственного мифа составляющие заимствовались из краткой по времени церемонии погребения и превращались в постоянно действующий ритуал – культ.

Мотив вечности, бессмертия присущ любому культу. Статус высшего существа предполагает его неподвластность времени. У финнов в 70-е годы был анекдот о завещании их фактически пожизненного президента Урхо Кекконена: оно начиналось словами: «Если я умру...». Атрибут бессмертия в образе великого Ленина был запечатлен в именах, появившихся в середине 20-х годов – Дележ (Дело Ленина живет), Луиджи (Ленин умер, но дело живо)⁸, Луник (Ленин умер, но идеи крепки), Лунио (Ленин умер, но идеи остались), Винун (Владимир Ильич не умрет никогда)⁹. По указанию Сталина одним из приоритетных направлений советской медицины стала проблема продления жизни. В частности, этим занимались во Всесоюзном институте экспериментальной медицины, созданном в 1936 году. Ходили слухи, что по указанию Сталина создана секретная лаборатория, работавшая над проблемой человеческого бессмертия.

На фигуре лидера фокусировалась тема преодоления времени. Стремление к стабильности свойственно обыденному сознанию. В традиционном обществе, в отличие от демократического, более ориентированного на институты, видимым и отчетливым символом стабильности является об-

⁸ Это был многократно растиражированный лозунг, который публика пародировала так: «Со смертью Ленина умерла его работа». (Цит. по: *Измозик В. С. С.* 127).

⁹ Kolonitskii B. Revolutionary Names: Russian Personal Names and Political Consciousness in the 1920s and in 1930s. // *Revolutionary Russia*, December 1993. Vol. 6. N 2. P. 221.

раз лидера. Смерть всегда образует разрыв во времени. Смерть вождя угрожает стабильности, устоявшемуся течению жизни общества. Всякий раз со смертью лидера разрушаются устоявшиеся общественные иерархии. Социальные психологи Л. Гозман и А. Эткинд указывали, что в «тоталитарном сознании» картину неизменности мира может обеспечить только бессмертие вождя¹⁰. На портретах вожди изображались нестареющими. Если правление Ленина было недостаточно долгим, чтобы портреты отобразили динамику, то образ Сталина на портретах на протяжении нескольких десятилетий оставался неподвластным времени. По-видимому, человеческое стремление к стабильности звучит в отдельных высказываниях публики по поводу смерти вождей. Одно из писем в газету в феврале 1924 года требовало: «Необходимо сделать Владимира Ильича вечным, бессмертным на все времена»¹¹. При обсуждении неожиданной смерти С. Орджоникидзе в 1937 году рабочий ленинградского трамвайного парка Гурилев говорил: «Не хочется верить этому. Хочется, чтобы наши любимые вожди партии жили бесконечно»¹². Вожди причислялись к высшим существам, для которых возможно все — даже бессмертие. Своим бессмертием они должны были обеспечить общественную стабильность.

Явным подтверждением бессмертной сущности советских вождей была «нетленность» их тел. Сохранение видимого образа умершего вождя, как и изготовление скульптурного изображения умершего короля в средневековой Европе на время междуцарствия¹³ — попытка прикрыть, заполнить, связать разрыв во времени. Нетленное тело Ленина утверждало безграничные возможности власти, победу над смертью, временем и самой природой.

В свою очередь, массовое сознание откликалось на сохранение забальзамированного тела Ленина в привычных религиозных категориях. В фольклоре возникает мотив о его воскрешении (см. главу «Смерть Ленина в реакции властей и общественном восприятии»). В нем заслуживает внимания представление о Ленине как о высшем судии, единственном, имеющем

¹⁰ Гозман Л., Эткинд А. Культ власти. Структура тоталитарного сознания // Осмыслить культ Сталина. М., 1989. С. 349–349.

¹¹ РГАСПИ, ф. 16, оп. 1, д. 724, л. 6.

¹² ЦГАИПД СПб, ф. 24, оп. 2, д. 2659, л. 97.

¹³ Kantorowicz E. H. The King's Two Bodies. A Study in Mediaeval Political Theology. Princeton University Press, 1970.

право судить о праведности и истинности нового мира, по образу и подобию Христа, выступающего в ипостаси сурового и всемогущего Судии, воплощения высшей справедливости. То же отношение мы можем усмотреть в фактах уже 80-х годов, когда люди, доведенные до отчаяния своим бесправием, не найдя нигде защиты, оставляли письма «Ильичу» со своими жалобами на парапете у стеклянного гроба в Мавзолее, как в последнюю инстанцию в поисках правды. Право советского человека на обращение к Ленину отстаивалось в стихотворении 1977 года:

Имеем право мы: буди!
Имеем право мы: звони!
Не стерпишь ты, я не смолчу,
Мы все позвоним Ильичу!¹⁴

Эксперименты власти со временем, обуздание его в политических целях соответствовали титаническому масштабу большевистского проекта. В официальной риторике «приручение» времени обозначало могущество власти, смелый вызов традиции. Несмотря на подчеркнуто секулярный подход власти, в коллективных представлениях оно интерпретировалось в религиозных категориях, расценивалось как греховное покушение на устои. Импульсы же тех, кто был очарован официальным мифом, указывают на модернизационные процессы трансформации в общественном сознании.

Итак, обобщая уже сказанное, образ лидера, олицетворяющего ценности той или иной гражданской религии, играет роль религиозного символа – высшего существа, совершенного, вездесущего, неподвластного времени, что находит свое отражение и в иконографии представлений, и в языке, и в стереотипах поведения и ритуалах.

¹⁴ Стихотворение белорусского поэта Максима Лужанина «Бессонный телефон». Цит. по Геллер М. Машина и винтики. История формирования советского человека. London, 1985. С. 67.

Имя

В январе 1924 года во время траурного митинга на Невской бумажной фабрике в Петрограде на публику произвело сильное впечатление выступление 12-летней девочки-пионерки, «требовавшей от ВЦИКа разрешения носить имя любимого вождя. Она клялась от имени детей быть стойкой, как учил товарищ Ленин. После речи девочки около 10 человек были вынесены на носилках с собрания в беспамятном состоянии»¹.

Б. Успенский отмечал, что социальные катаклизмы часто влекут за собой перемену имен и названий. И шире – социальные изменения крупного масштаба часто имеют своим следствием и изменение (обновление) отношения к знаку – когда то, что раньше считалось условностью, вдруг начинает восприниматься содержательно².

Смена картины мира и сопровождающий ее кризис самоидентификации вызывает необходимость называния новой реальности, переименования, наречения. А. Платонов говорил о новой советской России, как о «мире ненареченном». Магической операцией номинации (называние, обозначение именем) были бесчисленные переименования тех лет. Через наделение именем Ленина или другого вождя, маркирование цветом (красным) названий мест осуществлялась характерная для мифологического сознания власть имени над сущностью. Переименование, наречение именем отмечало принадлежность вещи, места, института, человека (будь то младенец или орденосец) к новому устроению мира. В мифологическом сознании, как показали исследования семиотической школы, происходит отождествление слова и денотата, признаком чего является ритуальное изменение имен собст-

¹ ЦГАИПД СПб, ф. 16, оп. 5, д. 5335, л. 19.

² Успенский Б.А. Мена имен в России в исторической и семиотической перспективе // Избранные труды. Т. II. Язык и культура. М., 1994. С. 153.

венных. Новому состоянию вещи соответствует новое имя и наоборот. Смена названия мыслится как перевоплощение, перерождение, уничтожение старой вещи и рождение на ее месте новой, более удовлетворяющей требованиям инициатора этого акта. Сотворение новой России мыслилось как генеральное переименование³. Поскольку имя отражает самую сущность вещей, изменение названия мыслится как изменение сущности. П. Бурдьё писал, что «акт наименования помогает структурировать мир»⁴. Об этом же размышлял и М. Фуко, который видел сущность власти в «способности замыкать людей в определенную сетку координат, наделяя их некоей идентичностью»⁵.

Революция повлекла за собой бесчисленные перемены названий. С карты исчезали названия, связанные с царской династией или церковными понятиями, а появлялись революционные. К традиционным именам добавлялось определение «красный», «советский» или «новый». Принадлежность к новому «мироустройству» обозначалась политической окраской в названиях — советский, коммунистический, комсомольский и т.д. Советская власть утверждала свое право обозначения преобразованного мира на свой манер.

Среди самых распространенных новшеств были имена вождей. Первые переименования в честь Ленина имели место уже в 1918 году. В первые годы советской власти они исходили чаще от воинских частей, для которых обозначение политической позиции в противостоянии Гражданской войны было естественно и неизбежно⁶. Выступая на стороне советской власти, они включали в название имя-символ. Накануне 1 мая 1918 года Первая рабочая петроградская артиллерийская батарея и курсанты Вторых Советских артиллерийских командных курсов просят у Ленина разрешения присвоить

³ Лотман Ю.М., Успенский Б.А. Миф-имя-культура. // Труды по знаковым системам. 6. Тарту, 1973. С.296.

⁴ Bourdieu P. Language and Symbolic Power. Cambridge, Harvard University Press, 1991. P. 105.

⁵ Foucault M. Power / Knowledge. New York, Pantheon, 1980.

⁶ Б.Колоницкий отмечает, что переименования в честь «вождя революции» А.Ф.Керенского имели место даже в короткий период между февралем и октябрем 1917 года, и инициатива также исходила от солдат или юнкеров. (См.: Колоницкий Б.И. Культ А.Ф. Керенского: образы революционной власти // The Soviet and Post-Soviet Review. Nos. 1-2. 1997. P. 63).

его имя этим воинским частям. В августе имя Ленина было присвоено клубу Царскосельского гарнизона, в ноябре — главной улице военно-морской крепости Кронштадт. В 1919 году неподалеку от нынешнего Волгограда появился город Ленинск, имя Ленина было присвоено тогда Электротехническому институту в Петрограде, клубу Обуховского завода — одного из крупнейших заводов Петрограда. В декабре 1922 года поселок Саблино недалеко от Петрограда, где Ленин в 1905–1906 году навещал свою мать и сестер, по предложению волостного Совета⁷ был переименован в поселок Ульяновка. Его адрес звучал гимном вождям: поселок Ульяновка, Ульяновской волости, Троцкого уезда, Ленинградской губернии (с 1924 года).

Не забывали и других вождей. В 1919 году недалеко от города Самары на Волге, в местах ожесточенных боев Гражданской войны, в честь председателя Революционного Военного Совета появился Троцк, а в 1922 году в Троцк была переименована Гатчина под Петроградом. А вот документ 1918 года: «Телеграмма. Председателю реввоенсовета тов. Троцкому. В день годовщины октябрьской революции и для того, чтобы увековечить первое торжество великого пролетарского праздника, граждане села Кочетовки Зосимовской области, Козловского уезда, Тамбовской губернии постановили переименовать наше село, назвав его в село Троцкое. Просим разрешить нам называть дорогим для нас именем вождя и вдохновителя Красной Армии. Председатель совдепа Нечаев»⁸. В 1919 году город Ашхабад стал Полторацком в честь одного из руководителей Советов Туркменистана. В 1920 году станция Новониколаевская на Азовском море получила имя героя Гражданской войны командующего Первой конной армией С. Буденного. В 1918 году город Лигово под Петроградом был назван Урицком в честь погибшего от руки террориста-мстителя Председателя петроградской ЧК Урицкого.

Имена вождей были запечатлены не только в названиях населенных пунктов и учреждений, но и в названиях кораблей морского флота. В России названия кораблей традиционно несли в себе наиболее значимые, почитаемые символы государства. В январе 1924 года русские эскадренные миноносцы, самые мощные тогда в мире, построенные в годы Первой мировой войны — «Новик», «Изяслав», «Забияка» и другие были переименованы и

⁷ ЦГАИПД СПб, ф. 461, оп. 2, д. 37, л. 22.

⁸ Цит. по: Волкогонов Д. Человек без паспорта и визы // Родина. 1989. № 7. С. 28.

получили имена Маркса, Энгельса, Зиновьева, Сталина и Ленина. В декабре 1924 года Ленинградский Губком одобрил присвоение таких названий кораблям: «М. Томский», «Г. Зиновьев», «Ф. Дзержинский», «Л. Красин», «Иван Сталин» [так в документе! – *О.В.*]⁹. Таким образом, имя Ленина в топонимике и переименованиях тех лет стояло в ряду имен других вождей и героев. Это было общее революционное настроение.

После смерти Ленина процесс переименований продолжал распространяться и нарастать особенно бурно. Петроград был наречен Ленинградом. Симбирск, где Ленин родился, стал Ульяновском. На карте появился город Зиновьевск. В пятую годовщину Октябрьской революции, 7 ноября 1924 года, Екатеринбург на Урале стал Свердловском, а Царицын 10 апреля 1925 года превратился в Сталинград. Донбасский поселок Юзовка был переименован в Сталино. В Петрограде в 1924 году существовали табачная фабрика имени Троцкого и типография имени Бухарина. В феврале 1924 года, на гребне шквала ленинских переименований, Ленинградский Уком РКП(б) просил разрешения у Зиновьева назвать Парголовскую волость – Зиновьевской, чтобы, как писалось в прошении, удовлетворить желание населения¹⁰. Председатель Ленинградского Совета не возражал, но ответил уклончиво: «Такие вопросы должны разрешаться в бюро Губкома».

Документы позволяют проследить, как принималось решение о переименовании Петрограда – второго по размерам города России, имевшего совершенно особое культурное, политическое и духовное значение для страны. Это переименование в 1924 году, как и возвращение имени Петра в 1990, было воспринято массовым сознанием остро и болезненно. Баланс инициатив, исходивших сверху и снизу, характеризует более широкое отношение власти и народа.

Решение было принято импульсивно, еще до похорон Ленина. Как разворачивались события в Петрограде в те дни? Известие о смерти Ленина было передано по телеграфу 22 января в 11 часов 15 минут. В тот же день состоялось заседание Бюро Петроградского Губкома РКП(б). На этом заседании был поставлен вопрос «о перенесении похорон т. Ленина в Петро-

⁹ ЦГАИПД СПб, ф. 16, оп. 1, д. 533, л. 217; ф. 16, оп. 5, д. 5336, л. 48.

¹⁰ Там же. л. 140.

град»¹¹. Обсудив, решили «договориться с т. Зиновьевым по этому вопросу» по телефону, так как он в тот момент находился в Москве. На этом же заседании было решено: «Дать директиву райкомам организовать 23 января в конце рабочего дня общие собрания рабочих по фабрикам и заводам; предложить Агитотделу Горкома и райкомам собрания, посвященные годовщине 9 января [1905 года. – О.В.], использовать для информации о смерти Ильича в духе директив ЦК... Обязать райкомы 2 раза в сутки информировать ГК о политическом положении района, армии и флота»¹².

По-видимому, переговоры с Зиновьевым состоялись, так как именно датой 22 января помечено письмо Г.Е.Зиновьева в Петросовет, в котором он предлагает переименовать город. Отдавая распоряжения райкомам о проведении траурных митингов на предприятиях, Горком мог инструктировать их в свете указаний, полученных от Зиновьева.

Итак, это была первая реакция партийных верхов, городских властей и Зиновьева на траурное сообщение. Попробуем представить реакцию населения. Это позволяет нам сделать документ, обнаруженный автором в фондах Музея политической истории России в Санкт-Петербурге, «Сводка ГПУ об отношении рабочих, служащих и учащихся гор. Петрограда к смерти тов. Ленина». Документ помечен 23 января и содержит донесения тайных осведомителей с фабрик, учебных заведений и учреждений. Сводка предназначалась для начальника секретной оперативной части Петроградского губернского отдела ОГПУ и секретаря ПК РКП(б). Сводка отражает непосредственную, еще не направленную партией в организованное русло, реакцию публики на смерть вождя. Все донесения, а их – 27, отмечают скорбное настроение большинства жителей. Например, сообщение с Невской бумагопрядильной фабрики: «Настроение рабочих в связи с кончиной тов. Ленина – подавленное. Сообщение, полученное во время собрания воспоминаний о 9 января¹³ (присутствовало 1700 чел), было встречено слезами рабочих, около 20 человек было вынесено из зала [по-видимому, из-за обмороков. – О.В.]. Собравшиеся просили ходатайствовать перед Центром, [чтобы] похоронить

¹¹ Протокол № 7 заседания Бюро Петроградского Губкома (ЦГАИПД СПб, ф. 16, оп. 1, д. 114, л. 10).

¹² Там же.

¹³ День памяти жертв Кровавого воскресенья 9 января 1905 года по новому календарному стилю отмечался 22 января.

тов. Ленина в Петрограде. Среди массы идут разговоры о преемнике тов. Ленина, намечаются: гг. Рыков и Каменев, и некоторыми — тов. Калинин. Контрреволюционной агитации не замечается»¹⁴. В сводке зафиксированы предложения по увековечению памяти Ленина — семь раз повторяется настоятельное требование похоронить Ленина в Питере, и лишь один раз прозвучало предложение переименовать Петроградский район в Ленинский. Никаких других предложений в документе не отмечено.

Не было предложений о переименовании города и в срочном политическом донесении Политического управления Петроградского военного округа от 23 января в Губком, где также звучало лишь одно пожелание — похоронить Ленина в Петрограде¹⁵.

А вот в донесениях из райкомов партии в Горком упоминаются оба предложения, но часто в форме резюме: «По отношению ко всем собраниям необходимо сказать... принято постановление о переименовании Петрограда в Ленинград»¹⁶. Нельзя исключить, что на этапе передачи информации из райкома в Горком сообщения «приправлялись» пожеланием, которого ждали в Горкоме.

Ясно видно, как дополнялась информация на этапе опубликования. Так, в донесениях ГПУ с заводов «Большевик» и «Северная судостроительная» не было конкретных предложений об увековечении, а в газетных репортажах с этих заводов за 23 января присутствуют пожелания и о переименовании, и о захоронении в Петрограде. В донесении ГПУ с завода им. Кулакова зафиксировано предложение о переименовании района, а в газетном репортаже — района и города.

Информация из райкомов поступала в Горком 23 января в 21 час 50 минут, в 22 часа, в 23 часа и позже¹⁷. Заседание расширенного Пленума Горкома 23 января, которое происходило еще до получения этой информации с мест, приняло решение: «Поручить Бюро ГК снестись в срочном по-

¹⁴ Сводка ГПУ об отношении рабочих, служащих и учащихся гор. Петрограда к смерти тов. Ленина. 23.01.1924 (Фонды ГМ ПИР, ф. 2, № 42870).

¹⁵ Срочное политическое донесение № 1/7 Политуправления Петроградского Военного округа на 23 января. К смерти тов. Ленина (ЦГАИПД СПб, ф. 16, оп. 9, д. 9765, л. 6).

¹⁶ Сводки по районам. 23.01.1924 (ЦГАИПД СПб, ф. 16, оп. 9, д. 9765, л. 16).

¹⁷ Там же.

рядке с ЦК по вопросу о переименовании Петрограда в Ленинград»¹⁸. По-видимому, «добро» было получено, так как в этот день, 23 января, в 19 часов на траурном заседании Петросовета было принято соответствующее постановление. На этом заседании самым настойчивым образом звучали требования питерцев похоронить Ленина в Петрограде, и председатель собрания Евдокимов был вынужден уговаривать собравшихся отказаться от этого требования. Как бы в компенсацию, было зачитано письмо Г.Е.Зиновьева с предложением о переименовании: «Расцвет политической деятельности Владимира Ильича начался в Петрограде. Решающие события Великого Октября, которым руководил Владимир Ильич, произошли в Петрограде. Я предлагаю, товарищи, на сегодняшнем заседании Петросовета постановить, что город Петроград переименовывается в Ленинград, и провести это решение во всех инстанциях в порядке советской законности. Пусть наш великий пролетарский город навеки будет связан с именем великого вождя и любимого учителя международного рабочего класса. Ваш Зиновьев»¹⁹. Предложение было встречено аплодисментами. Решение о переименовании находилось в непосредственной связи с вопросом о похоронах, точнее о месте похорон.

Решение о переименовании было утверждено 24 января на заседании Политбюро ЦК РКП(б)²⁰. А 26 января оно было оформлено постановлением II съезда Советов СССР: «...Второй съезд Советов СССР считает вполне справедливым удовлетворить просьбу Петроградского Совета рабочих и красноармейских депутатов, поддержанную резолюциями рабочих всех фабрик и заводов Петрограда, о переименовании города Петрограда в Ленинград»²¹.

Советская историография традиционно рисовала схему «народ потребовал – партия удовлетворила желание трудящихся», подчеркивая тем самым демократизм принятия решений. Последней работой, построенной по этой схеме, была статья Г.Ежовой «Петербург-Петроград-Ленинград» в сборнике «О Ленине – правду»²². Рассмотренные документы рисуют не та-

¹⁸ ЦГАИПД СПб, ф. 16, оп. 1, д. 110, л. 6.

¹⁹ Красная газета. 1924. 24 января.

²⁰ РГАСПИ, ф. 17, оп. 1, д. 412, л. 1.

²¹ Известия. 1924. 27 января.

²² Ежова Г. Петербург-Петроград-Ленинград // О Ленине – правду. Сб. Л., 1991. С. 167.

кую одномерную картину. Действительно, такие предложения «снизу» по увековечению памяти Ленина, как переименование города, захоронение в Петрограде, единичные пожелания о бальзамировании тела имели место. Одновременно, или чуть раньше, эти предложения возникали и в руководстве. Решения по этим вопросам были приняты 23 или 24 января утром, когда еще невозможно было оценить и составить представление о массовых настроениях. Возможность же партийных органов (например, Петрогубкома) повлиять на резолюции митингов трудящихся нельзя преуменьшать. Ведь сообщения о смерти Ленина везде на собраниях делались исключительно «оторгами» (руководителями партийных организаций), ими же составлялись тексты резолюций. Сложившаяся практика показывала, что тогда они были весьма несамостоятельны в принятии решений, по любому незначительному поводу требовалась санкция райкома²³.

Однако говорить о прямой зависимости партийных решений от пожеланий масс никак нельзя. Ведь, несмотря на то, что массовые требования похоронить Ленина в Петрограде были единодушными и предъявлялись в самой категоричной форме даже и после похорон («решительно требуем!»), они не были приняты партийным руководством. Напротив, единичные предложения о бальзамировании тела, видимо, отвечавшие интересам кого-то в руководстве, упорно протаскивались, несмотря на сопротивление родных и близких. Детали, связанные с переименованием Петрограда, позволяют сделать вывод о стимуляции «сверху» соответствующих резолюций фабрик и заводов.

Можно подвести итог: решение принималось наверху, не учитывая общественного мнения, но «постфактум» эти решения демагогически были оформлены как «глас народа». Это было обычной практикой сталинского руководства, риторической фигурой официальной пропаганды. Можно сказать, что власти поделили тело и имя вождя. Тело призвано было освящать своим присутствием столицу, а имя уступили городу революции. Добившись последнего, Зиновьев приобщился к ленинскому образу и укрепил

²³ В сводке ГПУ с завода «Красный Путиловеш» говорилось: «По мастерским велись разговоры с оторгом о прекращении работ на сегодняшний день и устроить митинг, но когда коллектив [партийная ячейка — О.В.] ответил, что без директивы райкома он не может предпринимать что-либо, рабочие приступили к работе» (Фонды ГМ ЦИР, ф. 2, № 42870).

свои позиции во внутрипартийной борьбе. В этих событиях тело и имя Ленина выступали как средство легитимации.

Переименование Петрограда открыло шлюзы для потока присвоения ленинского имени школам, мельницам, заводам, клубам, маякам, депо и т. д. «Рабочая газета» 30 января сообщала, что «в Питере (ныне Ленинград) нет ни одной фабрики или учреждения, которое не заявило бы о своем желании называться именем Ленина»²⁴. 1 февраля 1924 года Комиссия по организации похорон обратилась в Президиум ЦИК с просьбой – издать распоряжение о запрещении переименований именем Ленина без согласия Президиума ЦИК. 5 февраля постановление было опубликовано²⁵. В архиве сохранились длинные списки организаций и городов, претендующих на переименования. Списки с отрицательной резолюцией Президиума ЦИК были в несколько раз длиннее утвержденных переименований²⁶.

Нужно отметить, что переименования не только производились органами центральной или местной власти, но и спонтанно снизу. Например, такое ходатайство было подано от Калмыцкого базара. Появляются протесты в прессе со стороны интеллигенции: «Имя покойного вождя должно быть синонимом всего лучшего, что у нас есть, всего показательного, с чего можно и нужно брать пример, стимулом к улучшению работы, построению ее по заветам Ильича. Стыдно если какая-нибудь волость, захлестываемая самогоном и сифилисом (а таких у нас еще немало), именуется "Ленинской"»²⁷. Статья в журнале «Красная Новь» также предлагала руководствоваться чувством меры в использовании имени Ленина²⁸. Но доказательство своей лояльности было куда важнее для местных руководителей. Когда какой-нибудь ретивый чиновник предлагал дать имя Ленина новому колхозу или старому заводу, в политической атмосфере тех дней возражения ему выглядели бы подозрительно.

Рассуждая о многочисленных присвоениях имени Ленина после его смерти, В. Шкловский в статье «Ленин как деканонизатор» деликатно предупреждал: «Как только слово прирастает к вещи, оно перестает ощущаться

²⁴ Рабочая газета. 1924. 30 января.

²⁵ РГАСПИ, ф. 16, оп. 1, д. 30, л. 28; д. 530, л. 28.

²⁶ РГАСПИ, ф. 16, оп. 1, д. 532, л. 1, 2, 4.

²⁷ РГАСПИ, ф. 16, оп. 1, д. 528, л. 51.

²⁸ Якерин В. Об использовании имени Ленина // Красная Новь. 1925. № 9. С.280.

и лишается эмоционального тона...» Он обращал внимание на «превращение дорогих... и насыщенных глубоким содержанием слов в ходячие термины-названия, превращение этих слов в бытовые знаки и связанное с этим опустошение, обеднение слова...»²⁹.

Неуместность стихийных переименований ощущалась властью. Неоднократно издаются постановления о запрещении самовольных переименований³⁰. Власть стремилась монополизировать полномочия на наименования как «важнейшее из всех полномочий власти — наделение социального мира названиями»³¹. К тому же, по-видимому, осознавалась тенденция к снижению значимости через рутинизацию, к разрушению харизмы: «В практике, в повседневном советском быту, имя В.И.Ленина весьма часто недопустимо "разменивают на мелочи"»³². Запреты не всегда были действенными, и это доказывает, что существовали определенные пределы в осуществлении права власти на наименование. Это проявлялось как в самовольных изменениях названий, так и в недовольстве переименованиями. Часть публики голосовала за переименование, другая часть публики ворчала и протестовала. Частушка отразила очень распространенное неприятие:

Пишет Ленин из могилы:
«Не зовите "Ленинград",
Это Петр Великий строил,
А не я, плешивый гад»³³.

Анекдот вторит: «Цензор просматривает "Популярную астрономию", изданную Госиздатом. На следующий день Госиздат получает заключение: «Обращаю Ваше внимание на непростительную опечатку. Набор рассыпать. В следующей редакции планета Юпитер должна именоваться Ю-ленин»³⁴.

²⁹ ЛЕФ. 1924. № 1. С.54, 60.

³⁰ РГАСПИ, ф. 16, оп. 1, д. 530, л. 1.

³¹ Kertzer D. Politics and Symbols. The Italian Communist Party and the Fall of Communism. Yale University Press, 1996. P.77.

³² Письмо члена РКП(б) Я.Алтаева в ЦИК СССР под названием «Посерьезней обращаться с Лениным» (РГАСПИ, ф. 16, оп. 1, д. 528, л. 52).

³³ Дмитриев А.В. Социология политического юмора. М., 1998. С. 51.

³⁴ Mass Culture in Soviet Russia. Tales. Poems. Anecdotes / S.V.Geldern, R.Stites (ed). Indiana University Press, 1995. P. 314.

Языковед А. Селищев свидетельствовал в 1928 году, что «новые названия пунктов, поселков, особенно улиц туго усваиваются населением»³⁵. Но власть прибегала к насилию и внедряла новые названия своеобразным способом, как об этом сообщалось в частном письме: «Адресуй впредь твои письма в Ленинград — дали имя этого негодяя моему старому Петербургу, столь любимому. Это имя я не выношу, но письма, адресованные на Петроград, бросают в корзину»³⁶.

Недовольство публики переименованиями расценивалось властью как контрреволюционные настроения. Отчасти это соответствовало истине, но часто в ворчании прорывалось просто раздражение на резкие перемены. Например, в 1927 году представитель завкома Пролетарского завода Ленинграда Октябрьской железной дороги внес предложение «все учреждения, в частности имени Зиновьева и Троцкого, упразднить и в дальнейшем ставить памятники только мертвым, а не живым, а то кто-нибудь сделает какой-нибудь подвиг и сразу во имя его фабрика»³⁷.

Претензия на создание «нового» советского человека замечается в наречении новорожденных детей именами коммунистических вождей, олицетворявших «новый» мир, или в перемене имен взрослыми. Отражая практику, в 1918 и в 1924 году устанавливались законы о праве граждан менять имена и фамилии. Один из героев «Чевенгура» А. Платонова — полномочный волревкома Игнатий Мошонкин сменил свое имя на Федор Достоевский и постановил: «Впредь предложить всем гражданам пересмотреть свои прозвища — удовлетворяют ли они их, имея в виду необходимость подобия новому имени. Федор Достоевский задумал эту кампанию в целях самосовершенствования граждан: кто прозвется Либкнехтом, тот пусть и живет подобно ему, иначе славное имя следует изъять обратно»³⁸. Имя приобретает возможность самостоятельного функционирования. Имя «хорошего» человека само по себе начинает обладать положительным качеством, и может быть перенесено на другие объекты в виде своеобразного знака качества³⁹.

³⁵ Селищев А. Язык революционной эпохи. М., 1928. С. 190.

³⁶ ЦГАИПД СПб, ф. 16, оп. 5, д. 5912, л. 213.

³⁷ ЦГА СПб, ф. 1000, оп. 11, д. 558, л. 73.

³⁸ Платонов А. Чевенгур. М., 1988. С. 131.

³⁹ Паперный В.З. Культура — «два». Ardis, 1985. С. 152.

Вера в возможность создания «нового» совершенного человека путем его наречения, то есть формирования или изменения его сущности посредством называния или замены имени проявлялась в увлечении новыми революционными именами в 20-е и 30-е годы. В набор личных имен включились Искра, Электрификация, Революция и прочие. Но первенствуют среди новых имен производные от имени вождя – Владимир Ильич Ленин. Впрочем, имя верховного правителя всегда находило отражение в выборе родителями имени для новорожденных. Как имя Николай – царствующего императора, так и имя Владимир – вождя революции были популярны соответственно до и после революции. Петербургский историк Борис Колоницкий исследовал предпочтения в выборе личных имён в 20–30-е годы. На основе его данных можно сделать вывод, что имя Владимира Ильича Ленина оказало самое заметное влияние на эти предпочтения. Во-первых, широко распространяется наречение мальчиков Владимиром, во-вторых, революционные энтузиазм и фантазии конструируют новые, производные от имени вождя, имена. Так, по его данным в 1908–1916 годах всего 1,4 % мальчиков получили имя Владимир в Ростове-на-Дону. В 1922–1928 годах пропорция выросла до 12,4%, в 1932–1938 до 12%, в 1941–1949 годах – до 12,6%. Среди тех, кто поменял свое имя в 1932–1935 годах, Владимир было самым распространенным – 13%. Впечатление от смерти Ленина нашло отражение в возрастании наречения мальчиков Владимиром от 11,9% в 1923 году, до 17,5% в 1924 году (данные по Фрунзенскому району Москвы)⁴⁰.

Преобладающее количество новых революционных имен было образовано от имени, отчества или псевдонима вождя революции. Колоницкий насчитывает более 120 конструкторов. Самыми популярными были Вил, Вилен, Владилен, Владлен, Нинель, но также и такие экзотические, как Вилорик (В.И.Ленин освободил рабочих и крестьян), Вилорк (В.И.Ленин организатор коммунизма), Вилсор (В.И.Ленин совершил Октябрьскую революцию), Дэви (Даешь электрификацию Владимиру Ильичу), Волен (Воля Ленина), Силен (Сила Ленина)⁴¹.

⁴⁰ Kolonitskii B.I. Revolutionary Names: Russian Personal Names and Political Consciousness in the 1920s and in 1930s. // Revolutionary Russia. December 1993. Vol. 6. N 2. P.211.

⁴¹ Там же. P.220.

Функцию вождя как святого покровителя отразили такие имена, как Дизи (Дети, исполняйте заветы Ильича), Замвил (Заместитель В.И.Ленина), Изил (Исполняйте заветы Ильича), Польза (Помни ленинские заветы), Роблен (Рожденный быть ленинцем), Яслен (Я с Лениным), Ясленик (Я с Лениным и Крупской). Стремление к установлению неформальных, личностных связей с вождем, свойственных традиционному обществу, видно в искусственных сочетаниях имени Ленин со словом любовь – Люблен (Любите Ленина), Ледруд (Ленин друг детей), Лелюд (Ленин любит детей), Вилюр (Владимир Ильич любит Россию).

Каковы были мотивы выбора таких имен? Кто выбирал их? В деревне революционные имена давались крайне редко. Чаще всего революционные имена давались в семьях новой коммунистической элиты – «энтузиастов-функционеров» – ответственных партийных, хозяйственных, комсомольских и профсоюзных работников, а также среди интеллигенции, в основном первого поколения, военных, рабочих и чекистов⁴². Судя по тому, что нередко выбор имени для новорожденного обсуждался в партийных ячейках, можно предположить, что не только глубоко личные внутренние мотивы играли роль, но имели место и карьеристские соображения. Родители стремились подчеркнуть свою причастность к социалистическим преобразованиям, включенность в новый мир, а также обеспечить своих детей своеобразным капиталом в виде имени, соответствующего новому устройству жизни. Имя явно выступает здесь как «социальный знак» (по Б.Успенскому), как средство интеграции и социализации.

Колоницкий отмечает, что после 1932 года наречение детей революционными именами, в том числе производными от имени Ленина, уменьшается. Нередки были случаи обратной замены имен на традиционные христианские. Он предполагает, что это могло быть следствием переориентации государственной пропаганды на патриотические ценности, а также нарастанием нестабильности и страха в обществе – при перемене политического курса «политизированные» имена могли стать даже опасными. Но также, возможно, основанием могло быть нарастающее разочарование в социалистических преобразованиях и их результатах.

⁴² Там же. Р.219.

З.Паперный замечает, что имя в советской культуре обладало чуть ли не чудодейственной силой. Творчество поэтов аккумулировало импульсы общественной атмосферы и запечатлевало их в гротескной форме. Поэты слагали оды имени вождя.

Земля! Зеленая планета!
Ничтожный шар в семье планет!
Твое величье – имя это,
Меж слов твоих – прекрасней нет!⁴³

Если ты ранен в смертельном бою,
Если у гибели ты на краю...
Имя заветное ты повтори⁴⁴.

Это имя хранит нас от горя и бед.
В нем достоинство наше и наша судьба...⁴⁵

«Если от горя нечем дышать,
Произнеси только слово Сталин –
И к подвигам будешь готов опять...⁴⁶

Как в увлечении портретами вождей, так и в страсти к переименованиям проявлялось свойственное мифологическому сознанию приращение имени или изображению гипертрофированного значения, отождествление знака и обозначаемого.

⁴³ Брюсов В. "Ленин" 1924.

⁴⁴ Стихотворение Михалкова С. 1952 года (цит. по: Паперный В.З. С. 148).

⁴⁵ Цит. по: Щербинин А.И. С картинки в твоём букваре // Полис. 1999. № 1. С. 58.

⁴⁶ Песня о Сталине. Избранные стихи советских поэтов. М.–Л., 1950. С. 113.

Национальный символ

Во время восстания 1921 года в Петрограде и Кронштадте звучал лозунг: «Долой евреев! Да здравствует Ленин!»¹.

В момент, когда традиционные, устоявшиеся веками ценности — такие, как монархия, религия, культура, нормы нравственности — подвергаются отрицанию или ревизии, в обществе срабатывают защитные механизмы. В борьбе за выживание человеческое сообщество обращается к «базовым конструктам», «константам», в которых сосредотачиваются в свернутом виде ценности и верования данного общества². По-видимому, национальные ценности могут выступить в момент «смуты», как структурообразующий или, точнее — структуровосстанавливающий компонент. До определенной степени они могут выполнять упорядочивающую функцию. Во всяком случае, мы это можем видеть в советской России после революции. Некоторые исследователи, например, М.Геллер, полагают, что в национальных чувствах общество могло находить прибежище от давления космополитичной советской идеологии 20-начала 30-х годов³.

Хотя в официальной советской системе ценностей тех лет отчетливо преобладали классовые идеи, сводки о настроениях свидетельствуют, что

¹ ЦГАИПД СПб, ф. 16, оп. 5, д. 4319, л. 5.

² Лурье С. В. Историческая этнология. М., 1997. С. 183.

³ Некоторые свидетельства тому, можно найти в документах. Отвергаемые властью религиозные и национальные ценности становились консолидирующими знаками оппозиции режиму. Листовка 1931 года апеллировала к национальным и православным символам: «Коммунизм умрет! Россия не умрет! Русский террор — божий меч! Именем бога и России братство русской правды, плоть от плоти народной и кость от кости народной, объявляет Кремлевскую комиссаровскую власть и всех ее деятельных приспешников вне закона божеского и человеческого и призывает всех русских граждан, готовых пожертвовать собой за Христа [со строчной буквы в документе — *О.В.*] и Россию, начать против представителей красной власти жестокий и беспощадный террор. Не людям служим, Богу и родине служим. Русский террор есть божий меч. Да здравствует русский народный террор. Верховный круг братства русской правды» (ЦГАИПД СПб, ф. 24, оп. 16, д. 378, С. 17).

образ Ленина в массовом сознании имел значение национального символа. В первые годы после революции, когда была провозглашена идея интернационализма и приоритет классовых интересов над национальными — этот сюжет отсутствовал в официальной пропаганде. Лишь единожды вопрос о «национальном в Ленине» поднял остро воспринимавший эти моменты еврей Троцкий в своей статье 1920 года. Но и тот более подчеркивал «исконность», «мужиковатость» в Ленине, по-видимому, стремясь приблизить образ вождя к народу.

Для парадного образа лидера была характерна тенденция к наделению его облика чертами господствующей нации. Не раз отмечалось приращение изображения Ленина или Сталина антропологических черт той или иной нации в республиках СССР или в других социалистических странах. Сознательно или бессознательно художники приближали образ лидера к господствующему антропологическому типу. В облике Сталина на парадных портретах не подчеркивалось, а скорее ретушировалось его грузинское происхождение.

В противоположность официальному образу в коллективных представлениях образ лидера выполнял помимо прочих и функцию национальной интеграции и национальной идентификации. Выступая прежде всего воплощением доминирующих в социуме ценностей и ориентаций, он непременно окрашивался в национальные тона. Публика придиристо подмечала этнические черточки у вождей, которые игнорировал их парадный образ. Картавость Ленина и грузинский акцент Сталина всегда были ведущими вербальными характеристиками вождей в фольклоре, особенно в анекдотах, наряду со зрительными знаками: кепкой — у одного и усами — у другого.

К сюжету о национальном в вожде непосредственно относится следующее наблюдение. Важным феноменом массового сознания 20-х и 30-х годов было восприятие советской власти как еврейской. Большое количество евреев, получивших, наконец, возможности продвижения вверх, среди партийных и советских руководителей, способствовало отождествлению власти коммунистов и евреев. Антисоветизм в массовом сознании соединялся с антисемитизмом, взаимно усиливая друг друга. «Довела нас жидва да коммуна», — писали в 1921 году петроградцы в письмах. Сводки сообщали: «Среди части рабочих и служащих часто можно слышать разговоры, что,

мол, жаль Советскую власть, которая дала себя захватить евреям, которые любят только комиссарство...». «Соввласть – власть не рабочая, а еврейская» (Черниговская губерния, 1926). На телефонно-телеграфном заводе им. Кулакова, на металлическом заводе «Красный Выборжец» в Ленинграде «говорят о еврейском засилье в правящих органах... что высшие органы возглавляются евреями, что евреи вообще не занимаются физическим трудом...» (1924). Более того, иногда социализм в целом рассматривался как форма господства евреев или результат их международного заговора. Аноним «Петроградский» рассуждал в письме к Жданову в 1934 году: «Цифры доказывают, что социализм-коммунизм не жизненный, и что он нужен жидам, как ширма для получения равноправия»⁴.

На старый интернациональный массовый стереотип еврея, якобы «виновного» во всех несчастьях той или иной страны, в советской России наложилось восприятие власти как чуждой, внешней. Для преобладавшего крестьянского населения оба эти представления получали конкретное воплощение в фигуре коммуниста, приехавшего из города в деревню или в провинцию устанавливать советскую власть, проводить продразверстку, организовывать колхоз и т. д. Обобщенный образ терроризирующей власти, ломающей традиционный уклад жизни, как оккупант-завоеватель, наделялся этническими чертами еврея. На национальные предрассудки, в свою очередь, накладывались и религиозные. Связь национального и религиозного была тем более тесной в массовом сознании, что в царской России формально учитывались не этносы, а конфессии. Русские самоназывались православными. Этническое самопонимание заключалось в конфессиональную форму. Неудивительно поэтому, что гонения коммунистических властей на православную церковь трактовались не только в категориях апокалипсиса, но рассматривалось как столкновение разных религий – иудейской и православной.

В массовом сознании, при доминирующем восприятии советской власти как еврейской, Ленин нередко противопоставлялся ей как русский, что уже отмечалось в начале главы. «Русскость» Ленина подчеркивалась в фольклоре. В двадцатые годы ходила частушка:

⁴ ЦГАИПД СПб, ф. 16, оп. 5, д. 4319, л. 8; д. 5907, л. 47, 63; ф. 24, оп. 2в, д. 1518, л. 9; Неизвестная Россия. XX век. Архивы. Письма. Мемуары. 3. 1993. С. 333, 331.

Ленин Троцкому сказал:
– Я мешок муки достал.
Мне кулич, тебе маца.
Ламца-дрица-гоп-ца-ца.

Политические конфликты, свободные от этнической окраски в официальном дискурсе, в массовом сознании преломлялись через призму национальных ориентаций. В ходе внутрипартийной дискуссии 1923–24 годов, которую «обыватели понимают так, что в связи с болезнью т. Ленина его место хочет занять Троцкий, которого не хотят другие коммунисты», многие расценивали эту дискуссию, как «борьбу против еврейского правления». Рабочие тогда говорили: «Ленин был русский, а Троцкий – еврей, и что [поэтому] пойдут за Лениным»⁵. Из сводок ОГПУ о настроениях следует, что образ Ленина как русского имел большое значение для широких масс на фоне распространенного бытового антисемитизма: «Ленин вызывает сочувствие среди крестьян, так как он не еврей»⁶.

Вспышка антисемитских настроений была спровоцирована смертью Ленина. Законченную форму противопоставление евреев и Ленина приобрело в слухах о том, что «его отравили жида, стремящиеся захватить власть в свои руки»⁷. Гадая о преемнике умершего вождя, люди придавали национальности решающее значение, иногда даже поступаясь деловыми качествами кандидата: «Председателем СНК будет назначен Калинин как человек старый, безвольный, ну а все же коренной русский». Всеобщим было неприятие возможного выдвижения на пост Председателя СНК «Каменева или других нерусских по национальным соображениям». «Теперь-де будет засилье еврейской национальности, так как во главе встанет Троцкий, возьмет власть в свои руки и будет властвовать с евреями, а остальные сядут на бобах». Назначение А.И. Рыкова председателем СНК было встречено с единодушным одобрением, с одной и той же повторяющейся мотивировкой: «Все-таки назначили русского человека, а не еврея»⁸. Возможно, именно про-

⁵ ЦГАИПД СПб, ф. 16, оп. 5, д. 5907, л. 77; д. 5932, л. 11; д. 5910, л. 2.

⁶ ЦГАИПД СПб, ф. 16, оп. 5, д. 5335, л. 55.

⁷ Цит. по: Измозик В.С. Глаза и уши режима. С. 127.

⁸ РГАСПИ, ф. 16, оп. 1, д. 98, л. 10; ЦГАИПД СПб, ф. 16, оп. 5, д. 5908, л. 12; д. 5259, л. 17; д. 5336, л. 37, 44.

явившееся в эти дни и зафиксированное ОГПУ всеобщее желание видеть нееврея во главе правительства, массовый национализм и антисемитизм повлияли на последующую политику власти по сохранению национальной чистоты образа Ленина.

В 1924 году сестра Ленина А. И. Ульянова-Елизарова по поручению ЦК работала в ленинградских архивах, собирая материалы по биографии Ленина. Там ею были обнаружены данные о деде по линии матери – А. Д. Бланке, который происходил из еврейской семьи. Чтобы получить доступ к высшему образованию, он крестился – перешел в православную веру, учился на врача и сделал успешную карьеру. Вернувшись в Москву, А. И. Ульянова-Елизарова доложила о еврейских корнях в семейной родословной в Институте Ленина. Тогда эти сведения были признаны «неудобными для разглашения. В Институте [Ленина – О. В.] было постановлено не публиковать и вообще держать этот факт в секрете»⁹. В 1932 году А. И. Ульянова-Елизарова обращается к Сталину за разрешением опубликовать эти данные: «Но в последние годы я, слыша, что антисемитизм у нас проявляется опять сильнее, даже среди коммунистов, просмотрев исследование по этому поводу произведенное в 1929 году МЦСПС, прихожу к убеждению, что вряд ли правильно скрывать от масс этот факт, который вследствие уважения, которым пользуется среди них Вл. Ильич, может сослужить большую службу в борьбе с антисемитизмом, а повредить, по-моему, ничему не может. И я думаю, что кроме научной работы над этим материалом, на основе его следовало бы составить теперь же популярную статью для газеты. Мне думается, что также взглянул бы и Вл. Ильич. У нас ведь не может быть никакой причины скрывать этот факт...»¹⁰. Обращение сестры Ленина свидетельствует о представлениях большевистской элиты о «полезности», как о высшем аргументе, и о «целесообразности» использования образа Ленина в благих целях. Сталин не разрешил публикацию и распорядился «молчать абсолютно». В 1934 году А.И. Ульянова-Елизарова повторила свое обращение к Сталину, но ответа не получила.

В тридцатые годы писательница Мариэтта Шагинян, работая над книгой о семье Ульяновых, обнаружила в волжских архивах документы

⁹ Отечественные архивы. 1992. № 4. С. 78.

¹⁰ РГАСПИ, ф. 13, оп. 1, д. 471, л. 1–4.

о бабке-калмычке Ленина по отцовской линии А. А. Смирновой и опубликовала эти данные в своей книге «Билет по истории». Последовало специальное разгромное постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 5 августа 1938 года «О романе Мариэтты Шагинян "Билет по истории", часть 1 "Семья Ульяновых"»¹¹. Книга была изъята из оборота. Многие документы, с которыми она работала в архивах Пензы, Ульяновска, Астрахани, по ее словам, исчезли. Писательница работала в тесном сотрудничестве с Д.И.Ульяновым и Н.К.Крупской, которой она послала рукопись своей книги на отзыв. Постановление осудило не только автора, но и «поведение Крупской, которая, получив рукопись романа Шагинян, не только не воспрепятствовала появлению романа в свет, но наоборот, всячески поощряла Шагинян по различным сторонам жизни Ульяновых и тем самым несла полную ответственность за эту книжку». Далее в постановлении ЦК ВКП(б) говорилось: «Считать поведение Крупской тем более недопустимым и бестактным, что т. Крупская сделала все это без ведома и согласия ЦК ВКП(б), за спиной ЦК ВКП(б), превращая тем самым общепринятое дело [так в тексте. – О.В.] и выступая в роли монополиста и истолкователя общественной и личной жизни и работы Ленина и его семьи, на что ЦК никому и никогда никаких прав не давал»¹². Последний тезис постановления ясно говорит о том, кто претендовал на роль «монополиста и истолкователя». Постановление было отменено в 1956 г.

Обращение государственного мифа к национальным ценностям, происшедшее в середине 30-х годов, переоценка значения национальных чувств как средства мобилизации – все это повышало ценность национального колорита в парадном образе отца-основателя. Если в двадцатые годы основанием для затушевывания вопроса о происхождении Ленина был классовый подход – считалось «политически неуместным» признавать дворянское происхождение вождя рабочих и крестьян, то позже нужно было скрывать еврейских предков Ленина. Партийное руководство демонстрировало твердое нежелание признавать существование «инородцев» в родословной

¹¹ Отечественные архивы. 1992. № 4. С. 78.

¹² Штейн М. Генеалогия рода Ульяновых, или Какие тайны хранят до сих пор сейфы Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС // Литератор. 1990. № 38. С.5. Стиль постановления сохранен.

вождя. Это свидетельствовало о том, что образ Ленина как национального лидера России был чрезвычайно ценен для власти, и этой его ипостасью она ни в коем случае не хотела поступиться. Помимо того, в этом отражались националистические предрассудки тогдашних партийных руководителей. Однако, несмотря на усилия охранителей, слухи о еврейских предках Ленина ходили среди публики в 60-70-е годы: «Сионистская среда подхватила слух о еврейском происхождении Ленина», — сообщалось в записке КГБ 1968 года¹³. Эти «подозрения» не только отмечались КГБ, но и запечатлены в фольклоре — во многих анекдотах картавость в ленинской речи, приписываемая обычно произношению евреев, особо подчеркивалась.

Это что за большевик
Лезет там на броневик?
Он простую кепку носит,
Букву «Р» не произносит...

Как в тридцатые годы открытие документов о бабке-калмычке Ленина привело к их изъятию и гонениям на писательницу М. С. Шагинян, так и в 1965 году повторное открытие документов о деде-еврее в Центральном государственном историческом архиве Ленинграда историками А. Г. Петровым и М. Г. Штейном вызвало ту же самую реакцию.

Исследователи сообщили об архивной находке М. С. Шагинян. Та писала М. Штейну 7 мая 1965 года: «Генеалогия отца Марии Александровны [матери В.И.Ленина. — О. В.] точно выяснена благодаря находке в архиве нужных документов. Об этом мною было доложено в Институт марксизма-ленинизма. "Семья Ульяновых" (I часть, где говорится о родословных отца и матери) будет переиздаваться, вероятно, в будущем году, и я надеюсь получить разрешение на публикацию этих новых данных. Сердечный привет. М. Шагинян. P. S. Я смотрю на понятие национальность абсолютно как Вы, т. е. не придаю ему ни малейшего значения, кроме фактического и исторического. Но напому Вам, что моя книга "Семья Ульяновых" была изъята на 22 года, а я за нее порядком пострадала из-за того, что открыла калмыцкое

¹³ Секретная записка КГБ при СМ СССР в ЦК КПСС о настроениях студенческой молодежи. 5 ноября 1968 г. // Исторический архив. 1994. № 1. С. 191.

прошлое в роде отца и этим воспользовались фашистские газеты в 1937 году»¹⁴.

Как следует из письма писательницы, она сообщила об открытии еврейских предков Ленина в ИМЛ. За этим последовала беседа с одним из секретарей ЦК КПСС, возможно, с Л. Ф. Ильичевым. Тот предложил М. С. Шагинян забыть о том, что она узнала и никому об этом не говорить и не писать. Позже она признавалась, что «в наказание» за эту находку ее не наградили орденом к юбилею. 26 марта 1966 года она пишет М. Штейну: «Вы спрашиваете, когда переиздадут "Семью Ульяновых". Мне запретили упомянуть в новом издании о новых данных, открытых в архиве, в генеалогии матери Ленина, а я запретила печатать "Семью Ульяновых" без этих данных... Больше я ничего не смогла сделать, и мне тошно от такого непонятного для меня запрета. Это не только отвратительно, но и политически глупо. Пришлите фотографии, буду Вам очень благодарна. Если Вы сможете повидать Петрова, скажите ему, что я была просто ошеломлена, узнав, будто работников архива постигла какая-то неприятность. Если это их может утешить, пусть сообщат им, что и мне самой не легче. Я никак не думала, что все это так обернется»¹⁵.

Ленинградского историка М. Штейна в свою очередь вызвали в Ленинградский Обком КПСС и порекомендовали «не совать нос куда не просят». Ответственный работник Обкома заявил ему: «Мы Вам не позволим позорить Ленина». Далее состоялся следующий диалог:

- А что, быть евреем – это позор?
- Вам этого не понять.
- А как же быть тогда с Марксом, ведь он тоже еврей?
- К сожалению¹⁶.

В архиве также последовали репрессии. После обнаружения «красных» документов архивные дела, которые хоть как-то могли раскрыть тайну, были изъяты без оставления копий и увезены в ИМЛ. Сотрудники получили выговоры, некоторые были уволены. Страницы дел

¹⁴ Штейн М. Генеалогия рода Ульяновых...

¹⁵ Там же. С. 5.

¹⁶ Там же. Подробно см.: Штейн М. Г. Ульяновы и Ленины. Тайны родословной и псевдонима. СПб., 1997.

были перенумерованы, листы использования изъяты или переписаны. Документы о родословной В.И.Ленина были опубликованы в России только в 1991 году исследователем Г. М. Дейчем¹⁷.

Завеса тайны над таким фактом биографии Ленина, как его национальная принадлежность, характеризовала как состояние и нравы советской исторической науки, партийной элиты, так и антисемитизм, свойственный массовому сознанию. Политика секретности в отношении фактов жизни Ленина, тактика умолчания призваны были скрыть от людей те стороны образа Ленина, которые не соответствовали каноническому имиджу. Ни в 1924, ни в 1932 и 1934, ни в 1938 и 1965 годах власти не позволили опубликовать данные о еврейских и калмыцких предках Ленина. Ни Сталин, ни последующие партийные лидеры не хотели ни в коем случае поступиться этой ипостасью в образе Ленина и стремились оставить национальный символ «незапятнанным».

В качестве завершающего штриха к этой истории можно добавить, что сотрудники ИМЛ скрывали документы не только от исследователей и общественности, но и от самих себя. В сообщении «Родословная В. И. Ленина» старшего научного сотрудника ИМЛ И.Н. Назарова, сделанном в 1981 году на одной из ведомственных конференций в музее В. И. Ленина, как он утверждал, на основе материалов ИМЛ, отрицалось калмыцкое происхождение бабки В.И. Ленина А. А. Смирновой, а о национальности А. Д. Бланка – деда Ленина – сказано уклончиво: «числился малороссом, украинец». Так и рекомендовали отвечать на вопросы любознательных. В списке использованной Назаровым литературы книги Шагинян не упоминались, отсутствовали ссылки на документы. Однако за пределами круга «посвященных» охранителей правила детской игры *«Да и Нет не говорите, Черного и Белого не называйте»* не срабатывали. Несмотря на замалчивания, сведения о предках Ленина вызывали интерес у публики. Автору этих строк во время работы экскурсоводом в Ленинградском музее революции посетители часто задавали такие вопросы. Об этом же писала научный работник Киево-Печерского заповедника А. Попченко в запросе в музей истории Ленинграда в 1964 году о родословной семьи Бланк. В ответе ей рекомендовался роман

¹⁷ Дейч Г.В. Бланк особого учета, или еврейские предки Ленина // Час пик. 1991. № 29. 22 июля.

Мариэтты Шагинян «Семья Ульяновых», опубликованный в журнале «Нева», 1957 год, № 8¹⁸.

Вплоть до Перестройки партийные руководители самым ревнивым образом охраняли, по их мнению, «чистоту» национального символа – образ Ленина как консолидирующий знак для советского народа. Эти подробности раскрывают механизм контроля партийного аппарата над образом Ленина и над исторической наукой. Что же касается массового сознания, то национальная ипостась образа вождя – русскость или еврейство – представлялась публике очень важной, даже несмотря на то, что эта сторона не подкреплялась пропагандой и отсутствовала в официальном образе.

¹⁸ Документы из архива автора.

Родовой символ

Другой важной функцией образа лидера является родовой символ — символ отца, покровителя, «волшебного помощника». При обилии негативных мнений и высказываний, обвиняющих Ленина в страданиях народа, в положительных откликах он играл роль защитника. Культ лидера может принимать различные формы и отвечать разным человеческим потребностям, однако самым значительным его компонентом является культ отца, будь то святые отцы церкви, отец нации, основатель партии и т.д. Вспомним, как в России называли царя — Царь-батюшка. Позже титул великого отца советского народа получил Сталин.

Государства со слабо развитыми гражданскими институтами, часто пытаются организовать свое устройство по архаическому типу — сохранить подобие родовой организации с лидером в качестве отца или старейшины. Восприятие лидера как отца-покровителя наиболее ярко реализуется в традиционных обществах, в институте монархии. Даже когда монархия устраняется, потребность, устремленность масс к отеческой заботе остается сильной. Но и в революционном обществе концепция отца-основателя имеет особое значение. Новый режим, прерывающий преемственность между прошлым и настоящим, остро нуждается в легитимации. Потребность в отце-основателе, которая играет фундаментальную роль в структурировании общества, в советской России реализовалась в мифе Ленина.

Возможно, некоторые особенности русского национального характера, русской политической культуры находили отражение в отношении к власти. Авторитарный стиль властвования каждый ребенок усваивал еще в семье, которая в России и в начале XX века оставалась патриархальной. Другой особенностью русской политической культуры была слабость абстрактных представлений об институтах власти. Жизнь в традиционном обще-

стве базируется на личной связи. Общественные контакты персонифицированы — люди общаются с людьми, но не с абстрактными институтами. Крестьяне были более верны Богу, чем церкви, царю верили более, чем правительству, Ленину и Сталину — более, чем партии. Культ лидера устанавливает как бы личные, человеческие отношения с вождем «поверх всех промежуточных образований, организаций, партий, масс-медиа и всех учреждений, которые превращают государство в холодное и безликое чудовище»¹.

Отношения личной преданности также соответствовали принятым внутри российских иерархических структур позициям более, чем служение делу вообще. А. И. Тамми, один из руководителей ленинградских комсомольцев в 1930-е годы, вспоминал, что, почувствовав опасность ареста, он обратился за помощью к П. Смородину — секретарю ОК ВКП(б). На уверения Тамми в его преданности Коммунистической партии, тот настойчиво повторял, ударяя кулаком по столу: «Ты не понимаешь. Нужно быть преданным лично товарищу Сталину! Лично товарищу Сталину!»²

Крестьяне, не понимая сложного механизма функционирования государства, склонны были воспринимать его как большую семью, которая выполняет защитные функции. В ленинском, а позже в сталинском культе, расцвел культ отца, обычный для традиционных обществ. Он достиг такого размаха потому, что именно крестьянство оказывало решающее влияние на формирование коллективных представлений в России в 20–30-е годы.

Ощущение сплоченной семьи не только поддерживалось сверху поощрением слепой преданности лидеру, но и соответствовало стремлению «маленького человека» найти привычную защищенность, которую он имел в семье, теперь уже в социуме. Изученные документы свидетельствуют, что Ленин в коллективных представлениях играл роль родового символа, отвечал естественному человеческому стремлению иметь покровителя, который знает, как решить трудные вопросы и берет на себя бремя ответственности. Он обещал избавить от войны, дать землю, обещал скорое светлое будущее — социализм. Эта ипостась отца-защитника в образе Ленина присутствовала с самого начала и даже после его смерти. Перед нами вопль о помощи и защите — документ 1919 года, который в архиве Музея Революции был анно-

¹ Москвичи С. Век толп. С. 348.

² Этот эпизод А. И. Тамми поведал автору в личной беседе в 1988 году.

тирован, по-видимому, в 30-е годы: «Провокационная телеграмма врагов народа В. И. Ленину из Поповки (Симбирской губернии). Срочно. Москва. Совдеп. Симбирский губернский совет высылает отряды расстреливать народ милости просим защиты. Отряды видят, что они высылаются против народа и слагают оружие... Изложенное настоящее подтверждают комиссар отряда Красной армии Крычин и уполномоченный отрядом Елизаров и Красов»³. В 1924 году одна работница писала в ЦК: «Я уверовала в Ильича... Сейчас я поняла, почему мы так горюем о товарище Ленине: потому что он нам защитник и покровитель всех угнетенных»⁴. В узбекской песне, записанной в 1927 году, говорилось: «Умер наш Ленин – умерла наша защита. Некому теперь защищать нас...»⁵.

Основания для того, чтобы рабочие воспринимали вождя как защитника, легко найти в государственном мифе, изображавшем защиту интересов рабочих как функцию диктатуры пролетариата. Однако даже в немногочисленных положительных мнениях гонимых советской властью «торговцев», звучали похожие мотивы. Некоторые из них связывали НЭП с именем Ленина и полагались на покровительство советского вождя. Осведомители ГПУ после смерти Ленина доносили, что «много говорят о якобы возможных репрессиях в отношении торговцев, что только Ленин сдерживал тех, кто старался всеми мерами внести всякое лишение прав лиц без определенных занятий и торговцев. Что, вероятно, все выселения связаны с болезнью Ленина и что со смертью его, безусловно, увеличатся гонения»⁶. Единичные позитивные отзывы квалифицированных технических работников, или, как их называли тогда, «спецов», также рисовали советского вождя как покровителя: «Он один берег советское производство, заводы, фабрики и т.п., был единственным вдохновителем целого ряда новых технических начинаний. Он один умел прислушаться к движению русской технической мысли...»⁷. Оторванное от действительности представление о покровительстве Ленина по отношению к дискриминируемым советской властью слоям, свидетель-

³ ГМ ПИР СПб., фонд негативов, ВСФ-46775, негатив № 123000.

⁴ РГАСПИ, ф. 16, оп. 1, д. 528, л. 149.

⁵ Прожектор. 1929. № 3 (173). С. 25.

⁶ ЦГАИПД СПб, ф. 16, оп. 5, д. 5335, л. 56.

⁷ Там же.

ствуется о превращении образа Ленина в миф, которому приписывались идеальные черты.

Обиженное на советскую власть крестьянство, отзываясь на официальную пропаганду государства трудящихся, искало в лице умершего Ленина защитника, перенося на него свои упования. Среди положительных высказываний крестьян мотив народного защитника звучал отчетливо и ярко: «Ленина жалели, говоря, что мужика забыли и не улучшают его положения, один Ленин считал, что пора мужику сделать послабление... В смерти Ильича крестьяне потеряли отца и учителя, который так сильно заботился о них»⁸. «Даже те из наших устьинских хозяев, что потемней, нынче понимают, чем был для нас Ильич, и до сих пор жалеют о его смерти. Самым подходящим названием мы считаем ему – отец...»⁹. А вот еще один «голос из хора» – стихотворение, под названием «Учитель Ленин», полученное Михаилом Зощенко от читателя:

Я пишу о Вас, товарищ Ленин,
Что ты родной отец мой,
Что ты дал большое знание
и научил читать меня...¹⁰

Молодые родители, в 20-е годы, нарекая младенцев именем Владимир, как бы обозначали святого-покровителя. Родовые метафоры в общественном сознании выдавали себя в именах Вилор (В. И. Ленин – отец революции) или Эди (Это – дитя / дочь Ильича)¹¹.

Восприятие образа Ленина, а позже Сталина, как главы большой семьи, находило выражение в языке. Семантический анализ советской лекси-

⁸ Там же. Л. 84.

⁹ У великой могилы. 1924. С. 53. Письмо А. И. Иванова, череповецкого крестьянина, в редакцию газеты «Известия».

¹⁰ Зощенко М. «Уважаемые граждане». Письма к читателю. М., 1991. С. 357. Писатель комментирует: «Пролетарская революция подняла целый и громадный пласт новых, "неопикуемых" людей. Эти люди до революции жили как колючие растения. А сейчас они худо ли, хорошо – умеют писать и даже сочиняют стихи. И в этом самая большая и торжественная заслуга нашей эпохи. В этих стихах есть энтузиазм».

¹¹ Kolonitskii B.I. Revolutionary Names: Russian Personal Names and Political Consciousness in the 1920s and in the 1930s. // Revolutionary Russia. V. 6. December. 1993. N 2. P. 221.

ки, позволяет угадать неявные архетипы коллективного «неосознанного». В траурные дни 1924 года, очень распространенным было выражение «осиротели». Первым так выразился Л.Троцкий, в своей статье, переданной по телеграфу из Тифлиса, с вокзала: «Партия осиротела. Осиротел рабочий класс. Именно это чувство порождается, прежде всего, вестью о смерти учителя, вождя». «Осиротелые» – так называлась заметка А.Львова о заседании XI Всероссийского съезда Советов, 22 января 1924 года, помещенная в «Правде». Для фольклора было характерно обращение к Ленину, как к «батюшке». Например, частушка 60-х годов:

Ленин, батюшка, проснись
И с Хрущевым разберись.
Водка стала двадцать семь,
Мяса, масла нет совсем ¹².

В этой частушке Ленин снова исполняет роль высшего судии. Аналогичное обращение-жалоба звучит в листовке 1929 года:

Ты устань-проснись, Владимир, встань-проснись, Ильич.
Посмотри-ка на невзгоду, какова лежит,
Какова легла на шею крестьянина-середняка...
В кооперации товару совершенно нет для нас.
Кроме спичек и бумаги, табаку, конфект,
Нет ни сахару, ни масла, нет ни ситца, ни сукна,
Загрузила всю Россию водочка одна ¹³.

В многочисленных изображениях, где Ленин рисовался с детьми, образ «батюшки» или «дедушки» апеллировал к самым простым, основным человеческим чувствам (см. фотографию). Еще в 1920-е годы детская аудитория привлекалась, приближалась к вождю в известных сюжетах участия

¹² Неподцензурная русская частушка / Подгот. текста В. Кабронского. Нью-Йорк, 1978. С. 189.

¹³ Цит. по: Осокина Е. За фасадом «сталинского изобилия». М., 1999. С. 64.

Ленина в празднике елки в Сокольниках, устройстве новогоднего праздника для деревенских детишек в Горках¹⁴.

Октябрята, а иногда и все советские дети назывались «внучатами Ильича». Например, в песне 1930-х годов «Красноармейцы», на стихи Т. Сикорской:

Внучата Ильича!
Работа горяча — готовят нам враги войну.
Грозить, враги, не смейте.
Мы все красноармейцы¹⁵.

В 1953 году М. Алигер писала о портрете Ленина: «Со стены, с портрета в хвойной раме, замкнутого траурной каймой, он следил внимательно за нами, провожал по улицам домой школьников, мальчишек и девчонок, октябрят своих, внучат своих»¹⁶. В этих строчках отчетливо и ясно запечатлена функция надзора со стороны основателя рода, с которым предлагается соразмерять свое поведение и «делать бы жизнь с кого».

В тридцатые годы в детских колониях и в приемниках-распределителях, куда помещались дети репрессированных родителей, выходили газеты под названиями «Ленинские внучата» или «Сталинские внучата». В этих газетах от имени детей, потерявших родителей, заявлялось: «У многих из нас нет родителей, но у нас есть мать — наша родина, и отец — наш лучший друг, родной Сталин»¹⁷. Бахтинское «перевертывание» родовой модели, отразил анекдот 30-х годов: «Сталин инкогнито приходит на завод и разговаривает с молодым рабочим: «Кто ваш отец?» — «Сталин», — отвечает

¹⁴ В сообщении врачей о болезни и кончине В. И. Ульянова-Ленина говорилось: «На Рождестве была устроена елка для детей, на которой В. И. присутствовал, был в хорошем настроении и заботился, чтобы детей не стесняли в их играх» (У великой могилы. М., 1924. С. 63).

¹⁵ Щербинин А. И. «С картинки в твоём букваре» или Аз, Буки, Веди, Глагол, Мыслете и Живете тоталитарной индоктринации // Полис. 1999. № 1. С. 121.

¹⁶ Цит. по: Добренко Е. Метафора власти. С. 96.

¹⁷ Горчакова А. Ю. Пресса Гулага (1918–1955). М., 1996. С. 88.

рабочий. — «А мать?» — «Наша Родина». — «А кем вы хотите стать?» — «Сиротой»¹⁸.

Родовая модель в отношениях господства и подчинения в советском варианте возникает при Ленине. Именно Ленин — революционный вождь — начинает в массовых представлениях играть роль не только основателя государства, но и «отца-основателя», патриарха, главы рода. Развиваясь, законченную форму эта ипостась вождя приобретает уже при Сталине. Именно ему чаще адресовались обращения «отец» и «родной».

Образ Сталина, в котором первоначально преобладали такие характеристики политического лидера, как вождь «стальной воли», беспощадный к врагам борец за народное счастье, с развитием культа приобретает «теплые», отеческие черты. Этот сдвиг в сторону отеческой фигуры можно заметить по школьным учебникам середины 30-х годов, в это время он стал изображаться художниками в обществе детей. В 1935 году в «Правде» была опубликована фотография Сталина с дочерью Светланой. Тогда же появилась фотография вождя, обнимающего девочку-бурятку. Этот сюжет — вождь с детьми, преимущественно с девочками, становится распространенным.

В письмах Сталину простые люди обращались к нему: «Дорогой Иосиф Виссарионович, обращаюсь к Вам, как к самому близкому другу и отцу...»¹⁹. Но и соратники видели в нем отеческую фигуру. В 1936 году в частной переписке между собой С. Орджоникидзе и Л. М. Каганович неоднократно называли Сталина не только Хозяин, но и «нац родитель»²⁰. Обращение самого Сталина к родовым символам, изображение подопечного народа как семьи, нашло выражение в его знаменитом обращении 3 июля 1941 года, которое он начал со слов: «Братья и сестры!».

Отношение к вождю как к главе семьи запечатлелось и в том, что в большевистских кругах было принято именовать Ленина на домашний манер, по отчеству без имени. Валентинов вспоминал: «Большевистское окружение в личном общении и за глаза его (Ленина) величали "Ильичом". Так

¹⁸ Цит. по: *Thurston R.W. Social Dimensions of Stalinist Rule: Humor and Terror in the USSR, 1935–1941. // Social History. 1991. Spring. P. 544.*

¹⁹ Вопросы истории. 1996. № 1. С. 9

²⁰ Сталинское Политбюро в 30-е годы / Сост. О. В. Хлевнюк и др. М., 1995. С. 148, 151. (Серия «Документы советской истории»).

называли его и сверстники, и те, кто намного были старше его...»²¹. ЦК РКП в постановлении о смерти Ленина подчеркивал, что вождя «...как лучшего друга, массы звали своим "Ильичом"». В узбекской песне 1925 года звучало: «Русские звали Ленина просто "Ильич", и это показывает, насколько он был близок народу»²². Если рассмотреть этот факт в семиотической перспективе, он наполняется глубоким смыслом. Б. Успенский подчеркивал значение имени как социального знака. Обращение «Ильич» отражает именно восприятие окружающих. Что стояло за этим именованием?

Согласно В. Далю, обращение по отчеству без имени в русской крестьянской и рабочей среде выражает «среднюю степень уважения»²³. Но оттенок фамильярности в таком обращении все же присутствует. Величание по отчеству без имени обозначает довольно близкие отношения, свойственные какому-то замкнутому, тесному сообществу, такому как род, каста, цех, или крестьянская община. Прозвище «Ильич» в советское время было распространено не только в партийных кругах, но и среди публики. Такое же отношение, типичное для большой патриархальной семьи, проявилось позже в именовании Сталина за глаза, как «Виссарионыч», или как «Хозяин», или просто «Сам» (глава патриархальной семьи), а в блатной среде – пахан. Вспомним, кстати, что и Кирова называли «наш Мироныч». Таким образом, семиотическое толкование принятого обращения к лидеру подтверждает перенесение образца отношений, свойственных патриархальной семье, в поле властных отношений.

Патерналистская модель советских социальных отношений широко обсуждается в американской историографии. Так Катерина Кларк²⁴ указывала, что апелляция к родовым символам позволяла легитимизировать государство в ясной и понятной большинству форме. Основополагающий миф советского государства покоился на родовых универсалиях. Государство, коммунистическая партия представлялись как семья, но семья высшего порядка, узы которой важнее кровного родства. Принадлежность политиче-

²¹ Валентинов Н. Встречи с Лениным. С. 71.

²² Записано в кишлаке Канибадаме, Ферганской области в марте 1925 года. Автор песни, комсомолец Атабаев (Прожектор. 1929. № 3 (173). С. 26).

²³ Даль В. Толковый словарь в 4 томах. Т. 2. М., 1989. С. 724.

²⁴ Clark K. Utopian Anthropology as a Context for Stalinist Literature // Tucker R. Stalinism. Essays in Historical Interpretations. New York, 1977. P. 180, и далее.

скому племени была выше принадлежности семье. Хрестоматийный пример Павлика Морозова ориентировал молодежь на новую систему ценностей. Отказ Сталина выволить своего сына из немецкого плена, обменяв его на генерала вермахта, давал наглядное представление о приоритетах официальных ценностей.

Сквозное сравнительное исследование восприятия Ленина и Сталина позволяет заметить, что образ отца выполнял скорее функциональную роль, чем имел фиксированное конкретное значение. Отецеская функция могла переноситься, переходить на разные лица. На высшем уровне иерархии она переносилась с фигуры Ленина на Сталина, но и на других иерархических ступенях статусом отца наделялись, например, Зиновьев или Киров. В некоторых сферах общественной жизни тот или иной авторитет выступал в роли патриархов – Макаренко в педагогике, Горький в литературе. Родовой символизм, одним из проявлений которого была модель отношений «отец – дети», не только использовался властью в политических целях, но отражал и коллективные представления и выполнял функцию скрепляющей общество матрицы.

Именно отеческий образ Ленина воспринимался камерно, интимно, входил в приватную сферу. Заслуживают размышления факты появления в 20-х годах изображений Ленина на предметах повседневного обихода, личного пользования. Позолоченное кольцо, золотой медальон, головной платок, сигареты, чашки, тарелки с изображениями Ленина уже упоминались ранее (см. фотографии). Позже изображения вождей стали чаще помещаться на декоративной посуде, вазах, предназначенных для украшения, в основном, общественных помещений. Присутствие изображений Ленина в повседневном быту, на утилитарных предметах заставляет предположить, что этот образ в какое-то время соприкасался с частной, даже интимной сферой человеческого существования, он был «дорогим» образом, который входил в дом, который носили на груди.

Складывание отеческого образа вождя как защитника происходило скорее спонтанно, в глубинах массового сознания, но вместе с тем этот образ использовался и властями.

Политический символ

Самой очевидной ипостасью образа лидера является политический, государственный символ, выполняющий мобилизационную функцию. Ленин, а затем Сталин олицетворяли Коммунистическую партию, Советскую власть, социализм. И сами лидеры, и пропаганда настойчиво подчеркивали идентичность вождя и партии: они ее создали, были ее учителями. П. Бурдые говорил о «магии представления, при помощи которого представитель организует группу, которая произвела его самого. Официальный представитель обладает властью говорить и действовать во имя группы. Через магию слова он замещает группу, получая право действовать, как целая группа»¹. Ленин, а затем Сталин были репрезентантами Коммунистической партии и – шире – Советской власти.

Бесчисленные лозунги связывали воедино имя вождя и партии. Одним из них стала строка из Маяковского «Мы говорим – Ленин, – подразумеваем партия. Мы говорим – партия, – подразумеваем Ленин». Эта ипостась образа настойчиво подчеркивалась властью, культивировалась, например, в Ленинской вербовке в партию, развернувшейся после смерти Ленина. Рабочие, как они писали в заявлениях, шли в партию «не для того, чтобы получить какие-нибудь привилегии, а с целью заменить ту утрату, которую понесла великая пролетарская семья»². В те траурные дни, по сообщениям информаторов, «настроение рабочих подавленное, к членам РКП относятся сочувственно»³. В соответствии с официальным сценарием, ощущение потери относилось в первую очередь к коммунистической партии, к

¹ Бурдые П. Социальное пространство и генезис «классов» // Вопросы социологии. Т. 1. № 1. 1992. С. 29.

² Красная газета. 1924. 2 февраля.

³ Фонды ГМ ПИР СПб., ф. 2, № 42870.

остальным — в меньшей степени. «Неорганизованное» население, принимая эту стратификацию, выражало сочувствие членам партии.

Изображение Ленина включалось в государственную символику, уже с 1920 года появилось на красном знамени рядом с ликом Маркса, с 1938 года — на деньгах и т. д. Образ вождя как олицетворение партии и государства не только пропагандировался сверху, но действительно существовал в коллективных представлениях. После смерти Ленина распространились мнения, что «со смертью Ленина партия и республика развалятся». «Ходят слухи о предполагаемом перевороте, т.к. считают, что со смертью Ленина Республика не сможет существовать». «Теперь дело пойдет к концу и советской власти, несомненно, крышка»⁴. Отождествление Ленина и советской власти было настолько непосредственным, что смерть вождя вызывала сомнения в жизнеспособности всего режима — еще один довод, почему его «бессмертие» было так необходимо режиму. «Сцепление» понятия и образа реализовывалось в противоположной зависимости — при ожидании возможного падения советской власти люди уничтожали портреты вождя. В первые дни блокады Ленинграда с распространением «панических» настроений, ожиданием прихода немцев и падения советской власти в некоторых конторах домохозяйств были разбиты и выброшены бюсты Ленина и Сталина. Жилищные конторы — официальные учреждения, хоть и низового уровня — стремились от греха подальше избавиться от советского символа, знака лояльности к власти и причастности к социалистическим ценностям. В те дни, по сообщениям Кировского и Ленинского райкомов Ленинграда, рядовые коммунисты стремились избавиться и от «священных» текстов — произведений Ленина, Сталина, Краткого курса истории ВКП(б), объясняя, что «придут, мол, немцы и за такую литературу вешать будут»⁵. Подтверждение прямой ассоциации образа лидера и политического режима мы увидим в фактах, когда смерть Сталина повлекла либеральную трансформацию режима, а крах коммунизма в конце восьмидесятых годов сопровождался эрозией образа Ленина в общественном сознании.

⁴ ЦГАИПД СПб, ф. 16, оп. 5, д. 5335, л. 66, 25, 69.

⁵ Эти факты приводит *Ломагин Н.* Власть и народ: настроения населения Ленинграда в 1941–1942 гг. // *Новый часовой.* 1999. № 8-9. С. 106.

Помимо очевидной ассоциации образа лидера и власти, источники указывают на существование противоположного сюжета в массовом сознании. Очень часто люди разделяли и противопоставляли идеальный образ вождя, с одной стороны, и, с другой стороны, политику партии, власти, государства. Уже в 20-е годы в коллективных представлениях появляется тенденция к противопоставлению Ленина и остального партийного руководства. Например, во время восстания 1921 года в Петрограде звучал лозунг: «Долой евреев! Да здравствует Ленин!». Также в сводках 1921 года упоминаются активно циркулирующие слухи о том, что «Троцкий хотел арестовать Ленина за его сдвиг вправо, а сам попал под домашний арест. Затем будто Ленин, видя полную разруху, собирает вокруг себя беспартийных, которым намеревается передать бразды правления»⁶. Образ Ленина как бы отделялся от «неправильной» политики партии. В 1932 году на Украине во время голода, вызванного коллективизацией, ходили слухи, «что Ленин воскрес и скоро придет громить большевиков»⁷. Такое размежевание приобретало законченную форму в окрашивании дихотомии в этническую окраску, когда русского, «своего» Ленина противопоставляли еврейской части большевистского правительства.

В массовом сознании существовали оппозиции: центральная власть — местная, идеальная власть — повседневная реальность. Иллюзии в отношении власти сублимировались в фигуре Ленина.

Противопоставление идеальной власти в лице вождя повседневной реальности в виде злоупотреблений местных властей — постоянный мотив писем советских людей и основной мотив писем в редакции газет и руководящие органы. В 1925 году крестьянин в своем письме писал: «Советская власть-то милостивая, она-то идет по стопам вождя Революции, но у сельских властей головы низкие, они не сочувствуют бедному слою, а любят только себя»⁸. Другой крестьянин из Гдова в письме М.И.Калинину и И.В.Сталину 21 сентября 1933 года напутствовал: «Идите верными и мерными стопами — нашего покойного вождя т. Ленина, который не любил засиживаться в своем кабинете, тот любил часто прислушиваться к каждому

⁶ ЦГАИПД СПб, ф. 16, оп. 5, д. 4319, л. 5, 32.

⁷ РГАСПИ, ф. 124, оп. 3, д. 359, л. 26.

⁸ ЦГАИПД СПб, ф. 16, оп. 6, д. 6936, л. 41.

отдельному голосу крестьянина и рабочего. А вы уж очень высоко залетели на небеса, и вам плохо слышится голос крестьян и рабочих. Благодаря чего [так в тексте – *О.В.*] все это на местах власть уродует всю жизнь и структуру советской власти»⁹. По традиции простые люди со своими жалобами апеллировали к царю, к Ильичу, к Сталину, минуя местную власть, и искали правду наверху. Развивается дихотомия между образом социализма, представленным партией и образом социализма – представленным вождем.

В этой дихотомии – образа лидера как олицетворения новой власти и образа лидера, противопоставленного новой власти, – отразились его различные функции: родовой символ защитника вступает в противоречие с политическим символом. Идеальный образ лидера «поднимался» над реальностью с ее невзгодами и суетой. Согласно М.Веберу, основа харизматической власти в принципе лежит вне сферы повседневности¹⁰, существует отдельно от ее разочарований. «Обудничивание» (ругинизация) же харизмы представляет угрозу «снижения» харизмы, ее растворения. Не только властям, но и обывателям не нравилось, когда вождь превращался в элемент повседневности. О картине Бродского «Ленин в Смольном» рабочий записал в дневнике: «Изображение Ленина, как вождя мирового пролетариата, ему [художнику. – *О.В.*] нисколько не удалось: Ленина он написал, правда, высокохудожественно, но обыкновенным человеком, который сидит и о чем-то, мечтая, пишет»¹¹. При соприкосновении с повседневностью очарование харизмы разрушается.

Конечно, разделение идеального образа лидера и образа реальной власти отсутствовало в официальной пропаганде, однако было распространено в коллективных представлениях. Такое противопоставление может быть объяснено различными функциями образа лидера. Потребность в утешении реализовалась в ипостаси защитника, функция мобилизации – в политическом символе.

⁹ ЦГАИПД СПб, ф. 24, оп. 16, д. 550, л. 161.

¹⁰ Weber M. *Economy and Society* / ed. G. Roth and C. Wittich. Berkeley, 1978. P. 246

¹¹ Цит. по: Козлова Н. С. 163.

Образец для подражания

Важной составляющей образа лидера в коллективном сознании был образец для подражания. Такой образец необходим отдельной личности для идентификации себя среди многих, а обществу – как средство социализации, вхождения, встраивания индивида в социум. Также нельзя переоценить значение образа лидера как образца и героя в официальном мифе.

Важнейшим средством социализации была молодежная организация, носившая имя вождя – пионерская организация имени Ленина. Ритуал инициации – прием в пионеры осуществлялся в день рождения вождя 22 апреля, обычно в священных местах – в музее Ленина или у подножия памятника. Дети произносили торжественную клятву верности лично вождю. Лозунгом организации был лозунг слепого повиновения «Будь готов! Всегда готов!». Школа, детская литература предлагали образец для подражания. Уже в детском саду учили такие стишки:

Я – маленькая девочка, играю и пою.

Я Ленина не видела, но я его люблю.

Пропаганда прямо предлагала идеальный образ вождей в качестве модели «делать бы жизнь с кого». Г.Зиновьев в 1918 году в речи в Петросовете призывал: «Будем хоть немного похожи на товарища Ленина!» Характерный лозунг 1924 года: «В каждой мелочи будь Лениным!» Член РКП(б) Я.Алтаев в письме в ЦИК СССР в 1925 году писал: «С именем В.И.Ленина в широких трудящихся массах связывается представление о лучшем, что имеется в нашей революции, нашей партии, советской власти. Недаром ведь у подрастающего поколения – пионеров с детских лет воспитывается стрем-

ление — "быть таким, как Ильич"¹. Пропаганда находила отклик. При опросе крестьянских детей в Тверской губернии в 1926 году 15,9% мальчиков на вопрос «На кого вы хотели бы походить?», — ответили: «На Ленина». На вопрос «Почему?» — среди прочих доводов они буквально повторяли лозунг: «Быть хоть немного похожими на Ленина!» Пропагандистский образ затмил традиционные авторитеты — менее 3% мальчиков стремились походить на своих отцов².

Образ вождя как образца для подражания выполнял важную функцию в социализационном процессе. Уже отмеченную практику наречения новорожденных именами Владлен, Лен, Нинель, и замену имен взрослыми на Владимир, Карл, Ленин и т.д.³ можно интерпретировать как поиски идентичности, стремление интегрироваться в социум.

Режим объявлял себя демократическим и, подчеркивая в своих вождях их демократизм, двигался навстречу эгалитаристским ожиданиям масс. Когда дворянское происхождение вождя не вписывалось в демократический канон, Зиновьев и Троцкий подчеркивали простое происхождение и «народность» вождя⁴. Миф о «социальном происхождении» вождя воплощался в анекдоте 20-х годов: «Молодой человек дворянского происхождения, принадлежавший к тому же в прошлом к меньшевикам, поступает в университет. Его спрашивают:

- Каково ваше социальное происхождение?
- То же, что и у Ленина.
- Какую позицию вы занимали в Октябрьской революции?
- Ту же, что и Троцкий»⁵.

Однако и сам Ленин целенаправленно строил свой имидж народного вождя. Так как атрибутом пролетариата является физический труд, он участвует 1 мая 1919 года в субботнике в Кремле и даже переносит бревно, что было запечатлено фотографом. Примечательно внимание к этому эпизоду не только пропаганды, многочисленных воспоминаний, но и общественного

¹ РГАСПИ, ф. 16, оп. 1, д. 528, л. 52.

² *Большаков А.М.* Деревня 1917–1927. М., 1927. С. 271.

³ *Kolonitskii*. P.223.

⁴ *Зиновьев Г. Н.* Ленин. С.8; *Троцкий Л.* Национальное в Ленине.(1920)

⁵ *Mass Culture in Soviet Russia. Tales, Poems, Anecdotes / S. von Geldern, R. Stites (ed.).* Indiana University Press, 1995.

мнения в виде анекдотов. Позже множество людей претендовали на совместное перенесение бревна с Ильичом. Пользуясь нечетким качеством фотографии, тот или иной рабочий утверждал, что именно он запечатлен рядом с Лениным. Уже в 1970-е годы апелляция к этому мифу просматривалась в полюбившейся многим цирковой миниатюре клоуна Ю.Никулина с надувным бревном.

Важной чертой идеального портрета лидера был аскетизм, который принадлежал к христианским добродетелям, соответствовал уровню жизни и официально принятой советской системе ценностей. Пропаганда в конструируемом портрете лидера всегда отмечала его простоту – непритязательность в еде и одежде, чтобы подчеркнуть самопожертвование вождя в служении на благо народа. Мотив скромности был одним из основных в бесчисленных мемориальных музеях, где демонстрировались одежда и предметы быта, окружавшие вождя. Отслужившая свое одежда уже другого вождя – Сталина – бережно сохранялась в свое время для будущего музея.

Костюм вождей был важной составляющей их имиджа. Очевиден тот факт, что с приходом к власти изменилась манера Ленина одеваться. Он продолжал носить белую рубашку с галстуком и жилетом, но сменил такую важную деталь костюма, как головной убор. Всю свою жизнь, вплоть до апреля 1917 года он носил шляпу или котелок, как это было принято в интеллигентских и буржуазных кругах и никогда – кепку. Последний раз он запечатлен в шляпе на фотографии сделанной в Стокгольме, на пути из эмиграции в Россию. По воспоминаниям, костюм и шляпа были куплены специально в Стокгольме⁶. В черной шляпе он приехал в Петроград на Финляндский вокзал. Случайно проговорился об этой детали Н.И.Подвойский в воспоминаниях⁷. Встреча Ленина многократно описывалась в мемуарах, обсуждалась в историографии, воспроизводилась художниками и артистами. В советской агиографии многолюдной встрече Ленина и группы эмигрантов 3 апреля 1917 придавалось значение «явления Христа народу». Практически всегда в этом сюжете вождь предстал в демократической кепке⁸, что про-

⁶ Цхакая М. Г. Возвращение на родину // Воспоминания о В. И. Ленине в 5 томах. Т. 2. С. 384.

⁷ Подвойский Н. И. В. И. Ленин в 1917 году // Исторический архив. 1956. № 6.

⁸ Самойлов Ф. Н. Возвращение В. И. Ленина в Петроград в апреле 1917 года // Воспоминания о В. И. Ленине в 5 томах. Т. 2. С. 388.

тиворечило истине, но соответствовало образу народного вождя. С сакральной кепкой в кармане, в канонической позе с вытянутой рукой, изображает Ленина выступающим с броневики один из первых и самых известных памятников работы скульптора С.Евсеева, который был установлен в 1926 году на площади перед Финляндским вокзалом в Ленинграде. Художники, изображавшие вождя в разные периоды его жизни, даже в эмиграции, всегда одевали его в этот демократический головной убор. Однако можно найти свидетельства и о черной шляпе. Однажды в архиве музея Революции я обнаружила фотографию с картины. Ленин был изображен на броневику со шляпой в руке (см. фотографию). На обороте фотографии – надпись, сделанная в 1930 году: «С картины, не имеющей художественной ценности. Автор неизвестен»⁹. Видимо, шляпа, как знак принадлежности к буржуазной элите, считалась неуместной в облике революционера и народного трибуна.

Кепка появляется на Ленине как деталь маскировочного костюма для фото на поддельном пропуске на имя рабочего Иванова, когда он скрывался в Разливе в июле 1917 года. Придя к власти, он носит только кепку (зимой ушанку, но не папаху), хотя многие его соратники сохранили приверженность шляпе. На рубеже веков кепка была репрезентирующим знаком для рабочего класса Европы¹⁰. Однако Ленин носил этот головной убор несколько сдвинутым на затылок, наподобие картуза, а не надвинутым на лоб, как кепи, на европейский манер. Несомненно, перемена костюма, сознательно произведенная самим Лениным, была призвана привести облик народного лидера в соответствие с представлениями простого люда, подчеркнуть демократичность, доступность, связь с массами.

С другой стороны, есть основания предполагать, что и для самого Ленина демократическая кепка имела глубокий, может быть даже символический смысл. В обстоятельном источниковедческом исследовании последних дней жизни Ленина, сделанном Н.Петренко, приводятся многочисленные свидетельства о бесконечных манипуляциях с кепкой глубоко больного Ленина. Он с ней, похоже, не расставался даже в помещении, а при встречах

⁹ Фонды ГМ ПИР СПб., ф. 4, № 3141/1 яс.

¹⁰ *Hobsbawm E. The Invention of Tradition. Cambridge University Press, 1983. P. 287.*

с кем-либо торопливо несколько раз снимал ее и кланялся. «Был ли это для него, — размышляет Петренко, — жест покаяния или символ прежнего властвования над толпой, но, по-видимому, глубоко в подсознании эта деталь костюма имела для Ленина большое значение»¹¹.

Кепка стала одной из самых колоритных и значимых характеристик наряду с картавостью, репрезентирующих Ленина в массовой памяти. Это запечатлел фольклор:

Это что за большевик
Лезет там на броневик?
Он простую кепку носит,
Букву «Р» не произносит...

По преданию 70-х годов эта загадка была напечатана в юношеском журнале «Костер», и редактор поплатился за это своим креслом. В семидесятые годы ходила байка о конфузе, якобы, происшедшем при церемонии открытия очередного памятника вождю: «Партийные бонзы снимают покрывало с фигуры Ленина. Гром аплодисментов... и вдруг кто-то в толпе зевак замечает, что у вождя две кепки: одна — на голове, другая зажата в указующей руке. Уже к следующему утру верхнюю кепку срубили, обнажив голову Ленина». В этом сюжете мы можем быть свидетелями того, как мифологические наслоения образа накапливаются, а затем разом опрокидываются, низвергаются, повинувшись законам функционирования массового сознания. Кепка — дорогой сердцу простого человека двадцатых годов знак идентичности, в семидесятые годы превращается в гротеск и «сбрасывается», вместе с собою повергая и своего обладателя.

Из архивных источников и публицистики двадцатых годов видно, что для публики костюм Ленина как знак социальной тождественности имел большое значение. Поэты актуализировали ленинскую кепку. Николай Асеев в стихах «К годовщине смерти вождя» 1925 года ни разу не упомянул имени вождя, используя только местоимения и ясные, репрезентирующие

¹¹ Петренко Н. Ленин в Горках — болезнь и смерть. Источниковедческие заметки // Минувшее. Исторический альманах. 2. М., 1990. С. 286–287.

знаки – «и простая кепка, что весь мир вела...», «...и тревожный клекот всюду слышных слов...». И этого было более чем достаточно.

Стихотворение А. Крученых 1924 года:

Был у Ленина костюм не новый,
– Нет, не совсем так! –
Кепка фабричного, улыбка,
В работе веселой три года один и тот пиджак!
Был Ленин крестьянского рода.
– Нет, и еще не так! –
Он чуял, что крепкий он сын народа.
А что учитель-отец советником стал, –
Не расшатало верный фундамент¹².

Еще одна реплика из фольклора, запечатлевшая внимание к одежде. Записанная Б.Шергиным в 20-е годы одна из баек о Ленине повествует: «...Ишь, зимой снят Владимир Ильич, а без высокого воротника шуба-то...» – «Это не шуба, пальтишко его давношно... Все не хотел сменить. Ему говорят: «Ваше пальто мастеровой в гости не оденет. Заведите себе шубу енотову. Нынче у любого бухгалтера шуба по моде...» – Он слушать не хочет: «Пусть у других по моде. А я надену, – ишь, скажут, коммунисты занаряжались»¹³.

Так что стремление Ленина быть ближе к простым людям, находило горячий отклик у народа. Это нравилось публике с традиционно эгалитарными настроениями.

Некоторые историки обращали внимание на его головной убор и интерпретировали его по-разному. Французский ученый Ксавер Кокен интерпретирует замысел художников, изображающих Ленина в кепке, как стремление обозначить функцию Ленина «как большевика, подпольщика, революционера и борца, вождя международного пролетариата». В.Боннелл видит стремление художников подчеркнуть кепкой прежде всего «неофици-

¹² Огонек. № 9 (48). 1924. 24 февраля. С. 4.

¹³ Цит. по: Добренко Е. Метафора власти. Литература сталинской эпохи в историческом освещении. Мюнхен, 1993. С. 107.

альность». Она разделяет значение кепки, которое вкладывали в нее художники и власть. «Неформальность (неофициальность) вождя, обозначенная кепкой... не могла не вызывать неудовольствия создателей официального образа между 1929 и 1953 годами... не соответствовала нарастающей формализации отношений власти и народа в сталинской России»¹⁴. На мой взгляд, более прямое и буквальное значение кепки в образе Ленина – близость к массам. Этот смысл мог вкладывать в эту деталь он сам. Так это воспринимали и массы, активно отзываясь в фольклоре и сохраняя в коллективной памяти именно кепку.

Исследуя иконографию власти в советских пропагандистских плакатах, Боннелл сосредотачивает внимание на официальном дискурсе – послании власти к народу, зашифрованном в пропаганде. Боннелл совсем не касается восприятия официального искусства адресатами, несколько раз подчеркивая, что мы лишены возможности выяснить, как «прочитывали» эту деталь образа Ленина современники. Однако, как мы видели, поэзия, фольклор, кинематограф, мемуары дают обильный материал для выводов.

¹⁴ Bonnell V. P. 143.

«Де-ленинизация»

Десакрализация образа Ленина конца 1980-х годов сопутствовала кризису и крушению политической системы, которую он олицетворял.

На начальном этапе Перестройки этот образ сохранял значение официального мифа. М. С. Горбачев, как и его предшественники, пытался легитимизировать свою политику обращением к Ленину. Формулируя принципы «нового мышления», он, несмотря на явное их противоречие основным положениям ленинского учения, пытался затушевать эти различия и клялся в верности основоположнику. «...Новое мышление далось нам непросто, в мучительных раздумьях. А вдохновение черпаем у Ленина... [Он] не раз высказывал мысли о приоритете общечеловеческих интересов над классовыми... Они и питают нашу философию международных отношений, новое мышление»¹.

Горбачев считал необходимым опереться на авторитет Ленина в своих начинаниях, хотя эти начинания и отвергали идеи Ленина. Возможно, он верил, что можно отойти от ленинского учения, но сделать это так, чтобы не задеть чувств людей, устоявшихся стереотипов общественного сознания, и продолжал настаивать на преемственной связи «нового мышления» с Лениным. Возможно, он опасался «ментальной травмы» для общества, аналогичной той, что последовала за развенчанием сталинского культа, а может быть, не хотел давать повода соратникам и военным сместить его².

Борьба различных политических сил вокруг вопроса, как развиваться России – оставаться на позициях социализма или отказаться от него – находила отражение в борьбе вокруг фигуры Ленина. Динамику процесса «де-

¹ Горбачев М.С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. М., 1988. С. 148-149.

² Это предположение высказывает S. Kull в книге *Burying Lenin. The Revolution in Soviet Ideology and Foreign Policy*. Westview Press, 1992.

ленинизации» отразила полемика в прессе, анализ которой дала французская исследовательница Юта Шеррер³. Для начального этапа Перестройки было характерно стремление к возвращению к «подлинному» Ленину после долгих лет искажения и лакировки его образа и учения. Этот тезис получил свое визуальное воплощение в плакате В. Жукова «1985» (см. фотографию)⁴. Одним из первых аргументов реформаторов был такой: страна сошла с пути, предложенного Лениным. В публикациях Ленина изображали инициатором аналогичной «перестройки» 20-х годов, то есть НЭПа. Сама новая экономическая политика идеализировалась.

В конце 1988 – начале 1989 гг. статьи Селюнина, Клямкина, Ципко обозначили новый этап «де-ленинизации» – переход к радикальной, принципиальной критике Ленина, его политики и теории. Появился термин «ленинщина». Критика в прессе доходила до «демонизации» Ленина, до обвинения его во всех бедах, пережитых Россией в XX веке.

Процесс разрушения затронул все ипостаси образа Ленина, как официального, так и существовавшего в коллективных представлениях. Первым рухнул политический символ, олицетворявший социалистический идеал. На смену социализму – «светлому будущему» – пришел соблазн процветающего капитализма, и старый символ терял свои позиции в трансформирующейся системе ценностей. Ленин уходил вместе с другими символами, такими, как названия, красный флаг, революционные праздники, монеты и ордена.

В статьях Клямкина, Селюнина, Ципко, получивших широкий общественный резонанс, был поколеблен образ Ленина как мудрого учителя, знающего путь к счастью. Жест, указывающий путь к светлому будущему, был зафиксирован в бесчисленных памятниках. В семидесятые годы эту ипостась выражали плакаты с лозунгом «Верной дорогой идете, товарищи!». Критике подвергались теория и политика Ленина, приведшие страну к печальному результату. Весь пафос перестроечной публицистики заключался в том, что ценой невероятных жертв и страданий страна пришла в тупик. Виновным объявлялся вождь.

³ Scherrer J. L'érosion de l'image de Lenin // Actes de la Recherche en Sciences Sociales. 1990, Novembre.

⁴ Tradition and Revolution in Russian Art. Catalogue of the Lin Manchester Exhibition. Manchester, 1990. P. 156.

Родовой символ также был разрушен. В массовых представлениях на Ленина возлагались функции «волшебного помощника» и защитника (по выражению Фромма). Как подметил в свое время Горький, от Ленина ждали чуда. Он не оправдал этих ожиданий, ни один живой человек не мог утолить эти чаяния, они были иллюзорны с самого начала. Разочарование было неизбежно. «Волшебный помощник» закономерно превратился в «козла отпущения».

Оказался «запятнанным» и национальный символ. Слухи о еврейских предках Ленина ходили еще в 70-е и 80-е годы. В 1991 году были опубликованы архивные документы, подтверждающие эти слухи. В начале девяностых годов, как когда-то в 1917 году, история о получении Лениным финансовой поддержки на революционную деятельность от германского правительства больно ударила по национальным и патриотическим чувствам.

Поскольку долгие годы пропаганда навязывала образ Ленина в качестве высшего морального авторитета, опубликование свидетельств о его нравственных качествах нанесло ощутимый удар по сложившимся стереотипам. Образ «самого человеческого человека» померк, когда опубликовали ленинские приказы о безжалостном терроре, расстрелах священников и продовольственной политике, приведшей к голоду. Образ кровавого политика дополнялся свидетельствами о кровожадности Ленина как человека. Было опубликовано письмо Крупской, которая простосердечно излагала эпизод на охоте, когда Ленин безжалостно перебил прикладом ружья множество зайцев, спасавшихся на крохотном островке в половодье. Он чуть не перегрузил лодку, заполнив ее тушками несчастных животных. Эта история воспринималась особенно болезненно, поскольку каждый русский ребенок воспитывался на примере доброго охотника из стихотворения Н. Некрасова «Дедушка Мазай и зайцы», который спас зайцев с окруженного водой острова.

Была поставлена под сомнение и легендарная скромность и аскетизм Ленина. В переписке семьи Ульяновых обнаружили сведения, что Ленин в годы ссылки в Шушенском нанимал слуг, заказал из Бельгии охотничьи ружья и выписал себе свору охотничьих собак. Все это расценивалось публикой как очень дорогие радости жизни, особенно в сравнении с условиями ссылки в советское время.

Образ Ленина, беззаветно преданного делу революции, безгрешного в личной жизни был разрушен опубликованием частных писем Ленина к Инессе Арманд, а затем книги об их отношениях. Журналисты также обратили внимание на грубый язык произведений Ленина. В своих философских и политических работах он употреблял такие выражения, как «дурак», «идиот», «истерик», «сумасшедший» и «болван». Все эти публикации, обращенные не только к разуму читателей, но и к эмоциям, разрушали канонический образ. Казалось, исчезли все рациональные основания для обожествления Ленина. Однако данные социологических опросов показывали, что Ленин для очень многих оставался культовой фигурой.

Естественно, в советские времена вопрос об отношении к Ленину не ставился ни в социологических, ни в исторических исследованиях. Впервые вопрос был прямо сформулирован в сентябре 1989 года, когда 64% опрошенных назвали Ленина самым выдающимся человеком всех времен⁵. Год спустя такое же количество опрошенных назвали его деятелем революции, вызывающим наибольшую симпатию⁶. По данным Центра прикладных социальных исследований, с декабря 1989 по январь 1990 года рейтинг Ленина по сравнению с политическими деятелями прошлого и настоящего был самым высоким, он был сопоставим только с авторитетом А.Д.Сахарова, но имел тенденцию к снижению: 4,37 – 4,25 по пятибалльной системе⁷. В 1990 году большинство опрошенных считали Ленина великим ученым, философом и политиком (45,4%), верили, что его целью было благо людей (46,8%), но, человечный в частной жизни, он не останавливался при проведении жесткой политики (59,1%)⁸. Обследование Института марксизма-ленинизма в ноябре 1990 года подтвердило, что авторитет Ленина оставался высоким, но с тенденцией к понижению. Положительно оценивали его личность 59,1% опрошенных, правда, среди москвичей – только 25%. ИМЛ отмечал низкую популярность Ленина среди молодежи и интеллигенции. Отрицательное отношение к Ленину высказали 10% в целом по стране, но среди москвичей –

⁵ Московские новости, 1990. № 44.

⁶ Там же.

⁷ Аргументы и факты. 1990. № 8.

⁸ Khapraeva D., Kopysov N. Les demi-Dieux de la Mythologie Soviétique // Annales, 1992. N 4-5. S. 972.

36%, а среди интеллигенции – 19%⁹. Данные опросов показывают, что авторитет Ленина выше у старшего поколения и в провинции. Интересно, что количество респондентов, одобрявших Ленина, и тех, кто считал социализм единственно приемлемым будущим для страны, было одинаковым – 56,3%.

После попытки августовского переворота 1991 года произошел значительный сдвиг в массовом сознании, что нашло свое отражение в отношении к Ленину: в апреле 1992 года 47% опрошенных оценивали Ленина положительно, 22% – отрицательно.

Хотя данные социологических опросов дают поверхностное представление о внутренней ориентации и ценностях людей, скорее свидетельствуют о сиюминутных политических настроениях, мы все же можем отметить, что для очень большой группы людей даже мощный поток разоблачений и отрицательной информации о Ленине не мог поколебать устоявшегося авторитета. Под натиском «гласности» люди, воспитанные на одной, официальной, точке зрения, терялись перед многоголосицей мнений. Десятилетиями лишенные возможности выбора, они не могли быстро адаптироваться к необходимости его делать. Слишком быстро надо было освоить огромный массив информации, чаще всего отрицательной. Психологически объяснимо, почему люди избегают негативной информации. Она вызывает чувство дискомфорта, когда противоречит устоявшимся стереотипам. Методы «антিলенинской пропаганды» – такие, как разрушение памятников, «копание в чужом белье» – также вызывали неприятие. Часто возмущали простых людей «нападки» на безответного. Здесь была и традиционная русская жалость к поверженному, и «о мертвых – либо хорошее, либо ничего»... Сохранение высокого рейтинга можно объяснить сильными патерналистскими устремлениями, всегда имевшими место в русском народе. Но есть и другое объяснение сохранения авторитета Ленина. Его образ, центральный для мифологической картины мира, существовал в пространстве, где господствует вера, а не рациональное начало. В критической кампании, инициированной интеллигенцией, преобладали логические доводы, которые не «работали» в пространстве веры. Люди часто не вникали в рациональные доводы историков и журналистов, а воспринимали «нападки» на Ленина на уровне эмоций.

⁹ Известия ЦК КПСС. 1991. № 2. С. 50-51.

Отражением сдвига в общественном сознании стала дискуссия вокруг Мавзолея. Предложение Ю.Карякина с трибуны I съезда народных депутатов летом 1989 года предать земле тело В.И.Ленина в Ленинграде на Волковом кладбище, где похоронены его мать и сестра, вызвало бурную реакцию общества. В сознании нескольких поколений советских людей Мавзолей был святыней, аналогичной христианскому Гробу Господню. На протяжении многих лет в обществе ведется полемика, – сохранять ли этот памятник, хоронить ли Ленина. В ней участвуют политики, ученые-медики, историки, деятели культуры. А народ отозвался анекдотом: «В Мавзолей пришла телеграмма: «Вставай, проклятем заклейменный!» Подпись: «Весь мир голодных и рабов»¹⁰. По данным Центра общественного мнения в январе 1999 года 57% опрошенных высказались за захоронение Ленина, а 44% – против. Даже 84-летний Илья Збарский, биохимик, который более полутора десятков лет занимался сохранением тела вождя, не видит более смысла в сохранении тела Ленина «в качестве фетиша»¹¹.

Дискуссии в верхах преломлялись в обыденном сознании традиционно: сокрушались памятники, неустанно разбивались мемориальные доски, писались письма протеста, организовывались кампании в защиту Ленина. Появились новые серии анекдотов, в которых образ Ленина трактовался резко негативно. Об онтологических страхах на уровне подсознания в кризисные моменты свидетельствовало воскрешение «хлебной темы», т.е. темы еды в фольклоре о Ленине. Проблема пищи возникает тогда, когда ее не хватает, когда ее вдоволь – о ней забывают. Свою роль сыграла статья В.Солоухина «Читая Ленина» о продовольственной политике советской власти, обвиняющая Ленина в организации голода и геноциде против собственного народа¹². Сублимацией чувства недоедания основной массы населения в начале девяностых годов стали сюжеты о Ленине и сале.

«Пришли ходоки к Ленину, принесли в подарок шмат сала.

– Откуда вы? Как добирались?

– Да из Тамбовской губернии, две недели добирались...

– Две недели? По жаре? – отказывается от сала.

¹⁰ Первая строка революционного гимна.

¹¹ Известия. 1999. 6 января.

¹² Солоухин В. Читая Ленина // Родина. 1989. № 10. С. 66.

– Детям, всё передайте детям...»

«1919 год. Лето. В стране гражданская война, голод, а в Кремле сидят народные комиссары и едят сало. Причем по случаю жары окна раскрыты, а происходит этот пир на первом этаже. Естественно, через пять минут на стол Владимира Ильича ложится анонимный донос. Разгневанный вождь приказывает немедленно вызвать к нему виновников происшествия и, расхаживая, почти бегая по кабинету, начинает на них кричать: «В стране голод, разруха, положение архипоганое, и в это же самое время народные комиссары сидят и едят сало! Как не стыдно! Ведь вы же все большевики с дореволюционным стажем! Конспираторы! Неужели нельзя было занавеску задернуть? Народ не все должен знать!»

Отказ от социализма повлек за собой новую волну переименований. Горячо обсуждалось имя Ленина в названии Ленинграда. Этому был посвящен митинг 9 сентября 1990 года на Дворцовой площади. Там, наряду с такими лозунгами как: «Петербургу – центру европейской культуры – да! Ленинграду – военно-промышленному центру – нет!», были такие: «Ленин – кличка», или краткое «Хватит!», написанное на портрете Ленина, «Кульٹ Ленина – основа диктатуры и тирании КПСС!» (см. фотографию).

В ходе опроса общественного мнения жителей 12 июня 1991 года 54% горожан высказались за возвращение городу названия Санкт-Петербург. Это было осуществлено сентябрьским субботним днем. Автору привелось быть свидетелем непосредственной реакции людей на переименование. Озабоченные приближением голодной зимы, большинство горожан отправилось на выходные в лес по грибы, благо урожай был богатый. Решение, принятое городским Советом в субботу, не сразу дошло до жителей. Воскресным вечером я возвращалась в город в переполненной электричке среди усталых, одетых по-походному грибников, когда голос машиниста по радио объявил: «Следующая остановка – Санкт-Петербург». На секунду пассажиры недоуменно замерли, потом выпрямились, посмотрели друг другу в глаза, заулыбались. И чей-то голос со значением произнес: «Едем-то куда, господа!» Раздался смех. Новое название заставило людей расправить плечи, по-новому взглянуть на себя, примерить к себе новое имя – петербуржцы. И ощутить себя не «совками», а «господами». Это было то, что называется процессом самоидентификации.

Полемика и борьба вокруг фигуры Ленина прямо соотносится с течением политического процесса в перестроечной и постперестроечной России. Утратили свое значение многие стороны образа Ленина, находившие резонанс в массовом сознании — роль образца для подражания, национального символа, но функция политического символа по-прежнему сохраняла значение для публики. В соответствии с мифологическими представлениями о бинарном устройстве мира, свойственной обыденному сознанию, разрушение образа прежде почитаемого лидера представлялось следствием «злонамеренной» кампании темных сил, как утверждали коммунисты в «Советской России». Однако процесс «де-ленинизации» носил объективный характер и шел параллельно с разрушением политической системы, которую этот лидер олицетворял. Анализ динамики десакрализации образа Ленина представляет определенную сложность, так как глубокие перемены в общественном сознании протекают очень бурно и рано еще говорить о завершении этого развития. До самого последнего времени миф о Ленине, как герое или демоне, оставался одним из сюжетов массового сознания, и остается предметом манипуляций в политической борьбе как символ социализма.

Заключение

Сложное социальное и психологическое явление, такое, как культ Ленина, не может быть объяснено какой-то одной главной или даже несколькими основными причинами. Например, такой – «культ был внедрен в массовое сознание сверху партийным руководством». Точка.

В представлении автора в российском массовом сознании начала века существовали глубокие потребности в лидере. Существование таких потребностей в определенные периоды в той или иной культуре были описаны Фрейдом, Фроммом, Вебером и другими классиками. Этими ожиданиями были заражены не только массы, но и те, кому удалось достичь властных позиций. Ментальные установки, психологические потребности людей в руководстве были рационализированы в политических терминах легитимации. Бессознательно и/или сознательно, партийное руководство поднимало авторитет Ленина и проводило политику внедрения культа. От масс снизу на встречу этой политике поднималось сильное ответное ожидание. Политика партии соответствовала неясным представлениям масс, придавала им определенную форму, подпитываясь, в свою очередь, ментальными установками снизу. Политика власти была эффективной постольку, поскольку отвечала массовым представлениям. Баланс соотношения политики и коллективных представлений в культе Ленина был неодинаков в тот или иной период советского развития.

Итак, мы видели, что образ политического лидера в массовом сознании выступает в различных ипостасях, которые могут тесно переплетаться, иногда противореча друг другу. В определенный период та или иная ипостась может приобретать большее значение, выходить на передний план, но эти функции отвечают глубинным потребностям, лежащим в природе человека. Образ лидера воплощает доминирующие в обществе ценности. Вектор

официальной пропаганды и коллективные иллюзии и представления могут совпадать, и это соответствие предопределяет мощностъ и значимость той или иной составляющей образа. Однако иногда в массовом сознании образ лидера выступает в ипостасях, противоречащих официальной доктрине и политике власти, как это было с разделением образа лидера и образа власти, или в национальной ипостаси Ленина. Так или иначе, образ лидера не являлся только чистым продуктом пропаганды, он отвечал неким архетипам коллективного бессознательного, удовлетворял основные человеческие потребности. О культе как о потребности говорили многие философы и психологи. «Массам свойственно жадно желать культа человека... То, что люди восторженно почитают отдельного человека, видят в нем сверхчеловека, осуществленный идеал человеческой природы, – универсальный феномен. Они склонны слепо подчиняться ему, ждать от него чудес»¹, – писал К.Ясперс. Официальный образ лидера, внедряемый сверху, и его образ, формировавшийся спонтанно в массовом сознании, находились в динамическом взаимодействии.

До сих пор феномен Ленина рассматривался в рамках, в основном, государственного культа, как направление политики партии по мобилизации масс, формированию нового советского человека, как средство легитимации режима. В обстоятельном исследовании Б.Эннкера² культ Ленина рассматривается как один из важнейших факторов формирования политической культуры советской России. Эннкер смог воспользоваться советскими архивами, и детальное исследование внутрипартийной борьбы в связи со смертью Ленина, политики увековечения памяти вождя опирается на новые документы. Он относит культ Ленина к «сделанным», по выражению Э.Кассирера, политическим мифам, которые, в отличие от подлинных и стихийных, создаются индивидуумами. Те не находятся под их властью, а используют их для достижения собственных целей. В данном случае подразумевалось сознательное конструирование мифа партийным руководством. Поскольку автор не признает существования мифологической потребности в человеке, это предопределяет перспективу его исследования – сверху.

¹ Ясперс К. Философская вера // Смысл и назначение истории. Сб. М., 1994. С. 484.

² Ennker B. Die Anfänge des Leninkults in der Sowjetunion. Boehlau Verlag, 1997.

Автор самой первой монографии о культе Ленина, Нина Тумаркин, так же как и Эннкер, ограничивает исследование периодом 20-х годов. Корни поклонения вождю Тумаркин видит в традициях русской религиозной духовной жизни и проводит аналогию с православными ритуалами, основание для чего действительно дают внешние проявления культа. Хотя культ Ленина, с одной стороны, имел стихийный характер и опирался на крестьянскую культуру, христианский ритуал и особенности формирования русской революционной интеллигенции, Тумаркин показывает также, что в большей степени культ был сформирован сверху в целях манипуляции массами. В книге дается объемная и яркая картина культа. Автор подробно рассматривает характерные черты советского образа жизни, детально описывает яркие формы ленинского культа, ленинские уголки, ритуал похорон, подробно цитирует официальные речи, документы и прессу. В свою очередь, моя собственная задача исследования значительно облегчалась наличием этой монографии. Опираясь на материал, вводимый в научный оборот Тумаркин, я позволила себе не останавливаться на описании ритуалов и цитировании образцов официальной пропаганды — русскому читателю они хорошо знакомы, иногда до аллергической реакции, а англоязычной публике советская экзотика представлена Тумаркин.

Авторы, обращавшиеся к феномену Ленина, затрагивали вопрос о восприятии широкими массами его образа. Круг источников, либо доступных в доперестроечный период, либо сознательно выбранных, предопределяли ракурс рассмотрения культа Ленина. Например, Боннелл, как мы видели, сосредоточившись на официальной иконографии, не ставила задачи раскрытия этой проблемы. Она отмечала только, что невозможно представить, как воспринимали массы тот или иной сюжет. Тумаркин, не имея доступа к архивным документам, часто судила о массовых реакциях по свидетельствам прессы, воспоминаниям, данным социологических опросов и фольклора, опубликованным в 20-е годы, — то есть по материалам, прошедшим сито цензуры, с оттенком большей или меньшей официальности. Круг источников, ракурс, выбранные историками-предшественниками, предопределяли взгляд на культ вождя без различения официальной и неофициальной практик.

Находясь под влиянием официального дискурса, Тумаркин говорит о «спонтанном массовом поклонении Ленину, которое последовало за покушением на его жизнь в 1918 году, и которое дало толчок развитию культа»³. Однако эта декларация опирается исключительно на материалы, опубликованные в монополизированной большевиками прессе, и фольклор, собранный и обработанный писательницей Л.Сейфуллиной. Г.Риттерспорн, активно работающий с массовыми источниками, предупреждает об опасности смещения саморепрезентации режима с реальными коллективными восприятиями⁴. Хотя власть и претендовала на буквальное отражение потребностей масс, на выражение неясных устремлений народа, но «сценарии власти» (термин Р.Уортмана) и общественные настроения далеко не всегда совпадали. Задача историка – различать официальный дискурс и неофициальный, хотя развести их непросто и не всегда удается. Архивные источники не подтверждают массового характера почитания Ленина при его жизни и очень часто свидетельствуют о ненависти к большевистскому лидеру, что неудивительно в условиях Гражданской войны. Для этого периода была характерна тактика внедрения официального культа сверху при слабых и разрозненных реакциях внизу.

Тумаркин задается «принципиальным вопросом, не поддающимся точному измерению – насколько спонтанен был культ», насколько глубоки были религиозные чувства и сочувствие в отношении Ленина. По ее мнению, траурная кампания продемонстрировала эффективную работу агитационно-пропагандистского аппарата, но и сама по себе смерть Ленина воодушевила массы на искреннее сочувствие к нему. Правда, после траурной недели компонент спонтанности в культе не только трудно доказуем, но отсутствуют и его видимые проявления. Вовлеченность людей в культ (Тумаркин использует удачный термин *engagement*) основывалась на смешении политических и религиозных образов и эмоций⁵.

Преобладание в источниковой базе предыдущих исследований официальных материалов определяло внимание к внешним проявлениям культа,

³ Tumarkin N. P. 6.

⁴ Ritterstorn G.T. Das kollektivierte Dorf in der bauerlichen Gegenkultur // Hildermeier M. (ed.). Stalinismus vor dem Zweiten Weltkrieg. Munich, 1998. P. 167.

⁵ Tumarkin N. P. 239, 241.

к элитарной политической культуре, оставляя массовую культуру, мотивы поведения рядовых людей за рамками истории. Комплексы новых документов корректируют сложившуюся в историографии картину культа за счет неофициального дискурса, а также за счет вовлечения в арсенал средств исторической реконструкции иррациональных факторов. Попытки подойти к культу с рациональных политических позиций раскрывали только одну его сторону – и чаще всего концентрировались на политике партии по его внедрению.

Скорбь и траур января 1924 года обычно трактуются как проявление любви и уважения к вождю. Тумаркин пытается объяснить искреннюю привязанность к Ленину в 1924 году политическими факторами – традиционным почтением к правителю в России, личной заслугой Ленина – его успешной политикой и эффективным руководством, или пропагандой, которая сделала его предметом внимания⁶. Советская историография объясняла любовь и уважение к Ленину как проявление всеобщей поддержки социалистической перспективы, предложенной им. Эти факторы в той или иной степени играли свою роль. Однако этого недостаточно, чтобы объяснить вспышку сочувствия к умершему вождю, который всего шестью годами раньше вверг страну в хаос Гражданской войны, голода, политического и религиозного террора, и только под давлением обстоятельств, в конце концов, отступил, введя НЭП. Без обращения к бессознательному, глубинным слоям человеческой психики и особенностям русской ментальности не понять такой коллективной забывчивости и всепрощения, легковерия и готовности обманываться. Не ожидало этого и руководство страны, впавшее в панику при известии о тяжелой болезни вождя.

Кончено, важным двигателем культа была вера многих в социализм и прочные ассоциации проекта светлого будущего с именем Ленина. Однако много было и тех, кто был настроен оппозиционно к большевикам. В отношении последних можно сделать следующее заключение. Массовые реакции на смерть Ленина, мотивы вступления людей в коммунистическую партию в ответ на «ленинский призыв», свидетельствуют о том, что, пройдя кровавый этап открытой борьбы, люди сделали выбор в пользу тактики вы-

⁶ Там же. Р. 142.

живания и сосуществования с режимом. В этом просматривались вкрадчивые тактики «сопротивления бессильных» (по выражению Скотта), свойственные и другим крестьянским обществам. В импульсе, который власти трактовали как проявление спонтанной всенародной любви к вождю, сочетались многие факторы. Это был рациональный выбор – вынужденное приспособление к режиму, принятие официальных правил игры, предложенных сверху. Соблазнительно было отказаться от обременительной свободы в обмен на иллюзию хоть какой-то гарантии безопасности, и на материальные выгоды от проявлений политической лояльности. Но также и эмоциональные импульсы определяли картину культа. Люди хотели верить в социалистический идеал. Ленинский проект построения идеального общества увлек многих и многих надеждой на осуществление вечной мечты человечества. Ленин обещал осуществить чудо, и ему многие поверили. Вспоминая о похоронах Ленина, Надежда Мандельштам отметила: «Я видела, что его популярность создавалась не страхом, как впоследствии обожание и обожествление Сталина, а надеждами, которые возлагал на него народ»⁷. В 1924 году после долгих лет революционного хаоса, утраты ценностей и смысла существования выходит на передний план жажда упорядоченности жизни, стремление к четким ориентирам, человеческая потребность в объяснении мира и его структуры. Самым простым было принять предлагавшееся официальное объяснение новой структуры мира с фигурой Ленина в фокусе. Психологическая потребность в утешении, в уповании на «волшебного помощника», который заботится о «маленьких людях», как о детях, реализовалась в религиозной и родовой ипостасях образа Ленина. Традиционно патерналистский характер отношений власти и народа в России составлял благоприятную почву для культа. Иерархия власти–подчинения выстраивалась на архаичных основаниях – представлениях о государстве как большой семье.

При концентрации внимания на коллективных восприятиях динамика развития культа выглядит по-новому. От слабых массовых реакций на пропаганду при жизни Ленина через неожиданную даже для руководства вспышку сочувствия в траурные дни, до смещения эмоционального центра в

⁷ Мандельштам Н. Вторая книга. М., 1990, С. 172.

30-е годы в сторону истинно культового почитания давно умершего вождя. В 30-е годы в коллективных представлениях, в отличие от официальных сценариев, образ Ленина не только не померк, но обогатился новыми красками в противопоставлении образу своего наследника. Он приобрел законченную форму мифа, достаточно удаленного от реальности, мифа, структурирующего новое мироустройство, форму общественного идеала. И хотя внешняя, официальная оболочка культа вождя в 30-е годы говорит в пользу доминирования Сталина, в массовом сознании категория образа Ленина была весомее. Ленинский образ чаще выступал положительным идеалом, не обремененным тяготами текущей повседневности и недовольством действующим руководством.

В пятидесятые годы противопоставление идеального Ленина «неправильному» Сталину, свойственное массовым представлениям в тридцатые годы, перемещается в официальное поле. Изображение пропагандой Сталина как воплощения зла неизбежно приводило к пропорциональной концентрации света на другом полюсе – на Ленине, которому приписывались богоподобные качества. Представление о мире, как бинарном и простом, о балансе сил добра и зла мы можем наблюдать в официальном нарративе середины пятидесятых годов. Доклад Хрущева на XX съезде КПСС весь был построен на контрасте светлого образа Ленина и демонического – Сталина. Ленину приписывалась мудрость в подходе к людям, в работе с кадрами. Совсем иной подход был характерен для Сталина. «Не было такого важного вопроса, по которому Ленин принимал бы решение единолично». Сталин же «совершенно не считался ни с Центральным Комитетом, ни с партией». Ленин признавал возможным применение революционного насилия лишь *по необходимости*. Сталин же «отступил от этих прямых и ясных программных указаний Ленина» и ориентировал партию, органы НКВД на массовый террор, когда эксплуататорские классы уже были ликвидированы»⁸. Скромность Ленина противопоставлялась мании величия Сталина. Хрущев развенчал легенду об их счастливом сотрудничестве и огласил скрывавшиеся документы об их плохих отношениях в период болезни Ленина. Хрущев отделил Сталина от образа Ленина, разрушил пропагандистский миф об их

⁸ Известия ЦК КПСС. 1989. № 3. С. 133, 137.

полном согласии, о выполнении Сталиным указаний Ленина. В довершение, слухи 30-х годов о «Завещании» Ленина переключались в официальный доклад Хрущева, были вербализованы с трибуны съезда и воплотились в публикацию текста.

Поскольку культ Сталина покоился на культе Ленина посредством обращения к последнему, он и был самым верным способом разрушен, одновременно обеспечив самому Хрущеву статус защитника Ленина. Официальный культ Ленина возрождался. Имя его прославлялось с новой силой, как антитеза фигуре Сталина и, с другой стороны, как олицетворение той же системы власти, которая должна была остаться незыблемой. Как Сталин за 30 лет до того пользовался именем Ленина в доказательство своей правоты, так и Хрущев клялся этим же именем «в строгом проведении норм и принципов, выработанных великим Лениным»⁹. Также и для Горбачева при проведении политики реформ Ленин служил средством легитимации. Это составляло главную функцию образа Ленина в послевоенный период. В это время пространство культа Ленина было ограничено официальным полем. Массовое сознание образ вроде бы игнорировало или отвергало, как и всю пропагандистскую продукцию. Во всяком случае, анекдотный бум семидесятых характеризовался резким снижением образа Ленина. На усилия партийной пропаганды подчеркнуть безупречность нравственного облика вождя, его аскетизм анекдот реагирует увеличением циничных сюжетов, появляется «черный юмор» о Ленине.

Пропою я вам частушку
Про чудесные дела.
Привезли в музей старушку –
Она с Лениным жила¹⁰.

Садистский стишок приписывается 70-м годам.

⁹ Справочник партийного работника. М., 1957. С. 92.

¹⁰ Неподцензурная русская частушка. С. 209.

Дедушка Ленин влюблен был в детей.
«Где твои папа и мама, Андрей?»
«Папа расстрелян, а мама в ЧК».
Долго Ильич утешал паренька.

Вплоть до кризиса Перестройки в коллективных представлениях находили раздраженный отклик прежде всего пропагандистские метафоры.

Развенчание Ленина сверху в конце 80х – 90-х годов вызвало негативную ответную реакцию внизу в значительной степени потому, что импульс исходил от власти или от интеллигенции. Вместе с государственным идиологом, в отличие от 1956 года, рушилась вся картина мира, ориентиры и ценности, а, кроме того, и материальное обеспечение советской системы представлений. Вместе с политическим идеалом люди лишились и сбережений. Это обусловило остроту дискуссий о Ленине как воплощении социалистического идеала.

Культ Ленина принадлежал ушедшей коммунистической цивилизации. Сейчас уже можно с определенностью сказать, что он и останется ее символом. Восприятие этого образа массовым сознанием высвечивает параметры коллективных представлений, выходящие далеко за рамки не только идеологической парадигмы, но и этнического сознания. Образ Ленина отвечал неким архетипам коллективного бессознательного и отражал какие-то очень глубокие, фундаментальные эмоции и инстинкты, свойственные человеческой природе, – такие, как стремление к защищенности, к интеграции, потребность в идентификации и любви. Предпринятая здесь попытка проследить уходящие в глубины подсознательного корни культа Ленина, предполагает некоторые универсальные подходы к другим аналогичным явлениям общественной жизни XX века. Можно заключить, что культ Ленина не порождён только специфическими условиями советского общества, но подлежит изучению в более широком антропологическом и культурном контексте.

Приложение 1

23-го января 1924 г.
Петроград

НАЧАЛЬНИКУ
СОЧ ПГО ОГПУ и
СЕКРЕТАРЮ ПК

СПЕЦ - СВОДКА № 1

Об отношении рабочих, служащих и учащихся
г. Петрограда к смерти тов. Ленина

1. «КРАСНЫЙ ПУТИЛОВЕЦ»: Настроение рабочих завода, узнавших о смерти тов. ЛЕНИНА сочувственное; по мастерским велись разговоры с оторгом¹ о прекращении работ на сегодняшний день и устроить митинг и гражданские панихиды. Но когда коллектив ответил, что без директив Райкома он не может предпринимать что либо, рабочие приступили к работе. Сегодня одним рабочим, читавшим сообщение о кончине ИЛЬИЧА было замечено враждебное отношение к покойному. Гр-ка КРЖНОК Любовь Ивановна /Нарвский 9, кв. 6/.
2. ЗАВОД «БОЛЬШЕВИК»: Настроение рабочих – траурное; известие о смерти тов. ЛЕНИНА вызвало разговоры среди рабочей массы на тему: кто заменит тов. ЛЕНИНА, кто сможет руководить партией и страной. Некоторые рабочие предлагали прекратить сегодня работу, как в траурный день.
3. НЕВСКИЙ СУДОСТРОИТЕЛЬНЫЙ ЗАВОД ИМЕНИ ЛЕНИНА: Известие о кончине тов. ЛЕНИНА удрученно подействовало на рабочую мас-

¹ Руководитель первичной партийной организации на заводе или учреждении

- су. Сегодня все рабочие вышли на работу. Со стороны беспартийных было выражено пожелание прекратить работу на сегодняшний день и этим почтить память вождя.
4. НЕВСКАЯ БУМАГОПРЯДИЛЬНАЯ Фабрика: Настроение рабочих в связи с кончиной тов. ЛЕНИНА — подавленное. Сообщение, полученное во время собрания воспоминаний о 9-м Января² /Присутствовало 1700 чел./ было встречено слезами рабочих, около 20 чел. было вынесено из зала. Собравшиеся просили ходатайствовать перед Центром похоронить тов. ЛЕНИНА в Петрограде. Среди массы идут разговоры о преемнике тов. ЛЕНИНА, намечаются: гг. РЫКОВ и КАМЕНЕВ и некоторыми тов. КАЛИНИН. Контрреволюционной агитации не замечается.
 5. ГОС. МЕЛЬНИЦА ИМ. ТОВ. ЛЕНИНА: Известие о смерти тов. ЛЕНИНА на рабочих произвело удрученное впечатление. Рабочими высказано пожелание перевезти тело тов. ЛЕНИНА в Питер, мотивируя это тем, что тов. ЛЕНИН среди Питерских рабочих начал свою революционную деятельность и больше связан с рабочим Питером.
 6. ЗАВОД ИМЕНИ ХАЛТУРИНА: Весть о кончине ИЛЬИЧА, вызвала неопишное огорчение халтуринцев. Рабочие между собой говорят, что смерть ИЛЬИЧА дальше нас еще сильнее сплотит в несокрушимую силу, для победы коммунизма. Каждый рабочий питает злобу и жаждет мести над теми, которые свели в могилу ИЛЬИЧА.
 7. ЗАВОД «ЭЛЕКТРИК»: Все рабочие к смерти тов. ЛЕНИНА относятся с сожалением. Рабочие высказывают пожелание похоронить ИЛЬИЧА в Питере, где он с начала своей деятельности сроднился с рабочей массой. Рабочие недоумевают, почему город наружно не в трауре.
 8. ЗАВОД ИМЕНИ ГЕЛЬЦА: Настроение рабочих подавленное, к членам РКП относятся сочувственно, рабочие задают вопросы коммунарам, почему сегодня работают заводы. Контрреволюционной агитации не замечается.
 9. ЗАВОД «ЗНАМЯ ТРУДА»: В связи с кончиной ИЛЬИЧА, настроение рабочих — удрученное. На летучем митинге рабочие просили передать Центру, чтобы ИЛЬИЧА хоронили в Питере.

² Годовщина начала Первой русской революции 9 января 1905 года отмечалась по новому стилю 22 января.

10. ТЕЛЕФОННО-ТЕЛЕГРАФНЫЙ ЗАВОД ИМЕНИ КУЛАКОВА: В настроении рабочих заметна печаль, в связи с великой утратой. Высказываются пожелания переименовать Петроградский район в район имени тов. ЛЕНИНА.
11. ГОС. ФАБРИКА «СВЕТОЧЬ»: настроение рабочих подавленное, высказываются пожелания – похороны производить в Питере. Замечен во враждебном отношении к покойному НИКОЛАЕВ Николай Дмитриевич /прож. Б.Разночинская 9/.
12. СЕВ. СУДОСТРОИТ. ВЕРФЬ: Рабочие к кончине тов. ЛЕНИНА относятся с соболезнаванием. От рабочих всех мастерских была послана делегация в коллектив с просьбой рабочих прекратить сегодня работу. После разъяснений коллектива работы происходят нормально.
13. ТРАМПАРК ИМЕНИ БЛОХИНА: Известие о смерти ИЛЬИЧА было получено во время вечера Воспоминаний о 9-м Января. Во время пения «Вы жертвою пали» многие из рабочих плакали. Все рабочие желают, чтобы похороны производились в Питере.
14. АКАДЕМИЧЕСКИЙ ТЕАТР ОПЕРЫ И БАЛЕТА: Публика, приходившая в Театр, прочитав известие о смерти ИЛЬИЧА и отмене поэтому спектакля, уходила из театра в подавленном настроении. Артисты пролетарского происхождения в угнетенном состоянии. Некоторые артисты высказывали недовольство в связи с отменой спектакля, объясняя это упущением администрации, не известившей участников об отмене спектакля. На четверг 24 января 24 г. назначена гражданская панихида.
15. ГОРНЫЙ ИНСТИТУТ: Вчера печальное известие, полученное о кончине Владимира Ильича ошеломило все студенчество, проживающее в общежитии по Малому пр., 40. Созвано собрание, где зачитали Правительственное сообщение. Настроение студенчества удрученное. Большинство студенчества искренне сожалеют о великой утрате.
16. ПЕТРОГРАДСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ: Экстренное сообщение о кончине тов. ЛЕНИНА быстро распространилось среди студенчества. У пролетарского студенчества настроение печальное. Среди контрреволюционного элемента замечается радость, говорят, что тов. ЛЕНИН давно прогнивший труп и, что не будь он этим трупом, не было бы и Октябрьской

- Революции; белоподкладочники³ поговаривают о восстании и, что они примут участие в таковом. Надеются, что со смертью ИЛЬИЧА начнутся раздоры в РКП.
17. 2 ПОЛИТЕХНИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ: Настроение студенчества крайне печальное. Вчера вечером в общежитии студенты собирались в группы и обсуждали происшедшее.
18. ГЛАВНЫЙ ТЕЛЕГРАФ: Беспартийные служащие и рабочие к кончине тов. ЛЕНИНА относятся с соболезнованием. Настроение подавленное. Все беспартийные говорят, что они работали и будут работать с этого момента с еще большим усилием на пользу Советской власти. Контрреволюционной агитации не замечено.
19. ЦЕНТРАЛЬНЫЙ РЫНОК: Настроение торговцев — обычное. Некоторые торговцы выражают соболезнование. Большинство читают газеты. Антисоветской агитации не наблюдается.
20. ВЫБОРГСКИЙ РАЙОН: На митингах, посвященных ИЛЬИЧУ, беспартийные в своих речах отмечали великую утрату и клялись идти по стопам своего учителя. Рабочие очень взволнованы.
21. 13 ОТДЕЛЕНИЕ ПГМ⁴: Настроение рабочих на фабриках и заводах подавленное. Все сожалеют о преждевременной кончине ИЛЬИЧА, говорят, что в лице его РКП потеряла великого человека, который был авторитетом для заграницы. Контрреволюционной агитации не замечалось.
22. 8 ОТДЕЛЕНИЕ ПГМ: Настроение рабочих подавленное. Известие о смерти тов. ЛЕНИНА удручающе повлияло на рабочую массу. Все рабочие сознают важность момента.
23. ГИМЗ⁵: Весть о смерти ИЛЬИЧА среди беспартийных вызвала сожаление, многие со слезами на глазах отмечали великую утрату международ-

³ Этим термином обозначали студентов дворянского и буржуазного происхождения еще в начале века, когда шел процесс дифференциации в студенческой среде. Белые подкладки студенческих тужурок подчеркивали аккуратность, но в большей степени демонстрировали элитарность части студенчества в противоположность основной массе демократического студенчества, которая предпочитала более практичные темные цвета для подкладок. В советское время термин перешагнул рамки студенческой среды и использовался для обозначения «белых» вообще, то есть оппозиционных власти групп населения.

⁴ Петроградская городская милиция.

⁵ Государственный Инструментально-механический завод.

ного пролетариата. Некоторые же говорят, что умер лучший интеллигент России. Паники не замечается.

24. 6 ОТДЕЛЕНИЕ ПГМ: Настроение рабочих и служащих заводов и учреждений, помещающихся на территории 6-го Отделения милиции, в связи с кончиной ИЛЬИЧА подавленное. Отношение обывателей к смерти тов. ЛЕНИНА – неопределенное. Среди торговцев замечается затаенная радость и злорадные улыбки.
25. 10 ОТДЕЛЕНИЕ ПГМ: Среди рабочих и служащих заводов и учреждений, помещающихся на территории 10-го Отделения милиции, кончина тов. ЛЕНИНА произвела удручающее впечатление. Большинство рабочих просят перевезти тело ИЛЬИЧА в Питер.
26. 16 ОТДЕЛЕНИЕ ПГМ: Вечера Воспоминаний, посвященные жертвам 9-го Января 1905 г., в связи с кончиной тов. ЛЕНИНА – были заменены митингами о покойном. Правительственное сообщение создало подавленное настроение у всех присутствующих. Некоторые в беспамятном состоянии были вынесены из зала.
27. 20 ОТДЕЛЕНИЕ ПГМ: Настроение рабочей массы, в связи с кончиной тов. ЛЕНИНА – единодушное, все очень огорчены. Несмотря на колоссальную утрату, у партийцев боевое настроение. Провокационных слухов и агитации не замечалось. В домпросвете имени Плеханова состоялся митинг, на котором присутствовало до 700 чел.

НАЧАЛЬНИК ПГО ОГПУ: [подпись отсутствует]

ЗАМ. НАЧАЛЬНИКА СОЧ. ПГО ОГПУ: [Денисевич]

УПОЛНОМОЧЕННЫЙ ПО ГОСИНФОРМАЦИИ: [подпись отсутствует]

Фонды Музея политической истории в СПб, ф.2, № 42870. Машинопись.

Приложение 2

АТТРАКЦИОН «ЛЕНИНСКИМ ПУТЕМ»

ПРЕЙСКУРАНТ

Примерить кепку Ильича	\$ 4
Полежать в мавзолее с Ильичом (2 минуты 30 секунд)	
– рядом	\$ 23
– на	\$ 39.99
– «валетом»	\$ 31
– под	\$ 25
– одному, в гордом одиночестве, в темноте и в кепке	\$ 49.99
Полежать в мавзолее с любимым человеком (15 минут)	\$ 100
Принять ходока	\$ 12
Принять с ходоком по 100 грамм	\$ 18
Выгнать ходока:	
– к чертовой матери	\$ 10
– просто выгнать	\$ 4.99
– выгнать с нанесением тяжких телесных повреждений	\$ 89.99
Перенести бревно (цена за метр)	
– настоящее	\$ 6
– надувное	\$ 1.50
– из красного дерева работы китайских мастеров	\$ 14
Включить лампочку Ильича	\$ 2

Вывинтить и унести ее	
– в открытую	\$ 300.99
– тайно (деньги вперед)	\$ 400.57
Выстрелить из орудия «Авроры»	
– холостым снарядом со стереозвуком (Hi-Fi)	\$ 89
– боевыми снарядами пулеметной очередью	\$ 3242
Дать бутерброд тов. Цюрупе	\$ 7
Съесть бутерброд тов. Цюрупы	\$ 11
Дать землю крестьянам (цена за полкилограмма)	\$ 16
Отобрать ананас и жареного рябчика у буржуя:	
– (рябчика отпустить на волю, ананас закопать)	\$ 21
– приготовить из рябчика бутерброд для тов. Цюрупы	\$ 12.99
Провести отчетно-перевыборное собрание	25000 руб.

Газета «Дело» (СПб), 1998, № 23, 15 июня

Список использованных сокращений и терминов

- Агитпроп** - отдел агитации и пропаганды
- БСЭ** - Большая Советская Энциклопедия
- Волревком** - волостной революционный комитет
- ВСНХ** - Всесоюзный Совет народного хозяйства
- ВЦИК** - Всероссийский Центральный Исполнительный комитет
- ВЦСПС** - Всесоюзный Центральный Совет Профессиональных Союзов
- ВЧК** - Всероссийская Чрезвычайная комиссия. 1918 - 1922
- Главполитпросвет** - Главное управление школьного образования и политико-просветительной работы
- Горком / ГК** - Городской комитет РКП(б) / ВКП(б)
- Госиздат** - Государственное издательство
- ГПУ** - Государственное политическое управление. 1922 - 1923
- Губком** - Губернский комитет РКП(б)
- ИМЛ ЦК КПСС** - Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС
- Истпарт** - Комиссия для собирания, изучения и издания материалов по истории Октябрьской революции и истории Российской Коммунистической партии. 1920 - 1921. Позже ИМЛ
- Коллектив** - низовая партийная организация на предприятиях и в учреждениях
- ЛЕФ** - творческое объединение писателей и поэтов двадцатых годов Левый Фронт
- МЦСПС** - Московский Центральный Совет профессиональных союзов
- Наркомпрос** - Народный комиссариат просвещения
- НКВД** - Народный комиссариат внутренних дел СССР. Образован в 1934 году

НЭП - Новая экономическая политика. 1921

Обком / ОК - областной комитет ВКП(б)

ОГПУ - Объединенное государственное политическое управление при СНК СССР. 1923 - 1934

Оторг - ответственный организатор, в 20-е годы руководитель партийной ячейки на предприятиях и в учреждениях

Партиздат - Партийное издательство

Петросовет - Петроградский Совет

ПК - Петроградский комитет РКП(б)

Политбюро - Политическое бюро ЦК РКП(б) / ВКП(б)

Политиздат - Издательство политической литературы

ПУОКР - Политическое управление [Петроградского военного] Округа

ПУР - Политическое управление Красной Армии

Райком - районный комитет РКП(б) / ВКП(б)

СНК СССР / Совнарком - Совет Народных Комиссаров СССР. 1917 - 1946

СОЧ ПГО ОГПУ - секретная оперативная часть Петроградского городского отделения ОГПУ

Спецхран - секретный отдел для "специального хранения" документов и книг в советских архивах и библиотеках

Уком - Уездный комитет РКП(б)

ЦИК СССР - Центральный Исполнительный комитет СССР. 1924 - 1937

ЦК РКП(б) / ВКП(б) - Центральный Комитет Российской Коммунистической партии (большевиков) / Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков)

Список архивов

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации

ГМ ПИР СПб – Государственный музей политической истории России в Санкт-Петербурге

СПб ИММ Смольный – Санкт-Петербургский историко-мемориальный музей Смольный, ранее Ленинградский филиал Центрального музея В.И. Ленина

РГАСПИ – Российский государственный архив социально-политической истории, бывший РЦХИДНИ (Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории), а еще ранее ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС (Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС)

ЦГАИПД СПб - Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга

ЦГА СПб - Центральный государственный архив Санкт-Петербурга

Библиография

- Авзегер Л.* Я вскрывал ваши письма // *Время и мы.* 1980. № 55. С. 224 – 253; № 56. С. 254 – 278.
- Азадовский М.К.* Ленин в фольклоре. // *Памяти Ленина.* М., АН СССР, 1934. С. 879 – 897.
- Афанасьев Ю.* А вы слышите пульс веков? // *Архитектура.* 1988. № 2. 23 января. С. 2-4.
- Баталов Е.* Культ личности и общественное сознание // *Суровая драма народа. Ученые, публицисты о природе сталинизма.* М., 1989. С. 14-29.
- Бахтин М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 1965.
- Бердяев Н.* Судьба России. М., 1918.
- Боброва Е.К.* Н.К. Крупская – историк партии. Ленинград: Изд-во Ленинградского ун-та, 1990.
- Большевистское руководство. Переписка. 1912 – 1927. Документы новейшей истории.* М., Росспэн, 1996.
- Бонч-Бруевич В.Д.* Воспоминания о Ленине. М., Политиздат, 1969.
- Борев Ю.Б.* Сталиниада. М., 1991.
- Валентинов Н.* Встречи с Лениным. New York: Изд-во им. Чехова, 1953
- Валентинов Н. (Вольский Н.)* Новая экономическая политика и кризис партии после смерти Ленина. М., 1991.
- Великанова О.В.* Зал памяти Ленина // *Диалог.* № 11. 1989. С. 17 – 20.
- Великанова О.В.* Механизм фальсификации. Из истории музея Октябрьской революции // *Диалог.* 1990, № 11. С. 23-28.
- Великанова О.В.* Образ Ленина в массовом сознании // *Отечественная история.* 1994. № 2.

- Великанова О.В. «По требованию трудящихся...» // Нева. 1991. №7. С. 179-184.
- Виттенберг Е. Ленин против культа Ленина // Наука и жизнь. 1989. № 4. С. 12 – 14.
- Воспоминания о В.И.Ленине. В 5 тт. / ИМЛ ЦК КПСС. М., Политиздат, 1990.
- Вебер М. Харизматическое господство / Пер. Шпаковой Р.П. // Социологические исследования. № 5. 1988. С. 135 – 147.
- ВЧК–ГПУ. Документы и материалы / Под ред. Ю.Г.Фельштинского. М., 1995.
- Гаряев С.М. Из истории Мавзолея Ленина // Знание. 1990. № 3.
- Геллер М. Машина и винтики. История формирования советского человека. London, 1985.
- Гляйзер М.М. Советский червонец // Вопросы истории. 1978. № 2. С. 114 – 120.
- Гозман Л., Эткинд А. Культ власти. Структура тоталитарного сознания // Осмыслить культ Сталина. М., Прогресс, 1989. С. 337 – 372.
- Голос народа. Письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918 – 1932 годов. М., Росспэн, 1998.
- Горбачев М.С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. М., 1988.
- Горький М. Владимир Ильич Ленин // Коммунистический Интернационал. 1920. № 12. Стб. 1926-1952.
- Горький М. Владимир Ильич Ленин // Русский Современник. 1924. № 1.
- Горький М. Несвоевременные мысли. Заметки о революции и культуре. 1990.
- Гуревич А.Я. Средневековый мир. Культура безмолвствующего большинства. М., 1990.
- Гуревич А.Я. Культура и общество средневековой Европы глазами современников. М., 1989.
- Дейч Г.М. Бланк особого учета, или еврейские предки Ленина // Час Пик. 1991. 22 июля.
- Дмитриев А.В. Социология политического юмора. М., Росспэн, 1998.

- Добренко Е.* Метафора власти. Литература сталинской эпохи в историческом освещении. Мюнхен, 1993.
- «Дорогой товарищ Ленин». Телеграммы и письма трудящихся Петрограда и Петроградской губернии Владимиру Ильичу Ленину. 1917 – 1924. Л., 1969.
- Достоевский Ф.М.* Братья Карамазовы // Собр. соч. в 10 тт. Т.9. М., Художественная литература, 1958.
- Дридзе В.С.* Н.К.Крупская. М., 1958.
- Ежова Г.* Петербург–Петроград–Ленинград // О Ленине – правду. Л., 1991. С. 166 – 170.
- Еннкер Б.* Начало становления культа Ленина // Отечественная история. 1992. № 5. С. 191 – 204.
- Еннкер Б.* Советский культ вождей: между мифом, харизмой, общественным мнением. – «Вождь и народ». – Понятие и следствия одного образца политической культуры в условиях диктатуры // Вестник Московского университета. Серия 12. Социально-политические исследования. 1994. № 5. С. 13 – 24.
- Живов В.М.* Государственный миф в эпоху Просвещения и его разрушение в России конца XVIII века // Век Просвещения. Россия и Франция. Випперовские чтения. М., 1989.
- Збарский Б.И.* Мавзолей Ленина. М., 1946.
- Збарский И.Б.* Жизнь мумии и судьба человека. Из воспоминаний хранителя тела Ленина // Отечественная история. 1993. № 5. С. 158 – 173.
- Земцов А.* Партия или мафия? Reunis. Paris, 1976.
- Зиновьев Г.* Н.Ленин. Владимир Ильич Ульянов. Петроград, 1918.
- Институт Ленина при ЦК РКП(б): Отчет 15 съезду партии. М., 1925.
- История ВКП(б). Краткий курс. М., 1938.
- Измозик В.С.* Глаза и уши режима. Государственный политический контроль за населением Советской России в 1918 – 1928 годах. СПб., 1995.
- Измозик В.С.* Перлюстрация в первые годы советской власти // Вопросы истории. 1995. N 8.
- Катехизис революционера // Борьба классов. 1924. № 1 – 2. С. 77-82.
- Канетти Э.* Масса и власть. Ad Marginem. М., 1997.
- Клемперер В.* ЛТН. Язык Третьего Рейха. Записная книжка филолога. М., 1998.

- Козлова Н.Н.* Горизонты повседневности советской эпохи. М., 1996.
- Колоницкий Б.* К изучению механизмов десакрализации монархии (слухи и «политическая порнография» в годы I Мировой войны) // Историк и революция. Сб. статей. СПб., 1999.
- Колоницкий Б.И.* Культ А.Ф.Керенского: образы революционной власти // The Soviet and Post-Soviet Review. 1997. Nos. 1 – 2.
- Кольев А.* Миф масс и магия вождей. М., 1999.
- Кон И.* Психология социальной инерции // Коммунист. 1988. № 1. С. 64 – 76.
- Копелев Л.* Я сотворил себе кумира. Ardis. Ann-Arbor, 1978.
- Красин Л.* Архитектурное увековечение Ленина // Известия. 1924. 3 февраля.
- Крупская Н.К.* Избранные педагогические сочинения. М., 1955.
- Крупская Н.К.* Как проводить Ленинские дни и подготовку к XVII партсъезду в школе // Педагогические сочинения в 10 тт. Т. 3, С. 658 – 659.
- Крупская Н.К.* Чем должны быть уголки имени Ленина // Педагогические сочинения в 10 тт. Т. 8. С. 119 – 120.
- Крупская Н.К.* Избранные произведения. М., 1988.
- Крупская Н.К.* О Ленине. Сб. М., 1960.
- Ларина А.М.* Незабываемое // Знамя. 1988. № 12. С. 93 – 169.
- Лебина Н.Б.* Проблемы социализации рабочей молодежи Советской России 20–30-х годов / Автореферат докторской диссертации. СПб., 1992.
- Лебина Н.Б.* Повседневная жизнь советского города: нормы и аномалии. 1920 – 1930 годы. СПб., 1999.
- Левада Ю.* Советский простой человек. М., 1993.
- Левкиевская Е.Е.* Представления о «последних временах» и конце света в современной крестьянской традиции // Время и календарь в традиционной культуре / Тезисы докладов Всероссийской научной конференции. СПб., 1999.
- Ленин в печати.* Издание произведений В.И.Ленина, книг и брошюр о нём. Статистический сборник. М., 1969.
- Ленин В.И.* О группе «Борьба» // Полн. собр. соч. Т. 6. С. 359.
- Ленин В.И.* Предписание А.Д.Цюрупе, 19 февраля 1919 года // Полн. собр. соч. Т. 50. С. 259.

- Ленин В.И. Проект постановления Политбюро ЦК РКП(б) о статьях А.М.Горького в журнале «Коммунистический Интернационал» // Полн. собр. соч. Т. 54. С. 429.
- Ленин В.И. Проект постановления СНК о невыполнении декрета о памятниках республики // Полн. собр. соч. Т. 54. С. 401.
- Ленин В.И. Речь на собрании, организованном московским комитетом РКП(б) в честь пятидесятилетия В.И.Ленина. 23 апреля 1920 года // Полн. собр. соч. Т.40. С. 325 – 327.
- Ленин В.И. Телеграмма А.В.Луначарскому, 18 сентября 1918 года // Полн. собр. соч. Т. 50. С. 182.
- Ленин В.И. Что делать. Наболевшие вопросы нашего движения // Полн. собр. соч. Т. 6. С. 2 – 192.
- Ленин. Собрание фотографий и кинокадров в 2 тт. М., 1990.
- Ленинское завещание. Документальный репортаж. М., 1988.
- Лежсва О., Нелидов Н. М.С.Ольминский. Жизнь и деятельность. М., 1973.
- «Литературный фронт». История политической цензуры. 1932 – 1946. Сборник документов / Сост. Д.Л.Бабиченко. М., 1994.
- Лихачев Д. Смех в Древней Руси. 1990.
- Ломагин Н.А. Настроения защитников и населения Ленинграда в период обороны города, 1941 – 1942 // Ленинградская эпопея. СПб., 1995.
- Лотман Ю.М., Успенский Б.А. Миф – имя – культура // Труды по знаковым системам. 6. Тарту, 1973.
- Луначарский А.В. Организация массовых народных празднеств // Речи и беседы пропагандиста. 1921. № 16. С. 3 – 5.
- Лурье С.В. Историческая этнология. М., Аспект Пресс, 1997.
- Лурье С. Метаморфозы традиционного сознания. СПб., 1994.
- Майский С. «Чёрный кабинет». Из воспоминаний бывшего цензора // Былое. 1918. № 13. Кн. 7. С. 45 – 54.
- Малинин Ю.П. Королевская троица во Франции 14 – 15 веков // Одиссей. 1995.
- Мандельштам Н. Вторая книга. М., 1990.
- Материалы XXII съезда КПСС. М., 1961.
- Маяковский В. Не торгуйте Лениным // ЛЕФ. № 1. 1924. С. 3 – 7.

- Менжинская В.* Уголки Ленина // Коммунистическое Просвещение, 1924. № 1. С. 101 – 105.
- Недорисованный портрет. 1920. 50-я годовщина дня рождения В.И.Ленина в речах / Под ред. К.И.Букова. М., 1990.
- Неизвестная Россия. XX век. Архивы. Письма. Мемуары. Т. 1. М., 1991; Т. 2. М., 1992; Т. 3. М., 1993; Т. 4. М., 1994.
- Неподцензурная русская частушка / Подготовка текста В.Кабронского. New York, 1978.
- Пьер Нора, Мона Озуф, Жерар де Пушмеж, Мишель Винок.* Франция-память. СПб., 1999.
- Общество и власть. 1930-е годы. Повествование в документах. М., Росспэн, 1998.
- Осокина Е.* За фасадом «сталинского изобилия». Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации, 1927 – 1941. М., Росспэн, 1999.
- Отчет Комиссии ЦИК СССР по увековечению памяти В.И. Ульянова (Ленина). М., 1925.
- Паперный В.З.* Культура – «два». Ardis, 1985.
- Петренко Н.* Ленин в Горках – болезнь и смерть (Источниковедческие заметки) // Минувшее. Исторический альманах. 2. М., 1990. С. 143 – 287.
- Письма во власть. 1917-1927. Заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и большевистским вождям. М., Росспэн, 1998.
- Подвойский Н.Л.* В.И.Ленин в 1917 году // Исторический архив. 1956. № 6. С. 111 – 132.
- Полная Православная Богословская Энциклопедия в 2 тт. СПб., без даты.
- Потресов А.Н.* В.И.Ленин // Посмертный сборник произведений. Париж, 1937.
- Пясковский А.В.* Ленин в русской народной сказке и восточной легенде. М., 1930.
- 50-я годовщина дня рождения Ленина. М., 1920.
- Рабочие и крестьяне о Ленине. М., Партиздат, 1933.
- Реликвии борьбы и труда. Каталог знамен Государственного музея Великой Октябрьской социалистической революции. Ленинград, 1985.
- Розанов Е.Г., Ревякин В.И.* Архитектура музеев В.И.Ленина. М., 1986.

- Руднев Д. Мужество. Н.К.Крупская против диктата Сталина // Коммунист Эстонии. 1988. № 9. С. 71 – 81.
- Самойлов Ф.Н. Возвращение В.И.Ленина в Петроград в апреле 1917 года // Воспоминания о Ленине в 5 тт. М., 1969. Т. 2. С. 384 – 387.
- Седов Л.А. К истокам авторитарного сознания // Тоталитаризм как исторический феномен. М., 1988. С. 173 – 202.
- Селищев А. Язык революционной эпохи. М., 1928.
- Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона. М., 1992.
- Справочник партийного работника. М., 1957.
- Сталин И.В. По поводу смерти Ленина. Речь на II Всесоюзном Съезде Советов. 26 января 1924 года // Собр. соч. Т.6. С. 46 – 51.
- Сталин И.В. Заключительное слово на XIII конференции РКП(б) // Собр. соч. Т. 6. С. 27 – 45.
- Сталинское Политбюро в 30-е годы / Сост. О.В.Хлевнюк и др. М., 1995. (Серия «Документы советской истории»).
- Старков Б.А. Дела и люди сталинского времени. СПб., 1995.
- Старков Б.А. Они не молчали. М., 1991.
- Такер Р. Ленин и рождение большевистской харизмы // Сталин. Путь к власти. 1879 – 1929 / Пер. Г.П.Бляблина и А.К.Зур. М., 1990.
- Троцкий Л.Д. О партии в 1904. М.–Л., 1928.
- Троцкий Л.Д. О раненом // Луначарский А.В., Радек К., Троцкий Л. Силуэты. Политические портреты. М., 1991.
- Транспорт и связь СССР. Статистический сборник. М., 1967.
- У Великой могилы. М., 1924.
- Уголок имени В.И.Ульянова (Ленина). М., 1923.
- Успенский Б.А. Мена имен в России в исторической и семиотической перспективе // Избранные труды. Т. 2. Язык и культура. М., 1994.
- Успенский Б.А. Помазание миром при возведении на престол // Избранные труды. Т. 1. М., 1996.
- Успенский Б.А. Социальная жизнь русских фамилий // Избранные труды в 2 тт. Т. 2. М., 1994.
- Успенский Б.А., Живов В.М. Царь и Бог. Семиотические аспекты сакрализации монарха в России // Избранные труды. Т. I. М., Гнозис, 1994.

- Флоренский П. Имена // Социологические исследования. 1989. № 2 – 6; 1990. № 2 – 4, 5.
- Фонд документов Ленина. М., Политиздат, 1984.
- Фортулатова Е.Я., Шлегер Л.К. Школа и деревня. Первая книга для чтения и работы в деревенской школе / Изд. 12-е. М., Гос. уч.-пед. изд-во, 1931.
- Файнбург З.И. Не сотвори себе кумира. Социализм и культ личности. М., 1991.
- Хан-Магомедов С.О. Мавзолей Ленина. М., 1972.
- Хапаева Д., Копосов Н. Советский исторический пантеон. (Рукопись).
- Хрущев Н.С. О культе личности и его последствиях. Доклад 25 февраля 1956 г. // Известия ЦК КПСС. 1989. № 3. С. 128 – 170.
- Чередниченко Т.В. О роли имиджа в истории // Социологические исследования. 1993. № 9. С. 93 – 98.
- Чернышев А. Современная советская мифология. М., 1992.
- Шидловский Г. Ленин – мифическое лицо // Пролетарская революция. 1922. № 3. С. 333 – 334.
- Шинкарчук С.А. Общественное мнение в советской России в 30-е годы. СПб., 1995.
- Штейн М. Генеалогия рода Ульяновых // Литератор. 1990. № 38.
- Штейн М.Г. Ульяновы и Ленины. Тайны родословной и псевдонима. СПб., 1997.
- Штурман Д., Тиктин С. Советский союз в зеркале политического анекдота. Тель-Авив, 1990.
- Щербинин А.И. «С картинки в твоём букваре», или Аз, Буки, Веди, Глагол, Мыслете и Живете. Тоталитарная индоктринация // Политические исследования. 1999. № 1.
- Якерин В. Об использовании имени Ленина // Красная Новь. 1925. № 9. С. 279 – 281.
- Яров С.В. Кронштадтский мятеж в восприятии петроградских рабочих // Звенья. Исторический альманах. Вып. 2. М.–СПб., Феникс – Atheneum, 1992. С. 539 – 547.
- Яров С.В. Политическое сознание рабочих Петрограда в 1917 – 1923 годах / Автореферат докторской диссертации. СПб., 1999.

Яров С.В. Пролетарий как политик. Политическая психология рабочих Петрограда в 1917 – 1923 годах. СПб., Дмитрий Буланин, 1999.

Alexopoulos G. The Ritual Lament: a Narrative of Appeal in the 1920s and 1930s // *Russian History / Histoire Russe*. 24. 1997. Nos. 1 – 2.

Bonnell V.E. Iconography of Power. Soviet Political Posters under Lenin and Stalin. 1998.

Bourdieu P. Language and Symbolic Power. Cambridge. Harvard University Press, 1991.

Brooks J. Thank You, Comrade Stalin! Soviet Public Culture from Revolution to Cold War. Princeton, 2000.

Bursa G.R.F. Political Changes of Names of Soviet Towns // *Slavonic and East European Review*. Vol. 63. N 2 (1985). P. 161 – 193.

Cherniavsky M. Tsar and People. Studies in Russian Myths. New York, Random House, 1969.

Clark K. The Soviet Novel: History as Ritual. Chicago, 1980.

Clark K. Utopian Anthropology as a Context for Stalinist Literature // *Tucker R.* Stalinism. Essays in Historical Interpretations. New York, 1977.

Davies R.S. Popular Opinion in Stalin's Russia. Terror, Propaganda and Dissent, 1934 – 1941. Cambridge University Press, 1997.

Ennker B. Die Anfänge des Leninkults in der Sowjetunion. Boehlau Verlag, 1997.

Ennker B. Ende des Mythos? Lenin in der Kontroverse // D.Geyer (Hg.): Die Umwertung der Sowjetischen Geschichte. Goettingen, 1991. S. 54 – 74.

Feinsod M. Smolensk under Soviet Rule. Cambridge. Mass., 1958.

Fitzpatrick Sh. Everyday Stalinism. Ordinary Life in Extraordinary Times. Soviet Russia in the 1930s. Oxford University Press, 1999.

Fitzpatrick Sh. Stalin's Peasants. Resistance and Survival in the Russian Village after Collectivization. Oxford University Press, 1994.

Foucault M. Power / Knowledge. New York. Pantheon, 1980.

Frazer J.G. The Belief in Immortality and the Worship of the Dead. London, 1968.

Gerzon L.D. The Secret Police in Lenin's Russia. Philadelphia, 1976.

- Golomstock I.* Totalitarian Arts in the Soviet Union, the Third Reich, Fascist Italy and the People's Republic of China. London, 1990.
- Hagen von M.* Soldiers in the Proletarian Dictatorship. Cornell University Press, 1990.
- Huizinga J.* The Waning of the Middle Ages. London, 1924.
- Hobsbawm E.* The Invention of Tradition. Cambridge University Press, 1983.
- Jaubert A.* Fotos, die lügen. Politik mit gefälschten Bildern. Athenaeum, 1989.
- Kantorowicz E.H.* The King's Two Bodies. A study in Medieval Theology. Princeton University Press, 1970.
- Kershaw I.* The Hitler Myth. Image and Reality in the Third Reich. Oxford, 1989.
- Kershaw I.* Popular Opinion and Political Dissent in the Third Reich. Oxford, 1983.
- Kertzer D.* Politics and Symbols. The Italian Communist Party and the Fall of Communism. Yale University Press, 1996.
- Khapaeva D., Kopossov N.* Les demi-dieux de la mythologie Soviétique // *Annales*. 1992. N 4 – 5.
- King D.* «The Commissar Vanishes». The Falsification of Photographs and Art in Stalin's Russia. New York. Metropolitan Books, 1997.
- Kolonitskii B.I.* Revolutionary Names: Russian Personal Names and Political Consciousness in the 1920s and in 1930s // *Revolutionary Russia*. 1993. December. Vol. 6. N 2.
- Kovacs A'kos – Sztres Erzsebet.* Az orosz tolvaj világ és művészete. Pesti Szalon Könyvkiadó, 1994.
- Kull S.* Buring Lenin. The Revolution in Soviet Ideology and Foreign Policy. Westview Press, 1992.
- Lane Chr.* The Rites of Rulers. Ritual in Industrial Society. The Soviet Case. Cambridge. Mass., 1983.
- Lenin and Leninism. State, Law and Society / Eisenstadt B.W. (ed.).* Lexington. Massachusetts – Toronto – London, 1971.
- Lenin V.I.* An Annotated Bibliography of English-Language Sources to 1980 // *Egan D.R., Egan M.* Methuen. London, 1982.
- Levin J., Arlike A.* Gossip. The Inside Scoop. Plenum Press, 1987.
- Mass Culture in Soviet Russia. Tales. Poems. Anecdotes. / S.V. Geldern, R. Stites (ed).* Indiana University Press, 1995.

- McNeal R.* Bride of the Revolution. London, 1973.
- Miller F.* Folklore for Stalin: Russian Folklore and Pseudofolklore of the Stalin Era. M.E.Sharpe, 1990.
- Moscovici S.* The age of crowd. A historical treatise on mass psychology / Translated by S.C.Whitehouse. Cambridge University Press. Edition Maison, 1985.
- Mosse George L.* The Nationalization of the Masses. Political Symbolism and Mass Movements in Germany from the Napoleonic Wars through the Third Reich. Howarg Fertig. New York, 1975.
- O'Dell F.A.* Socialization through Children's Literature. The Soviet Example. Cambridge. Mass., 1978.
- Perrie M.* The Image of Ivan the Terrible in Russian Folklore. Cambridge University Press, 1987.
- Perrie M.* The Tsar, the Emperor, the Leader: Ivan the Terrible, Peter the Great and Rybakov's Stalin // Stalinism: its Nature and Aftermath / *N.Lampert and G.T.Rittersporn* (ed.). Houndmills, Basingstoke, Hampshire and London, 1992.
- Rigby T.H.* A Conceptual Approach to Authority, Power and Policy in the Soviet Union // *Rigby T.H., Reddway P.* Authority, Power and Policy in the USSR. London, 1980.
- Rigby T.H., Feher F.* Political Legitimizing in Communist States. New York, 1982.
- Rittersporn G.T.* Das kollektivierte Dorf in der bauerlichen Gegenkultur // *Hildermeier M.* (ed.) Stalinismus vor dem Zweiten Weltkrieg. Munich, 1998.
- Scherrer J.* L'erosion de l'image de Lenin // Actes de la recherche en sciences sociales. 1990. Novembre. P. 54 – 69.
- Scott J.C.* Domination and the Arts of Resistance. New Haven, 1990.
- Smart C.* Gorbachev's Lenin: The Myth in Service to Perestroika // Studies in Comparative Communism. Vol. XXIII (1990). N 1. P. 5 – 21.
- Soviet Hieroglyphics. Visual Culture in Late XX Century Russia / N.Condee* (ed.). London, 1995.
- Thurston R.W.* Social Dimensions of Stalinist Rule: Humor and Terror in the USSR, 1935 – 1941 // Journal of Social History. 1991. Spring.
- Tucker R.* Political Culture and Leadership in Soviet Russia. From Lenin to Gorbachev. Harvesterpress, 1987.

Tucker R.C. The Theory of Charismatic Leadership // *Daedalus* 97 (1968) 3. P. 731 – 756.

Tumarkin N. Lenin Lives! The Lenin Cult in Soviet Russia. Cambridge. Mass., 1983.

Ungern A.L. The Totalitarian Party. Party and People in Nazi Germany and Soviet Russia. Cambridge University Press, 1974.

Velikanova O.V. The Function of Lenin's Image in Soviet Mass Consciousness // Soviet Civilization between Past and Present. Odense University Press, 1998.

Viola L. Peasant Rebels under Stalin. Collectivization and the Culture of Peasant Resistance. Oxford University Press, 1996.

Voronitsin S. The Lenin Cult and Soviet Youth // *Studies on the Soviet Union*. 1969. N. 1.

Welikanowa O. Der Lenin-Kult in sowjetischen Museen // *Osteuropa*. 1993. N 10. S. 929 – 938.

White S. Political Culture and Soviet Politics. London, 1979.

Zander V. St. Seraphim of Sarov. Crestwood. New York, 1985.

Периодические издания

Аргументы и факты

Беднота

Большевик

Борьба классов

Вопросы истории

Вопросы истории КПСС

Вопросы социологии

Всероссийский иллюстрированный календарь. (Петроград)

Знамя

Известия

Известия ЦК КПСС

Исторический архив

История СССР

Кентавр

Коммунистический Интернационал

Коммунист
Коммунист Эстонии
Красная газета
Красная новь
Ленинградская правда
ЛЕФ
Московские новости
Наука и жизнь
Огонёк
Отечественные архивы
Отечественная история
Политические исследования
Правда
Прожектор
Пролетарская революция
Рабочая газета
Речи и беседы пропагандиста
Родина
Русский современник
Советская культура
Советский музей
Солдатская правда
Социологические исследования

Алфавитный указатель

- Адоратский В.В. 150
 Александр I 83
 Алексеев Г. 166
 Аллилуевы 162
 Альтман Н. 54, 166
 Анекдоты vii, 15, 18, 28-35, 78, 80, 82, 105, 123, 125, 127, 134, 188, 200, 206, 211, 220, 230, 242, 252, 274
 Анненков Ю. П. 86
 анонимки 22, 124, 173, 243
 Антихрист 178, 179, 181, 182
 антисемитизм 14, 85, 86, 206, 208, 209, 213
 антисоветская
 агитация 18, 33
 выступления 14, 69, 70
 Аркадия 47
 аскетизм 231, 239, 252
 Астрахань 210

 Бахтин М. 29, 220, 267
 Беломорканал (Беломорско-Балтийский канал) 33
 бессознательное 19, 31, 37, 43, 44, 163, 245, 246, 249, 253
 биография Ленина 52, 61, 142, 209
 Бланк А. Д. 209, 213
 большевики 25, 37, 51-55, 59, 74, 86-88, 91, 108, 113, 118, 126, 128, 130, 139, 140, 144, 158, 176-179, 190, 209, 211, 221, 227, 233, 243, 248, 264, 272
 Бонч-Бруевич В. Д. 55, 59, 94, 95, 98, 99, 145, 169, 267
 Бухарин Н. И. 54, 84, 93, 96, 98-100, 124, 131-134, 176, 194

 вера 21, 44, 48, 49, 57, 92, 202, 249
 вербовка 107-116, 225
 Виола Л. 38, 178

 Волково кладбище 242
 Ворошилов К. Е. 94, 95, 98

 генеалогия 210-212
 Герасимов А. 155
 Германия 5-7, 28, 39, 42, 90, 177, 179, 183
 гласность 161, 241
 голод v, 36, 39, 47, 58, 86, 108, 123, 127, 128, 178, 227, 239, 242, 243, 249
 Горбачев М. С. 39, 237, 252, 268
 Горький А. М. 10, 34, 55-58, 134, 223, 239, 268, 271
 грузины 206

 Дворцовая площадь 74, 243
 Дейч Г. М. 213, 268
 демонизация 238
 десакрализация 173, 237, 244, 270,

 Евдокимов Г. Е. 197
 евреи 79, 85, 205-214, 227, 239, 268, см. также антисемитизм
 Евсеев С. 232

 жалобы 21, 128, 190, 219, 228
 Жданов А. А. 173, 207

 завещание 2, 132-134, 138, 188, 252, 271
 заповеди 176
 Зиновьев Г. Е. 10, 52, 53, 58, 61, 62, 78, 84, 85, 94, 96, 98, 140, 144, 145, 167, 175, 180, 194-198, 201, 223, 229, 269

 Иван Грозный v, 35
 идентичность 5, 45, 225, 230, 233
 национальная 206, 214
 социальная 233

- иерархия 14, 24, 29, 51, 78, 106, 113, 135, 137, 168, 173, 174, 187, 189, 216, 223, 250
 Иисус Христос 80, 83, 160, 175, 181, 190, 205, 231
 иконы 47, 86, 112, 118-120, 129, 130, 140, 141, 171, 174, 175, 190, 190, 235, 247
 иконизация 171
 иконопись 168
 Ильичев Л. Ф. 212
 Илья Николаевич 62
 информаторы, осведомители 12, 13, 19, 21, 24, 27, 71, 72, 75, 110, 111, 195, 217, 225
 информация 11, 14-16, 20, 21, 25, 26, 28, 29, 31, 38, 71, 72, 79, 108, 115, 128, 151, 152, 195, 196, 241, 259
 информационные отделы 12, 13, 20
 ипостаси образа 123, 155, 163, 165, 190, 211, 213-216, 221, 225, 228, 238, 245, 250,
 Истпарт 64, 119, 263
 Каганович Л. М. 134, 173, 221
 Калинин М. И. 84, 85, 93, 98, 196, 208, 227, 256
 Каменев Л. Б. 61, 84, 85, 94-98, 108, 131, 133-137, 140, 180, 196, 208, 256
 канонизация 77, 90, 95, 98, 163, 171, 176, 199
 Каплан Ф. 51, 52, 59
 карнавал 29, 173
 Карпинский В. А. 22
 Карякин Ю. 242
 Кекконен Урхо Калева 188
 Кириллов 55
 Киров С. М. 123, 222, 223
 Кларк К. 222
 класс 53, 78, 79, 100, 144, 168, 176, 181, 186, 197, 219, 232, 251, 269
 Клямкин И. 238
 коллективизация 45, 124, 178
 коллективные представления iii. vi. 4, 10, 32, 36-41, 46, 47, 50-53, 76-79, 86, 91, 123, 125, 127, 135, 165, 168, 174, 181, 187, 190, 198, 206-209, 216, 221, 223, 225, 226-232, 238, 239, 245, 246, 250-253
 Коллонтай А. М. 137
 колхозы 124, 199, 207
 Комиссия по увековечению памяти
 Ленина 94, 95, 169, 171
 коммунист 21, 49, 67-70, 77, 81, 108-113, 124, 132, 133, 145, 176, 179, 206-209, 226, 234, 244, 270
 комсомол 73, 78, 81, 112-114
 конец света 120
 Конституция 15, 123
 Красная Армия 19, 58, 193, 217, 264
 Красная площадь 91, 95, 97, 99, 101, 102, 105
 Краткий курс истории ВКП(б) 154, 171, 226, 269
 кремация, крематорий 91-93, 98, 99, 101
 крестьяне 12, 14, 22, 23, 30, 32, 36, 38, 45, 48, 58, 61, 69, 73, 83, 87, 95, 106, 112, 121-129, 137, 150, 167, 176-178, 202, 207-210, 216-219, 222, 227-230, 234, 247, 250, 270, 272
 Кронштадт, восстание 12, 25, 59, 109, 205, 274
 Крупская Н. К. 10, 52, 81, 98, 99, 119, 131-147, 152, 156, 171, 203, 210, 239, 267, 273
 Крюкова Марфа 34
 культ 1-10, 28, 32, 35, 41-48, 51, 57-60, 65, 75, 80, 86, 88, 105, 116, 123, 128-130, 134-137, 143-147, 149, 152-161, 187, 215, 221, 237, 243-253, 267, 270-274
 официальный 246, 248, 251
 спонтанный 246, 248
 Кшесинская М. Ф. 64, 119, 151
 Ларина А. 100, 270
 Лебон 43, 46
 легитимация 43, 88, 116, 123, 128, 135, 139, 199, 215, 222, 237, 245, 246, 252
 лексика 50, 218
 гражданская 175
 церковная 175, 176
 Ленинград 9-11, 19, 47, 48, 80, 94, 114-125, 246, 252
 лениниана 1, 117, 152, 158
 Ленинские уголки 88, 118, 120, 122, 151, 164, 247
 «ленинщина» 238
 Либкнехт К. 167, 201
 листовки 48, 127-128, 166, 172, 205, 219
 Луначарский А. В. 10, 47, 55, 60, 74, 271, 273
 Люксембург Р. 167

- Мавзолей 82, 89, 90, 99-106, 138, 145, 149, 170, 187, 190, 242, 261, 268
 Маркс К. 47, 53, 60, 62, 75, 80, 119, 139, 166, 175, 179, 199, 212, 226
 «массификация» 41-45
 Маяковский В. В. 171, 225, 271
 Мемориальные музеи 63, 119, 146, 152, 154, 157-162, 231, 265
 Менжинский Р. В. 25, 68
 ментальность русская 18, 249
 Меркулов С. Д. 169, 170
 миф 32, 35, 41-47, 51, 61, 63, 135, 147, 149, 152, 154, 163, 169, 176, 188, 190, 210, 215, 217, 218, 222, 229, 230, 237, 224, 246, 251, 269, 271
 мобилизация масс 246
 Моисей 48
 Молотов В. И. 22, 94, 96, 97
 Москва 9, 34, 63, 74, 77, 82, 84, 85, 91, 97, 100, 105, 117, 146, 150, 156, 160-162, 170, 195, 202, 209, 217
 мумификация 99, 104, 138
 мученики, мученичество 79, 80
- Назаров И. Н. 213
 национальность 62, 67, 73, 85, 163, 170, 205, 211
 немецкие деньги для большевиков 179
 немцы 226
 «нечаевщина» 56, 57
 Николай II 15, 127, 187
 Никулин Ю. 231
 НКВД 10, 11, 15, 18, 25, 35, 105, 172, 251, 263
 НЭП (Новая Экономическая Политика) 24, 65, 85, 107, 109, 217, 238, 249, 264
- общественное мнение 12, 20-27, 38, 87, 105, 108, 109, 126, 127, 198, 242, 243, 269, 274
 ОГПУ 11-16, 19, 21, 24-26, 35, 58, 62, 67-76, 84, 108, 131, 172, 185, 195, 208, 255, 264
 Ольминский М. С. 55, 59, 142, 150, 271
 оппозиция 18, 63, 85, 101, 125, 132, 140, 227
- памятники 60, 81-84, 99, 137, 155, 160, 170, 174, 201, 219, 232
 паника 67, 69, 94, 249
 патернализм 222, 241, 250
 патерналистская диктатура 116
 Пенза 210
- Перестройка 3, 34, 37, 135, 137, 214, 237, 253
 перлюстрация 10, 12, 13, 15-17, 23, 24, 112, 269
 Перри М. 35
 Петров А. Г. 211
 Петр I 35, 78, 178
 письма 12, 15-25, 47, 58, 81, 87, 99, 109-129, 133, 164-168, 177-190, 201, 227, 242, 267
 План монументальной пропаганды 60
 Польша 54
 пожертвования 81, 84
 популяризация вождя 51-58, 118
 Православная церковь 21, 93, 164, 207
 праздники
 религиозные 184, 185
 революционные 74, 81, 104, 166, 184, 185, 193, 238
 преемник Ленина 27, 84, 132, 196, 256
 Преображенский Е. 84
 привилегии 61, 102, 109-116, 225
 пролетарская революция 61, 62, 274
 пропаганда iv, vii, 2-4, 9, 18, 20, 23, 25, 31-33, 41, 51, 60, 65, 74, 78-80, 86, 107, 116, 135, 146-149, 155, 161, 166, 181, 198, 203, 206, 214, 218, 225, 228-231, 235, 239, 241, 246, 249, 250-252, 263
 антирелигиозная 23, 164, 178
 недоверие к 77, 79
 эффективность 25, 248
 прощения 128, 194
 Пятаков Ю. 84
- рабочие 53, 61, 73-76, 81, 85, 101, 109-115, 124, 127, 137, 168, 170, 180, 186, 208, 217, 225, 255-257, 272
 Радек К. Б. 10, 33, 54, 134, 140, 176, 273
 Разлив 152, 232
 религия православная 21, 47, 90, 93, 164, 176, 207, 209, 247
 репрессии 23, 25, 29, 33-35, 42, 131, 212, 217, 220
 Риттерспорн Г. 7, 248
 родословная, 213 см. также генеалогия
 Росляков М. В. 74, 111
 Ростов-на-Дону 202
 Рыков А. И. 22, 23, 83, 85, 196, 208, 256
 Рютин М. П. 126
- Сахаров А. Д. 240
 Свердлов Я. М. 60, 91, 95, 157

- сводки о настроениях 4, 10-13, 15-17, 19, 21-26, 28, 29, 33, 59, 72, 74, 87, 108, 195, 198, 205, 206, 208, 225, 255-259
- сводки о перлюстрации 11
- святые 163, 215
- секуляризация 46, 91
- Семашко Н. А. 77, 98
- семья 74, 112, 159, 180, 203, 210, 211, 214, 222, 225,
- сифилис 77, 78, 79, 199
- служащие 13, 75, 195, 206, 255, 258
- слухи 10, 29, 36-38, 69, 77-79, 98, 105, 123, 132, 188, 208, 211, 226, 239, 252, 259, 270
- Смольный 162, 265
- Скотт Дж. 250
- Смирнова А. А. 131, 210, 213
- СНК или Совнарком, 23, 64, 67, 85, 149, 153, 167, 179, 208, 264, 271
- Солженицын А. И. 20
- Соловки 20
- социальное происхождение 61, 63, 211, 230
- социологические опросы 10
- Сталин И. В. 2-4, 32-34, 39, 42, 50, 63, 65-69, 84, 90, 93, 98, 102, 108, 121-147, 154-157, 173-181, 187-189, 194, 204, 206, 209, 213-235, 250-252, 268, 273
- стратегии выживания 116, 250
- Тард 46
- тело 10, 83, 91-105, 169, 180, 189, 198, 199, 242, 256, 259
- террор 10, 26, 27, 35, 45, 49, 79, 124, 125, 147, 172, 205, 239, 249, 251
- Троцкий Л. Д. 2, 10, 32, 53, 62, 68, 79, 84-88, 93, 98, 108, 124, 139, 145, 166, 174, 179, 206, 208, 219, 227, 236, 273
- убийство Ленина 79, 80
- Украина 213, 227
- Ульянов Д. И. 210
- Ульянов И. Н. iii, 62
- Ульянова-Елизарова А. И. 62, 63, 150, 209
- Ульяновск 159, 160, 194, 210,
- Франция 7, 28, 183, 269, 271, 272
- Фитипатрик Ш. 22, 178
- Хейзинга Я. 165
- хлеб 32, 39, 73, 108, 113, 127, 181, 242
- Хрушев Н. С. 219, 251, 252, 274
- царь 32, 39, 76, 88, 273
- Цыпко А. 238
- Цюрупа А. Д. 22, 68, 84, 145, 262, 270
- частушки 15, 28-30, 35, 39, 78, 82, 127, 200, 207, 219, 252, 272
- Череповец 166
- Чехонин С. ii, 170
- Чичерин Г. В. 84
- чудо 57, 92, 164, 204, 239, 246, 250
- Чупятов Л. 166
- Шагинян М. С. 209, 214
- Шеварнадзе Э. А. 3
- Шидловский Г. 61, 62, 274
- Штейн М. Г. 211, 212, 274
- эгалитаризм 230, 234
- эсеры 14, 51, 52, 79
- Ягода Г. 71
- Ясперс К. 48, 246,

SLAVIC STUDIES

1. Constantine Nabokov, **Constantine Nabokov's Letters to an American Friend, 1906-1913**, W.W. Straka and John Melby (eds.)
2. John Dunstan, **V.N. Soroka-Rosinsky (1882-1960), Soviet Teacher, in Fact and Fiction: The Double Exposure of Vikniksor**
3. Bronislava Volkova, **A Feminist's Semiotic Odyssey Through Czech Literature**
4. Juras T. Ryfa (ed.), **Collected Essays in Honor of the Bicentennial of Alexander Pushkin's Birth**
5. Daniel Rancour-Laferriere, **Russian Nationalism from an Interdisciplinary Perspective: Imagining Russia**
6. Olga Velikanova, **The Public Perception of the Cult of Lenin Based on Archival Materials**